

ISSN 2686-7249

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Литературоведение.
Языкознание. Культурология»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Literary Theory.
Linguistics. Cultural Studies”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

2
2022

VESTNIK RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya"
RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series
Academic Journal

There are 10 issues of the journal a year.

Founder and Publisher: Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific journals and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

10.01.00 Philology:

10.01.01 Russian literature

10.01.03 Foreign literature

10.01.08 Literary Theory. Textology

10.01.09 Folkloristics

10.02.00 Linguistics:

10.02.14 Classical philology, Byzantine and Modern Greek Studies

10.02.01 Russian language

10.02.02 Languages of the Russian Federation

10.02.19 Theoretical linguistics

10.02.20 Historical-comparative, typological and contrastive linguistics

24.00.00 Culturology:

24.00.01 Cultural history and theory

24.00.03 Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects

Goals of the journal: Presentation of the results of the latest researches in the field of philology, linguistics and culturology, which have an unquestionable theoretical and practical value and are promising for the development of research in these fields of knowledge.

Advancement of empirically oriented linguistic research and high-quality studies of Russian, languages of the Russian Federation, and languages of the world within a variety of theoretical frameworks and in comparative, historical and typological perspectives.

Objectives of the journal: implementation and development of expertise of scientific articles taking into account the dominance of modern interdisciplinary and integrated approaches; presentation of the most significant achievements important for the development of science and capable of being introduced into the educational process as examples of correct scientific work; attraction of new authors, researchers, showing high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of academic and university science; translation of scientific experience between generations and between institutions.

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Culturology" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61883 of 25.05.2015

Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-74270 of 09.11.2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047

e-mail: antonov-dmitriy@list.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»

Научный журнал

Выходит 10 номеров печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

10.01.00 Литературоведение:

10.01.01 Русская литература

10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)

10.01.08 Теория литературы. Текстология

10.01.09 Фольклористика

10.02.00 Языкознание:

10.02.14 Классическая филология, византийская и новогреческая филология

10.02.01 Русский язык

10.02.02 Языки народов Российской Федерации

(с указанием конкретного языка или языковой семьи)

10.02.19 Теория языка

10.02.20 Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание

24.00.00 Культурология:

24.00.01 Теория и история культуры

24.00.03 Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов

Цель журнала: представление результатов новейших исследований в области литературоведения, языкознания и культурологии, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этих областях знания. Продвижение эмпирически ориентированных исследований по русскому языку, языкам Российской Федерации и языкам мира в рамках разнообразных теоретических подходов и в сопоставительной, исторической и типологической перспективе.

Задачи журнала: осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее значимых достижений, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и университетской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институтами.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61883 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-74270 от 09.11.2018 г.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6
электронный адрес: antonov-dmitriy@list.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

P.P. Shkarenkov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

D.I. Antonov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

P.M. Arkadiev, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Slavic Studies RAS/Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
(*deputy editor*)

O.L. Akhunova, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

S.I. Baranova, Dr. of Sci. (History), The Moscow State Integrated Art and Historical Architectural and Natural Landscape Museum-Reserve, Moscow, Russian Federation

L.V. Belovinskiy, Dr. of Sci. (History), professor, Moscow State Art and Cultural University, Moscow, Russian Federation

V.V. Gudkova, Dr. of Sci. (art studies), State Institute for Art Studies, Moscow, Russian Federation

N.P. Grintser, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Yu.V. Domanskiy, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Dybo, RAS corr. memb., Dr of Sci. (Philology), professor, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

I. Rzepnikowska, Dr. of Sci. (Philology), Nicolaus Copernicus University, Toruń, Poland

G.I. Zvereva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

I.I. Isaev, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

G.I. Kabakova, Dr. of Sci. (Philology), Universite de Paris-Sorbonne, Paris, France

N.V. Kapustin, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation

V.I. Kimmelman, PhD, Bergen University, Bergen, Norway

J.D. Clayton, PhD, University of Ottawa, Ottawa, Canada

I.V. Kondakov, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

G.Ye. Kreidlin, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

L.I. Kulikov, Cand. of Sci. (Philology), PhD, Ghent University, Ghent, Belgium

M.N. Lipovetskiy, Dr. of Sci. (Philology), professor, University of Colorado, Boulder, USA

D.M. Magomedova, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

- I.V. Morozova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.G. Mostovaya*, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- S.Yu. Neklyudov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.I. Podlesskaya*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.I. Polovinkina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- E.Yu. Protasova*, Dr. of Sci. (pedagogy), University of Helsinki, Helsinki, Finland
- R.I. Rozina*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- J. Sadowski*, Dr. of Sci. (History), Jagellonian University, Krakow, Poland
- A.Yu. Sorochan*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Tver State University, Tver, Russian Federation
- Ya.G. Testelets*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.I. Togoyeva*, Dr. of Sci. (History), Institute of General History RAS, Moscow, Russian Federation
- V.I. Tyupa*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A.A. Kholikov*, Dr. of Sci. (Philology), Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russian Federation
- O.B. Khristoforova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- I.O. Shaytanov*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- S.A. Yatsenko*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editor

D.I. Antonov, Dr. of Sci. (History), professor, RSUH

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

П.П. Шкаренков, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Д.И. Антонов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

П.М. Аркадьев, доктор филологических наук, Институт славяноведения РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

О.Л. Ахунова, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

С.И. Баранова, доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Л.В. Беловинский, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.В. Гудкова, доктор искусствоведения, Государственный институт искусствознания, Москва, Российская Федерация

Н.П. Гринцер, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ю.В. Доманский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Дыбо, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

И. Жетниковска, доктор филологических наук, Университет Николая Коперника, Торунь, Республика Польша

Г.И. Зверева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

И.И. Исаев, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Г.И. Кабакова, доктор филологических наук, университет Сорбонны, Париж, Франция

Н.В. Капустин, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Российская Федерация

В.И. Киммельман, PhD, Берген, Королевство Норвегия

Д.Д. Клейтон, доктор филологических наук, Оттавский университет, Оттава, Канада

И.В. Кондаков, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Г.Е. Крейдлин, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

- Л.И. Куликов*, кандидат филологических наук, PhD, Гентский университет, Гент, Королевство Бельгия
- М.Н. Липовецкий*, доктор филологических наук, профессор, Университет Колорадо Болдер, США
- Д.М. Магомедова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- И.В. Морозова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.Г. Мостовая*, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Неклюдов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Подлеская*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Половинкина*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Е.Ю. Протасова*, доктор педагогических наук, Хельсинкский университет, Хельсинки, Финляндская Республика
- Р.И. Розина*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Я. Садовский*, доктор исторических наук, Ягеллонский университет, Краков, Республика Польша
- А.Ю. Сорочан*, доктор филологических наук, доцент, Тверской государственный университет, Тверь, Российская Федерация
- Я.Г. Тестелец*, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Тогоева*, доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- В.И. Тюпа*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.А. Холиков*, доктор филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация
- О.Б. Христофорова*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- И.О. Шайтанов*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.А. Яценко*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственный за выпуск

Д.И. Антонов, доктор исторических наук, профессор (РГГУ)

CONTENTS

Cultural Anthropology and Studies of Present-day Traditions

Lyudmila B. Sukina

Saint & historical figure. “Dual purpos” monuments
in the culture of memory of new Russia 10

Dmitrii I. Antonov

Wells and furnaces. Ritualized disposal of sacred objects
in post-Soviet Orthodox tradition 30

Studies in Cultural History

Igor E. Surikov

On some peculiarities of the Hellenistic civilization. Polemical notes 44

Svetlana A. Borisova

“I was for that reason overcome by fear”. Emotive language
of fear as characteristic of princes in ‘The Tale of Bygone Years’ 61

Irina M. Chirskova

Building and accomplishment of cities in the cultural policy
of the government of Anna Ioannovna 76

“The New Art” and Culture of the 20th century

Alexandra V. Tarasova

“Wrath of the Gods”. Routine and fantastic
in the documentary film by Jon Gustafsson (2006) 91

Ekaterina I. Vikulina

“Heartfelt meetings”. Emotional regime of the ottepel’ (‘thaw’) period
in comments to government photos 108

СОДЕРЖАНИЕ

Культурная антропология и исследования актуальных традиций

Людмила Б. Сукина

Святой & исторический деятель: монументы «двойного назначения»
в культуре памяти современной России 10

Дмитрий И. Антонов

Колодцы и печи: ритуализированная утилизация освященных предметов
в постсоветской православной традиции 30

Культурно-исторические исследования

Игорь Е. Суриков

О некоторых особенностях эллинистической цивилизации:
полемические заметки 44

Светлана А. Борисова

«Азь же того оубоаэвьса»: эмотивная лексика страха
как характеристика князей в «Повести временных лет» 61

Ирина М. Чирскова

Строительство и благоустройство городов
в культурной политике правительства Анны Иоанновны 76

«Новое искусство» и культура XX в.

Александра В. Тарасова

«Гнев богов»: рутинное и фантастическое
в документальном фильме Йона Густафссона (2006 г.) 91

Екатерина И. Викулина

«Сердечность встреч»: эмоциональный режим оттепели
в комментариях к правительственным фотографиям 108

Культурная антропология и исследования актуальных традиций

УДК 27-526.64

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-2-10-29

Святой & исторический деятель:
монументы «двойного назначения»
в культуре памяти современной России

Людмила Б. Сукина

*Институт программных систем им. А.К. Айламазяна РАН,
Переславль-Залесский, Россия, lbsukina@gmail.com*

Аннотация. Скульптурные памятники святым – характерное явление религиозного и культурного ландшафта в современной России. Они уже стали массовой традицией, и на них распространились стратегии социальных взаимодействий с монументами, свойственные актуальной городской среде. Последнее обстоятельство зафиксировано в том числе в новейших научных исследованиях фольклора и антропологии города. В статье рассматривается одна специфическая группа памятников святым, которой пока еще не уделялось специального внимания. Это монументы светским лицам, удостоенным святости после смерти, иногда даже спустя большой промежуток времени. Как правило, это государственные деятели или военачальники, сыгравшие значительную роль в истории России. Многие из таких памятников сочетают в себе черты гражданских монументов герою или основателю города и объектов религиозного культа, сопровождаемых соответствующей символикой и атрибутикой. Это сочетание позволяет им выполнять функции «двойного назначения»: их используют и как «места памяти» в ритуалах, связанных с формированием определенной исторической идентичности, и в православных религиозных церемониях. Такая двойственность выражается не только в смешении в общественном сознании элементов светской и церковной коммеморации. Она проявляется и в индивидуальном благочестии, в котором представления о «святости» конкретной исторической персоны переносятся на скульптурный образ.

Ключевые слова: современная Россия, культура памяти, коммеморация, памятник, исторический деятель, место памяти, почитание святых

Для цитирования: Сукина Л.Б. Святой & исторический деятель: монументы «двойного назначения» в культуре памяти современной России // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 2. С. 10–29. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-2-10-29

© Сукина Л.Б., 2022

Saint & historical figure.
“Dual purpos” monuments in the culture
of memory of new Russia

Lyudmila B. Sukina

*Aylamazyan Program Systems Institute of RAS, Pereslavl-Zalessky,
Russia, lbsukina@gmail.com*

Abstract. Sculptural monuments to saints are a characteristic phenomenon of the religious and cultural landscape in new Russia. They have already become a mass tradition and moreover strategies of social interactions with monuments characteristic of the current urban environment have spread to them. The latter circumstance is recorded, among other things, in the latest scientific research of urban folklore and anthropology. The article deals with one specific group of monuments to saints which has not yet received special attention. These are monuments to secular persons who were awarded holiness after death, sometimes even after a long period of time. As a rule, these are statesmen or military leaders who have played a significant role in the history of Russia. Many of such monuments combine the features of a civil monument to the hero or the city and of an object of religious worship, accompanied by appropriate symbols and attributes. That combination allows them to perform the functions of ‘dual purpose’: they are used both as ‘Memory space’ in rituals associated with the formation of a certain historical identity and in Orthodox religious ceremonies. Such a duality is expressed not only in the mixing of elements of secular and church commemoration in the public consciousness, but also manifests itself in individual piety in which the representations of the ‘holiness’ of a particular historical person are transferred to the sculptural image.

Keywords: new Russia, culture of memory, commemoration, monument, historical figure, Memory space, veneration of saints

For citation: Sukina, L.B. (2022), “Saint & historical figure. ‘Dual purpos’ monuments in the culture of memory of new Russia”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural studies” Series*, no. 2, pp. 10–29, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-2-10-29

Традиция увековечивания памяти о деятелях прошлого с помощью установки скульптурного монумента начала складываться в Российской империи в эпоху Просвещения, поэтому и носила преимущественно светский характер¹. Религиозный элемент в этой

---

¹ Первым монументом государственному деятелю в России стал памятник Петру I в Петербурге («Медный всадник» Э. Фальконе), открытый в 1782 г. Прижизненное конное изображение царя Петра работы К.-Б. Растрелли было установлено позднее [Каганович 1975].

форме исторической коммеморации выражался в форме ритуала освящения духовенством открываемого памятника. Кроме того, он мог присутствовать имплицитно в виде второстепенных в композиции памятника и малозаметных для зрителя символов (крест и т. п.) или персонажей, связанных с историей церкви (например, на памятнике «Тысячелетие России» в Новгороде)².

Скульптурные памятники святым стали характерным явлением религиозного и культурного ландшафта уже в современной России. Во второй половине 1990-х гг., когда оно только формировалось, в прессе шли бурные дискуссии о самой возможности оказания почестей святым, а также христианским догматам, праздникам и иконам в виде установки трехмерных монументов. Отголоски и ответвления этих дискуссий и сегодня продолжают существовать на электронных ресурсах и в социальных сетях. При этом нужно констатировать, что памятники святым в местностях, с которыми они были связаны исторически или легендарно, в наши дни стали уже массовой культурной и религиозной традицией, и на них распространились стратегии социальных взаимодействий с монументами, характерные для актуальной городской среды. Последнее обстоятельство зафиксировано в том числе в новейших научных исследованиях фольклора и антропологии города [Мороз 2018; Радченко 2019].

В данной статье мы рассмотрим одну специфическую группу памятников святым, которой пока еще не уделялось специального внимания. Это монументы светским лицам, удостоенным святости после смерти, иногда даже спустя большой промежуток времени. Как правило, это государственные деятели или военачальники, сыгравшие значительную роль в истории России (Владимир Святой, Ярослав Мудрый, Владимир Мономах, Александр Невский, Дмитрий Донской, Федор Ушаков и др.). В последнее десятилетие к ним добавились некоторые деятели науки и культуры (например, иконописец Андрей Рублев, хирург В.Ф. Войно-Ясенецкий). Обычно в скульптуре святых не из духовенства изображают в мирском облике, даже если в конце жизни кто-то из них и принял монашество или схиму. Многие из таких памятников сочетают в себе черты гражданских монументов герою или основателю города и объектов

---

² Отметим, что персоны в священнических и монашеских одеяниях, присутствующие на памятнике, проект которого получил одобрение и поддержку императора Александра II [Захаренко 1957], представлены на опоясывающем его подножие рельефе в группах как «Просветителей», так и «Государственных людей» (к последним отнесены духовник Ивана Грозного Сильвестр и патриархи Гермоген и Филарет).

религиозного культа, сопровождаемых соответствующей символикой и атрибутикой. Это сочетание позволяет им выполнять функции «двойного назначения»: их используют и как «места памяти» [Нора 1999] в ритуалах, связанных с формированием определенной исторической идентичности, и в православных религиозных церемониях. В современной российской социокультурной реальности эти функции часто проявляются в рамках одного общего мероприятия патриотической направленности.

*Апроприация старых
советских монументов
актуальными мемориальными
и религиозными практиками*

В 1990-х гг., когда установка новых памятников еще не приняла такого размаха, который мы можем наблюдать с начала нулевых, к новым практикам коммеморации приспосабливались уже имеющиеся монументы. В первую очередь, это скульптурные изображения Александра Невского, официальная историческая память о котором была «реабилитирована» еще в годы Великой Отечественной войны. В его образе удачно сочетаются качества героя национального прошлого и широко почитавшегося русского святого.

Естественно, в советское время мемориализации подлежала только героическая составляющая биографии князя – полководца, сражавшегося с захватчиками родной земли. Этой задаче лучше всего соответствовала форма бюста, которая широко использовалась тогда и продолжает использоваться сейчас для увековечения памяти выдающихся людей, в том числе героев войны и труда. Следует отметить, что при этом случаи установки памятников Александру Невскому были единичными. Бюсты князя находились в тех местах, с которыми исторически связана его деятельность полководца и правителя. Везде князь был представлен в образе воина, в доспехах и шлеме (Переславль-Залесский, Новгород, Порхов, Владимир). Образное решение всех этих бюстов в той или иной степени восходит к самому раннему и наиболее удачному образцу – памятнику в Переславле-Залесском (1958, скульптор С.М. Орлов) (рис. 1). Изображение иконки на очелье шлема и наперсного образка в данном случае не знак святости и/или благочестия Александра Невского (в то время это было совершенно исключено), а отсылка к стереотипному облику «древнерусского князя», созданному советским кинематографом и изобразительным искусством.

Рис. 1. Памятник Александру Невскому в Переславле-Залесском. 1958 г. Скульптор С.М. Орлов

В 1985 г. в Великом Новгороде был установлен второй, после уже существовавшего бюста, памятник Александру Невскому (скульптор Ю.Л. Чернов). Монумент находится на Александро-Невской набережной Волхова. Он представляет собой стоящую на постаменте одиночную фигуру князя, перепоясанного мечом и держащего шлем в левой руке. Открытие монумента произошло в день годовщины освобождения города от фашистских захватчиков. Притом именно здесь ежегодно в апреле проходит традиционный митинг, посвященный победе на Чудском озере³. Таким образом, в памятнике произошло соединение коммеморации двух событий, разделенных семью веками, но объединенных коллективным представлением о победе над «одним и тем же» противником.

В 1993 г. был открыт большой многофигурный монумент Александру Невскому и его дружине в окрестностях Пскова на горе Соколица (скульптор И.И. Козлов, архитектор П.С. Бутенко) (рис. 2). Он тоже носит еще почти исключительно светский характер. Формы

³ См.: Памятник Александру Невскому: достопримечательности России, курорт Великий Новгород // VipGeo. URL: https://www.vipgeo.ru/countries/russia_showpl/dostoprimechatelnosti/pamyatnik_aleksandru_nevskomu_velikiynovgorod.html (дата обращения 09.12.2021).

*Рис. 2. Памятник Александру Невскому и его дружине
на горе Соколиха в Псковской области.
1993 г. Скульптор И.И. Козлов*

щитов княжеских воинов и орнамента их одежд перекликаются с элементами архитектуры и декора древнерусских храмов, но никакой другой подчеркнута религиозной символики в оформлении скульптурной композиции нет. Щит самого князя украшает геральдический лев владимирского великокняжеского дома.

Еще в позднее советское и раннее постсоветское время перечисленные памятники стали местами совершения различных воинских и гражданских ритуалов (от возложения венков и цветов в годовщины связанных с именем Александра Невского событий до посещения свадебными кортежами), местом демонстрации патриотических чувств и проявления коллективной исторической памяти. С отказом от прежней идеологии и расширением сферы религиозных практик начал трансформироваться и функционал этих памятников. Постепенно они заняли место памятников вождям революции и основоположникам марксизма как символически (возле них стали проводить общегородские мероприятия, включая как митинги, так и молебны, прием в кадеты и юнармейцы и т. п.), так и физически. Например, в Новгороде бюст Александра Невского (1959, скульптор З.И. Азгур), который первоначально располагался в сквере у исторического комплекса Ярославова дворища,

в 1995 г. перенесли к железнодорожному вокзалу, где раньше стоял бюст К. Маркса⁴. О том, что такое во многом компромиссное переформатирование «места памяти» представляется приемлемым значительной части современного российского общества, в частности, свидетельствует и все еще продолжающееся обсуждение вопроса о памятнике Ф.Э. Дзержинскому / Александру Невскому / Ивану III на Лубянской площади в Москве⁵.

Новые образы и символика

Новым импульсом к церковной мемориализации исторических личностей прошлого стала канонизация в числе девяти подвижников православия благоверного князя Димитрия Донского и преподобного Андрея Рублева на Поместном соборе Русской Православной Церкви, приуроченном к празднованию 1000-летия Крещения Руси⁶. В последующие три десятилетия такая канонизационная практика была продолжена. Одновременно происходила трансформация массовой исторической памяти, усиление в ней религиозной составляющей. Все это постепенно формировало и новые иконографические модели, соответствующие задаче представления образа исторического деятеля, причисленного к лику святых, в монументальной пластике.

С начала 2000-х гг. в официальной риторике упоминание Александра Невского уже не обходится без обозначения его статуса как «святого благоверного князя». Изобразительные средства создания его образа, использованные в памятниках «советской»

---

⁴ См.: Бюст Александра Невского. Памятник Александру Невскому у вокзала в Великом Новгороде // LOVE-GOROD.RU. URL: <http://love-gorod.ru/velikiy-novgorod/obj/byust-aleksandra-nevskogo> (дата обращения 10.12.2021). Памятник К. Марксу, как сообщали в 2003 г. РИА Новости, оказался на полигоне твердых бытовых отходов, где местные работники соорудили классику марксизма импровизированный мемориал. См.: Каменного Маркса водрузили на городской свалке // РИА Новости. 2003. 2 апреля. URL: <https://ria.ru/20030402/361243.html> (дата обращения 10.12.2021).

⁵ См., например: Что известно о дискуссии вокруг памятника на Лубянской площади // ТАСС-Досье. 2021. 19 февраля. URL: <https://tass.ru/info/10746003> (дата обращения 10.12.2021).

⁶ См.: Канонизация святых: Поместный Собор Русской Православной Церкви, посвященный юбилею 1000-летия Крещения Руси; Троице-Сергиева Лавра, 1988. М., 1988.

традиции, перестали соответствовать и новым представлениям о нем, сформировавшимся в массовом сознании. Но старые монументы являются охраняемыми культурными объектами и потому не могут быть переделаны в согласии с актуальными вкусами и потребностями. Поэтому почти везде возникла ситуация, когда власти и общественность стремятся дополнить или изменить существующую «мемориальную реальность» с помощью установки новых памятников, соответствующих изменившимся обстоятельствам. В абсолютном большинстве предлагаемых скульпторами проектов образ князя, остающийся вполне традиционным, сопровождают элементы, подчеркивающие его «святость» и близость к Церкви. В качестве таких могут быть использованы фигуры почитаемых церковных деятелей. Так, в Переславле-Залесском рассматривались варианты нового памятника такой иконографии (проект не был осуществлен), при этом скульптурную композицию планировалось установить на той же площади, в центре которой уже находится известный бюст работы С.М. Орлова. Но чаще – это символы и атрибуты, указывающие на «благоверие» князя и его окружения (изображение креста на щите и/или в руке, иконки на шлеме, образа Спаса Нерукотворного на стяге и т. п.).

Примечательным казусом замещения старого монумента новым стало появление второго памятника Александру Невскому во Владимире. В 2003 г. белокаменная копия бюста работы С.М. Орлова, стоявшая возле стены Богородице-Рождественского монастыря с 1963 г., была заменена «более достойным» бронзовым скульптурным изображением князя, выполненным владимирским скульптором И.А. Черноглазовым. Александр Невский представлен в рост, с непокрытой головой. Левой рукой он опирается на щит, стоящий острым концом на «земле», а другой прикасается к плечу жестом, напоминающим начало совершения крестного знамения. Согласно информации портала «ПроВладимир», автор объяснял выбранный им образ тем, что хотел изобразить Александра Невского великим князем владимирским, которым тот стал уже в зрелости и, будучи на великокняжеском столе, проявлял не столько боевую отвагу, сколько мудрость и набожность⁷. Любопытна и приводимая сетевыми журналистами мотивация тогдашних городских властей, решивших поменять памятник. Прежний бюст, воспроизводивший, по мнению начальства, облик киноперсонажа в исполнении Н.К. Черкасова, не соответствовал значению князя

---

⁷ См.: Памятник благоверному князю Александру Невскому // Про Владимир. URL: <https://provladimir.ru/2014/06/11/> (дата обращения 10.12.2021).

в истории города как столицы Северо-Восточной Руси⁸. Этому сугубо гражданскому монументу отвели другое, более скромное место – возле Владимирского юридического института ФСИН РФ.

Во время установки нового памятника расширили площадку перед ним. Здесь теперь проходят церковные и гражданские торжества, в том числе проводы поисковых отрядов к местам сражений Великой Отечественной войны. Прежний бюст используется юридическим институтом как место ведомственных актовых мероприятий⁹.

В течение первого десятилетия XXI в. практика установки памятников историческим деятелям, удостоенным канонизации, принимает все более широкий масштаб. Инициаторами увековечения памяти данных персон выступают, как правило, федеральные, региональные и местные власти, общественные организации патриотической направленности, церковные учреждения, реже связанные с перечисленными институциями частные лица. Интересы заказчиков и желание скульпторов им соответствовать повлияли на формирование определенных иконографических шаблонов, используемых в работе над монументами. Приоритетными остаются традиционные формы гражданской монументальной пластики. Преобладают конные памятники как наиболее «героичный» и торжественный тип памятной статуи. На втором месте находятся стоящие фигуры. Бюстам отводится роль «бюджетного» варианта, когда инициаторы мемориализации стеснены в средствах. Во всех случаях приветствуется «реалистический» стиль, в котором заметно проглядывает и отсылка к классицизму, чаще позднему. Как и в классицистической скульптуре, «святость» создаваемого образа подчеркивают, придавая фигуре изображенного «благочестивую» позу и снабжая его соответствующими жестами. Но современным заказчикам, скульпторам и зрителям этого уже недостаточно. Социокультурная ситуация требует большей наглядности мемориализуемой идеи. Поэтому скульпторы все активнее используют подходящие для этого атрибуты и декор: нимбы, кресты, цитаты из агиографических текстов, иллюстрации отдельных эпизодов церковных житий, сопровождающие персонажи и т. п. При почти полном отсутствии релевантных образцов предыдущих эпох им приходится импровизировать и предлагать новые вариации уже существующей иконографии, часто идущие в ущерб общему пластическому решению, придающие фигурам и композициям излишнюю дробность и неуместную декоративность.

---

⁸ См.: Памятник благоверному князю Александру Невскому // ПроВладимир. URL: <https://provladimir.ru/2014/06/11/> (дата обращения 10.12.2021).

⁹ Там же.

*Рис. 3. Памятник крестителям Владимирской земли во Владимире.
2007 г. Скульптор С.М. Исаков*

Единственной среди русских святых князей персоной, удостоившейся памятника еще в императорской России, был Владимир Святой. В новых скульптурных интерпретациях этой фигуры мы можем наблюдать воспроизведение как дореволюционного иконографического наследия, так и форм монументальной пластики советского времени. Примером обращения к последним служит памятник крестителям Владимирской земли (2007, скульптор С.М. Исаков) (рис. 3). Монумент должен был подчеркнуть древность города, якобы основанного не Владимиром Мономахом, как традиционно считается в историографии, а Владимиром Красное Солнышко¹⁰. Изображение Владимира Святого здесь отчасти воспроизводит формы московского памятника Юрию Долгорукому (1954, скульптор С.М. Орлов). Облаченный в доспехи князь восседает на боевом коне. Но жест его правой руки изменен – Владимир высоко поднимает древко стяга с образом Спаса Нерукотворного. Рядом с князем изображен шагающим с котомкой на плече Святитель Федор (первый епископ Ростовский, епископ Суздальский) в полном архиерейском облачении.

¹⁰ Новая дата основания города была предложена владимирскими краеведами с опорой на сведения поздних летописей (см.: К вопросу о дате основания г. Владимира: Сб. статей / Ред. С.В. Шевченко. Владимир: Местное время, 1992) и поддержана региональными властями и митрополий.

Выше мы уже отмечали, что одним из наиболее очевидных атрибутов благочестия изображаемой персоны является крест. В наиболее удачных изваяниях его уместность может быть оправдана самыми значимыми, с точки зрения заказчиков и авторов скульптуры, фактами агиобиографии конкретного святого. Так, памятник князю Владимиру в Москве (2015, скульптор С.А. Щербаков) являет нам образ Крестителя Руси, близкий к тому, который знаком нам по киевской скульптуре П.К. Клодта 1853 г., – правой рукой князь удерживает-утверждает огромный крест. На монументе Александру Невскому возле Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге (2002, скульпторы В.Г. Козенюк, А.А. Пальмин, А.С. Чаркин) большой крест деликатно помещен на фасаде постамента. Такое решение, вероятно, связано с тем, что сама скульптура была в основном закончена В.Г. Козенюком еще в 1990-е гг.¹¹, когда князь еще воспринимался, в первую очередь, как полководец и правитель, а новые приемы подчеркивания его святости не утвердились в практике. Эта сторона персоны Александра Невского представлена в выполненных позже барельефах на боковых сторонах постамента: «Невская битва» (с единокровием князя и ярла Биргера, известным только по тексту Жития) и «Перенесение мощей Петром I в Александро-Невскую лавру» (оба 2005, скульптор А.А. Пальмин). Флотоводец Ф.Ф. Ушаков, чья канонизация в 2004 г. была связана не с утверждением и защитой христианства, а с личным благочестием, в мемориальной пластике показан в основном как герой морских сражений. Исключение составляет открытый в 2019 г. памятник в мордовском городе Темникове (скульптор Ю.В. Злотя) (рис. 4). Здесь в правую руку Ушакова, изображенного в полный рост в военном мундире и накинутом на плечи плаще, вложен небольшой восьмиконечный крест (такой часто встречается на иконах святых), что иконографически соответствует его почитанию в лике «праведных воинов»¹².

¹¹ См.: Памятник Александру Невскому. Скульпторы: В.Г. Козенюк, А.А. Пальмин, А.С. Чаркин // Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина. URL: <https://www.prlib.ru/item/692924> (дата обращения 13.12.2021).

¹² Основной мотивацией установки в Темникове памятника флотоводцу-святому к 200-летию со дня его кончины стало стремление руководства города вписаться в ориентированный на паломников туристический кластер «Арзамас–Дивеево–Саров». Идея была поддержана Российским военно-историческим обществом и осуществлялась на средства федерального гранта. См.: Зотиков В. В мордовском Темникове открыли памятник адмиралу Ушакову // Российская газета. 2019. 5 дек. URL: <https://rg.ru/2019/12/05/reg-pfo/v-mordovskom-temnikove-otkryli-pamiatnik-admiralu-ushakovu.html> (дата обращения 13.12.2021).

*Рис. 4. Памятник Ф.Ф. Ушакову в Темникове. 2019 г.
Скульптор Ю.В. Злотя*

Близок по иконографии к упомянутому выше конному памятнику Александру Невскому в Санкт-Петербурге монумент Дмитрию Донскому в Москве (2013, скульптор В.М. Клыкков) (рис. 5). Как и его предок, Дмитрий поименован в надписи на постаменте «святым благоверным князем». Художественными средствами его святость выражена также имплицитно. На двух барельефах постамента изображены сцены благословения Дмитрия Донского преподобным Сергием Радонежским и поединок Пересвета с Челубеем. Оба сюжета присутствуют как в мирской биографии, так и в Житии князя. В правой руке Дмитрия – древко со стягом Московского княжества, на котором изображен «Спас Нерукотворный».

Иконный образ Спаса или Богородицы в новейших скульптурных композициях также служит маркером святости изображенного и благочестивого характера его жизни, на каком бы ее этапе он не был представлен. Так, в 2021 г. в Переславле-Залесском рассматривался очередной проект еще одного памятника Александру Невскому (не реализован, скульптор А.В. Чирков). Будущего святого предполагалось изобразить в четырехлетнем возрасте, сидящим на коне. Рядом с ним должны были стоять его родители. Отец – протягивать ему меч, а мать – благословлять иконой¹³.

¹³ См.: Антонов А. В Переславле хотят установить новый памятник Александру Невскому // Коммерсант. 2021. 4 февр. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4673927> (дата обращения 13.12.2021).

Рис. 5. Памятник Дмитрию Донскому в Москве. 2013 г.
Скульптор В.М. Клыков

С иконой в руках изображен князь Владимир Мономах на памятнике в Смоленске (2017, скульптор И.Н. Чумаков) (рис. 6). Имя князя упоминалось в святцах с XVII в.¹⁴, но его почитание окончательно было подтверждено официально в 2011 г. при установлении празднования Собору Киевских святых¹⁵. Скульптурная иконография Владимира Мономаха еще только разрабатывается. Принесение в Смоленск чудотворной иконы Одигитрии и закладка первого городского собора принадлежат к числу тех поступков, которыми обосновывают его канонизацию¹⁶. Еще один символ особого статуса князя в истории русской государственности и церкви – «шапка Мономаха» с навершием в виде небольшого креста, венчающая его голову.

¹⁴ Романенко Е.В. Владимир (Василий) Всеволодович. О церковном почитании // Православная энциклопедия. Т. 8. М., 2004. С. 686.

¹⁵ См.: Собор Киевских святых // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1409335.html> (дата обращения 14.12.2021).

¹⁶ В Смоленске открыт памятник святому благоверному князю Владимиру Мономаху // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4999744.html> (дата обращения 14.12.2021).

Рис. 6. Памятник Владимиру Мономаху в Смоленске.
Фрагмент. 2017 г. *Скульптор И.Н. Чумаков*

Почти все изобретенные скульпторами приемы репрезентации святости изображаемого были использованы в мемориальном комплексе «Александр Невский с дружиной» в деревне Самолва Гдовского района Псковской области (2021, скульпторы В.Д. Шанов, Д.Д. Успенская) (рис. 7). Здесь и восьмиконечный крест в поднятой вверх левой руке Александра Невского, и изображения святых на стягах, кресты разнообразной формы и даже хризма (монограмма имени Христа) на щитах воинов. Всю композицию осеняет конструкция, представляющая собой нечто среднее между стягом и хоругвью с ликом Спаса Нерукотворного на полотнище. Одновременно скульптурная композиция включает и элементы, указывающие на воинский подвиг князя и его дружины и проводящие символическую параллель с Парадом Победы 1945 г. – три всадника (Александр Невский, его брат Андрей Ярославич и некий воевода) и шестеро пеших воинов попирают брошенные им под ноги шлемы, латы и знамена немецких рыцарей. Двойное назначение и смысл мемориала в данном случае эксплицированы предельно отчетливо. Вероятно, это было главной задачей скульпторов, ради решения которой принесены в жертву цельность формы и ясность силуэта.

*Рис. 7. Мемориальный комплекс «Александр Невский с дружиной» в деревне Самолва Псковской области. Фрагмент. 2021 г.
Скульпторы В.Д. Шанов, Д.Д. Успенская*

Особое место в современной мемориальной скульптуре занимают образы князей Бориса и Глеба, удостоенных почитания еще в средневековой Руси и имеющих давнюю иконографическую традицию. Они создаются с ориентацией на иконописные образцы, которые не требуют дополнительной символики. Так, парный конный памятник этим святым в Дмитрове (2006, скульптор А.И. Руквишников) не имеет никаких религиозных атрибутов. Парные пешие фигуры святых князей-страстотерпцев в Борисоглебске Воронежской области (2017, скульптор С.Г. Полегаев) установлены на постаменте, где только на передней стороне помещена доска с небольшим рельефным крестом и надписью «Святые благоверные князья Борис и Глеб».

Установка памятника как прелюдия возможной канонизации?

Как уже отмечалось выше, практика увековечивания деятелей русской средневековой истории начала развиваться в 1990-е гг., но тогда их образы еще не рассматривались преимущественно в па-

радикале благочестия и святости. Например, на широко известном по изображению на 1000-рублевой купюре памятнике в Ярославле (1993, скульптор О.К. Комов) князь Ярослав Мудрый представлен как основатель и защитник города, а также как распространитель книжного знания. Он изображен в виде стоящей фигуры, правой рукой опирается на меч, а в левой держит макет городских укреплений. На постаменте размещены рельефы с гербом Ярославля и сюжетами поединка князя с медведицей и работы над какой-то рукописью. В монументе нет ни вербального, ни символического намека на благоверие и благочестие князя. Получилось так, что после процедур установления Ярославу Мудрому церковного почитания, завершившихся в 2016 г. канонизацией¹⁷, данный памятник оказался вне актуальной традиции скульптурных изображений святых благоверных князей.

В начале 2000-х гг. в разных городах Центральной России было установлено несколько памятников Юрию Долгорукому¹⁸. Несмотря на различия в композиционном решении, все они представляют сугубо мирской облик князя, атрибутами власти которого являются княжеские плащ и шапка, а также большой меч. Юрий пока не канонизирован, хотя активная храмоздательная деятельность этого князя в Северо-Восточной Руси, казалось бы, дает для этого хороший повод.

В дальнейшем, когда канонизационные процессы приняли большой масштаб, приемы экспликации святости исторических деятелей прошлого стали переноситься и на изображения лиц, почитание которых еще не установлено, но которые могут быть его удостоены в будущем. Религиозными символами маркируются даже те персоны, против чьего церковного прославления открыто выступает Московский Патриархат. Наиболее показательна в этом отношении ситуация с увековечиванием в монументальной скульптуре царя Ивана Грозного. Первый памятник ему был открыт в Орле осенью 2016 г. Примечательно, что во время обсуждения проекта губернатор Орловской области утверждал: «Мы не собираемся вносить какие-либо изменения в историю, канонизировать Ивана

---

¹⁷ См.: Определение Освященного Архиерейского собора Русской православной церкви об общецерковном прославлении ряда местночтимых святых от 3 февраля 2016 г. // Русская православная церковь. Официальный сайт Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4367765.html> (дата обращения 14.12.2021).

¹⁸ Памятники Юрию Долгорукому в Дмитрове (2001, скульптор В.М. Церковников), Юрьеве-Польском (2002, скульптор И.А. Черноглазов), Костроме (2003, скульптор В.М. Церковников).

*Рис. 8. Памятник Ивану Грозному в Орле.
Фрагмент. 2016 г.*

Авторский коллектив под руководством О.И. Молчанова

Грозного. Речь идет об основателе города Орла...»¹⁹ Вместе с тем проект скульптуры (авторский коллектив под руководством О.И. Молчанова) в процессе работы над ним претерпел заметную трансформацию. Государь-воин, создатель Орловской крепости, приобрел и качества охранителя православия со всеми подчеркивающими двойную функцию этого образа атрибутами: царским венцом на голове, обнаженным мечом в левой руке, восьмиконечным благословленным крестом в правой, крупным наперсным крестом на груди и лестовкой на правом запястье (рис. 8). В речи на открытии памятника все тот же орловский губернатор назвал Ивана Грозного человеком, который «сохранил для нас с вами православную веру и не позволил никому посягать на нашу территорию»²⁰.

¹⁹ В Орле установили памятник Ивану Грозному // Lenta.ru. 2016. 3 окт. URL: <https://lenta.ru/news/2016/10/03/ivan/> (дата обращения 15.12.2021).

²⁰ С крестом и на коне – первый в РФ памятник Ивану Грозному открыли в Орле // РИА Новости. Религия. 2016. 15 окт. URL: <https://ria.ru/20161015/1479301739.html> (дата обращения 15.12.2021).

Памятник Ивану IV, открытый в декабре 2019 г. в Александрове (скульптор В.Н. Селиванов), скромнее по форме, в отличие от конного орловского монумента. Но стоящая на не очень высоко постаменте фигура царя свой нынешний вид также приобрела не сразу. На пути от эскиза до готового памятника образ Ивана Грозного, застывшего в довольно затейливой позе и указывающего перстом куда-то вниз, был дополнен атрибутами, подчеркивающими его личное благочестие и христианский характер власти. Царская шапка с меховой опушкой (так было в первоначальных вариантах) превратилась в увенчанный крестом «Мономахов венец», а грудь государя украсил крупный наперсный крест.

На открытии обоих памятников кроме представителей региональной и местной власти, церкви, патриотической и православной общественности, «царебожников» присутствовали и такие видные сторонники исторической и религиозной «реабилитации» Ивана Грозного и, одновременно, советских ценностей и ритуалов, как байкер Хирург (А.С. Залдастанов) и писатель А.А. Проханов. В описании события в Александрове владимирской журналисткой обращает на себя внимание и такая деталь: «После торжественных речей к памятнику подходили люди, которые крестились и возлагали красные гвоздики»²¹. В советское время цветок красной гвоздики был символом революции, и возложение букетов, корзин и венков из гвоздик считалось неотъемлемой частью коммеморационных ритуалов у монументов ее событиям, вождям и павшим борцам. Видимо, в глазах присутствующих Иван Грозный оказался в тот момент исторической фигурой, которой следовало отдавать почести как героическому «устроителю государства» и молиться как новоявленному святому, чья канонизация неминуемо и скоро должна последовать.

Если переиначить метафору Эрнста Канторовича [Kantorowicz 1957], то можно сказать, что монументы государственным и военным деятелям прошлого, которые уже удостоены святости или могут быть канонизированы в будущем, обладают «двумя телами» – историческим и сакральным. Оба тела соединяются в одно целое как в современных скульптурных образах, так и в пространстве церемоний, также имеющих двоякие функции. Эта двойственность выражается не только в смешении в общественном сознании элементов светской и церковной коммеморации, советских, реконструируемых дореволюционных и новых, формируемых в пос-

---

²¹ Груздева К. В Александрове торжественно открыли памятник Ивану Грозному // ПроВладимир. Культура. 2019. 9 дек. URL: <https://provladimir.ru/2019/12/09/vo-vladimire> (дата обращения 15.12.2021).

ледние десятилетия ритуалов. Она проявляется и в индивидуальном благочестии, в котором «святость» конкретной исторической персоны, официально утвержденная или существующая только в массовой мифологии, в представлениях некоего сообщества либо социальной группы, переносится на скульптурный образ. Так, у многих верующих стало принято креститься не только на храмы, но и на памятники святым, мирским знаменитостям, павшим воинам и на другие монументы.

Литература

- Захаренко 1957 – *Захаренко Л.Г.* История сооружения памятника «Тысячелетию России» в Новгороде // Ученые записки историко-филологического факультета Новгородского государственного педагогического института. 1957. Вып. 2. С. 57–82.
- Каганович 1982 – *Каганович А.Л.* Медный всадник: история создания монумента. М.: Искусство, 1982. 202 с.
- Мороз 2018 – *Мороз А.Б.* Зачем нужны памятники // Живая старина. 2018. № 2 (98). С. 41–44.
- Нора 1999 – *Нора П., Озуф М., Пуимеж Ж., де, Винок М.* Франция – память / Под ред. П. Нора. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. 328 с.
- Радченко 2019 – *Радченко Д.А.* Бабы жарят крокодила: право на интерпретацию памятника // Фольклор и антропология города. 2019. Т. 2. № 1–2. С. 230–255.
- Kantorowicz 1957 – *Kantorowicz E.H.* King's Two Bodies. A Study in Medieval Political Theology. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1957. 616 p.

References

- Kaganovich, A.L. (1982), *Mednyi vsadnik: istorija sozdanija monumenta* [The Bronze Horseman. The history of the creation of the monument], Iskusstvo, Moscow, Russia.
- Kantorowicz, E.H. (1957), *King's Two Bodies. A Study in Medieval Political Theology*, Princeton University Press, Princeton, New Jersey, USA.
- Moroz, A.B. (2018), “Why are monuments needed”, *Zhivaja starina*, vol. 98, no. 2, pp. 41–44.
- Nora, P., Ozouf, M., Puymège, G. de and Winock, M. (1999), *Francija – pamjat'* [France the memory], Saint Petersburg University Press, Saint Petersburg, Russia.
- Radchenko, D.A. (2019), “The women a-frying a crocodile. The right to interpret a monument”, *Urban Folklore & Anthropology*, vol. 2, no. 1–2, pp. 230–255.

Zaharenko, L.G. (1957), "History of the construction of the monument to the Millennium of Russia in Novgorod", *Uchenye zapiski istoriko-filologicheskogo fakul'teta Novgorodskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* [Works of the Historical and Philological Faculty of the Novgorod State Pedagogical Institute], vol. 2, pp. 57–82.

Информация об авторе

Людмила Б. Сукина, доктор исторических наук, доцент, Институт программных систем им. А.К. Айламазяна РАН, Переславль-Залесский, Россия; 152021, Россия, Ярославская обл., Переславль-Залесский, Веськово, ул. Петра Первого, д. 4а; lbsukina@gmail.com

Information about the author

Ljudmila B. Sukina, Dr. of Sci. (History), associate professor, Aylamazyan Program Systems Institute of RAS, Pereslavl-Zalessky, Russia; bld. 4a, Petra Pervogo St., Ves'kovo, Pereslavl-Zalessky, Yaroslavl region, Russia, 152021; lbsukina@gmail.com

Колодцы и печи:
ритуализированная утилизация освященных предметов
в постсоветской православной традиции

Дмитрий И. Антонов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, antonov-dmitriy@list.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные в постсоветской России практики уничтожения «церковного мусора» – предметов, употреблявшихся в церковном обиходе, но в силу разных причин подлежащих утилизации. Это ритуальные объекты, состарившиеся, испортившиеся и вышедшие из употребления (церковная утварь, одеяния и проч.), либо бытовые предметы – тряпки, веники, моющие средства, которые использовались в храме. В представлениях, распространенных в современной церковной и прицерковной среде, все они являются носителями благодати, которая передалась им разными способами – через освящение, контакт с реликвиями или просто благодаря нахождению в церковном пространстве. Объекты такого типа не могут быть утилизированы обычным способом, наравне с заурядным мусором. В церковной традиции уже в Средние века существовали разные способы ритуализированной утилизации освященных предметов. В постсоветской России, с быстрым возрождением храмов и монастырей, многие традиции не просто восстанавливаются, продолжая дореволюционные, но конструируются заново. Это относится и к практикам утилизации «церковного мусора». В статье проанализированы материалы, собранные в ходе экспедиций по югу Нижегородской области и в ходе опросов в московских храмах и монастырях.

Ключевые слова: религия, христианство, сакральные объекты, утилизация, иконы

Для цитирования: Антонов Д.И. Колодцы и печи: ритуализированная утилизация освященных предметов в постсоветской православной традиции // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 2. С. 30–43. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-2-30-43

Wells and furnaces. Ritualized disposal of sacred objects in post-Soviet Orthodox tradition

Dmitrii I. Antonov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
antonov-dmitriy@list.ru*

Abstract. The author discusses practices of the destruction of the ‘church garbage’ (items that were used in church, but for various reasons became subject to disposal) in present-day Russia. These are ritual objects that have aged, deteriorated and fallen out of use (church utensils, robes, etc.), or household items – rags, brooms, detergents – that were used in the ecclesiastical space. All these objects are supposed to possess the invisible virtue, which was transmitted to them in various ways – through consecration, contact with relics or simply by being in the church. Objects of that type cannot be disposed in the usual way, along with ordinary garbage. In the church tradition, already in the Middle Ages, there existed different ways of ritualized disposal of consecrated objects. In post-Soviet Russia, with the rapid revival of churches and monasteries, many traditions are being restored – or constructed anew. That also applies to the practices of disposal of ‘church garbage’. The article is based on the materials collected during expeditions to the south of the Nizhny Novgorod region and during surveys in Moscow churches and monasteries.

Keywords: religion, Christianity, sacred objects, disposal, icons

For citation: Antonov, D.I. (2022), “Wells and furnaces. Ritualized disposal in post-Soviet Orthodox tradition”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 2, pp. 30–43, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-2-30-43

Начиная с первых веков формирования церковной христианской традиции огромное влияние на религиозные практики христиан оказало представление о переносе благодати – незримой силы, исходящей от тел мучеников и других реликвий – через физические объекты и тактильные взаимодействия. Это архаическое представление, которое христиане заимствовали из римских, а отчасти из ближневосточных религиозных традиций, оказалось глубоко адаптировано и в церковных обрядах, и в религиозном обыходе мирян. На нем основаны базовые для традиционных Церквей ритуалы: хиротония священников через возложение рук и омофора на голову посвящаемому для передачи апостольской благодати; рукоположение в епископский сан с возложением на голову рас-

крытого евангелия; освящение храмов через внесение частиц святых мощей, помещаемых в основание алтаря и/или в антиминс на алтаре (мощи также интегрировали в церковные стены) и др.

И на Востоке, и на Западе христианского мира быстро распространилось представление о том, что благодать распространяется не только через мощи святых и контактные объекты (брандеа), касавшиеся их, но и через изображенные тела святых – иконы, фрески, круглую скульптуру. В этом плане понятие «реликвия», как справедливо указывал Стивен Хупер, нельзя ограничивать лишь мощами святых и брандеа – к этой категории относятся также образы святых и другие религиозные объекты [Ноорег 2014; о реликвиях в восточнохристианской традиции см. также: Лидов 2003; Лидов 2006]. Кроме того, важнейшим способом сообщить благодать различным предметам оказывался ритуал. Освящение придает материальным объектам высокий знаковый статус и предполагает их использование уже в сакральном контексте. Наконец, широко распространились представления о том, что благодать передается любым предметам, так или иначе связанным с церковью и духовенством. Апроприация сакральной силы происходит как по контактному принципу (в качестве оберега или лечебного средства могли использовать даже пыль и мох с церковных стен), так и по визуальному (симпатическому) – изображения благодатных религиозных объектов (храмов, монастырей, реликвий и т. п.) нередко использовались в религиозном обиходе, даже если они не являлись евлогиями и не прикладывались к материнской святыне.

Представление о незримом распространении благодати веками определяло множество религиозных практик, в том числе направленных на создание и использование многочисленных брандеа. Однако, как я уже показывал в нескольких работах, для передачи благодати по контактному принципу вовсе не обязательно тактильное взаимодействие с реликвией [Антонов 2018; Антонов 2021]. Как ни парадоксально это звучит, контакт может быть дистантным. Это возможно в силу того, что реликвии – будь то мощи святого, почитаемое брандеа или чудотворный образ – обладают, в представлении носителей традиции, вторым, незримым телом. Его формирует благодать, которая окружает святыню в некоей зоне – трудно определяемой, но безусловно очерченной в пространстве. Приближение к почитаемому объекту воспринимается как контакт с благодатью, исходящей от него и оказывающей влияние на все, оказавшееся в определенной близости к реликвии. Такое приближение способно исцелить человека, отогнать неприятеля, сообщить плодородие полю, прекратить пожар, освя-

тить пространство и т. п., а кроме того, «зарядить» любой объект силой материнской святости, превратив его в брандея, вторичный переносчик благодати.

В этой статье я хотел бы рассмотреть отдельную, весьма интересную проблему, связанную с представлением о незримом распространении благодати. Речь пойдет о «церковном мусоре» (как его иногда называют в монастырях и храмах) – предметах, использовавшихся в церкви в религиозном или в хозяйственном обиходе, но в силу разных причин подлежащих утилизации. Это могут быть как ритуальные объекты (церковная утварь, одеяния и проч.), состарившиеся, испортившиеся и вышедшие из употребления, так и бытовые предметы (тряпки, веники, моющие средства), которые использовались в церковном пространстве и которым невольно передалась благодать. И те, и другие воспринимаются в православной и католической традиции как объекты, наделенные незримой силой, а следовательно, не подлежащие обычной, профанной утилизации. Как правило, их не пытаются использовать в качестве брандея, так как сам объект – носитель благодати имеет в культуре слишком низкий статус (изношенная, рваная одежда, предмет, связанный с уборкой, грязью, мусором). Иными словами, здесь возникает конфликт между двумя ракурсами в оценке одного объекта – в знаковом плане он маркируется безусловно положительно, в материальном – отрицательно¹. В самых разных культурных традициях предметы такого рода стремятся устранить, ликвидировав эту нежелательную двойственность – для этого прибегают к особым, ритуализированным действиям. Применительно к «церковному мусору» это означает необходимость ликвидировать физическое тело объекта, не осквернив при этом его второе «тело» – незримую благодать.

Предлагаемая читателям работа дополняет подборку статей, которую мы подготовили с коллегами для журнала «Живая старина» (вып. 1, 2022 г.). В ней практики ритуализированной утилизации рассмотрены нами на материалах двух экспедиций, проведенных в 2021 г. на юго-западе Нижегородской области, а также серии опросов в ряде московских монастырей (Сретенский, Высоко-Петровский, Иоанно-Предтеченский и др.) и церковей (Сергия Радонежского в Крапивниках, Вознесения Господня у Никитских ворот, Воскресения Словущего на Успенском Вражке, Петра и Павла у Яузских Ворот и др.). В статье, написанной мной совместно с С.М. Тюниной, а также в отдельной вводной работе

---

¹ О взаимосвязи «вещности» и «знаковости» см.: [Байбурин 1981, с. 216–218].

речь идет о том, как объясняют и мотивируют различные практики современные носители традиции – церковные служащие, прихожане, монахи, священники. Там же опубликованы тексты многих интервью. В этой статье я хотел бы сделать общий аналитический обзор проблематики, определив круг объектов, которые подлежат в актуальной церковной традиции ритуализированному уничтожению, а затем перечислив ключевые практики утилизации, которые нам удалось зафиксировать в ходе исследований 2021 г.

Прежде всего особой утилизации в церковном хозяйстве и в православных сообществах – как это происходило и раньше – подлежат освященные предметы. Ситуации, когда их дальнейшее использование невозможно, возникают регулярно. Чаще всего это относится к освященной воде, которая остается после крещения. Ее нельзя выпить или употребить другим способом, но и слить в канализацию, наравне с обычной грязной водой, как правило, считается недопустимым. Соответственно, для ее утилизации создаются специальные места. То же относится к воде или маслу, которые освящаются в рамках других ритуалов², если они каким-либо образом портятся и их дальнейшее использование становится невозможным. Помимо жидкостей, ритуализированным способом должен быть уничтожен и любой другой объект, который был освящен – от пищи, если она пришла в негодность после освящения, до икон или ритуальных атрибутов (литургических сосудов, крестов и др.), если они оказались непоправимо испорчены.

Вполне предсказуемо, что аналогичный статус обретают и широкий круг объектов, которые прикасались к святыням физически или находились с ними в непосредственной близости и тем самым впитали их благодать. Больше того, статус освященных объектов зачастую обретают и некоторые вещи, просто находившиеся в храме – не обязательно возле почитаемых икон и реликвий. Предполагается, что благодать, присутствующая в церкви, сообщается находившимся в ней предметам – как правило, тем, что использовались для украшения: «В церкви, что, это все святое, там освященное, там Святой Дух» (Инф. 3). Если это возможно, такие предметы стремятся использовать – к примеру, употребляя Троицкую зелень (траву, листья, ветви) или цветы, которыми декорировали к празднику иконы, в качестве лекарственного средства. В противном случае их могут либо собирать для ритуализированного уничтожения, либо выбрасывать наравне с обычным мусором – статус таких украшений неоднозначен, и их оценивают по-разному.

---

² Не считая, разумеется, воды в природных водоемах и источниках, которую ни в какой ситуации невозможно и не нужно утилизировать.

Отдельную категорию объектов, которые не подлежат обычной утилизации, составляют предметы-«спутники», которые обрели особый статус благодаря тому, что находились рядом с освящающимися объектами и невольно обрели благодать. Это упаковочные материалы (бумага, пластик, веревки), тара (бутылки, коробки, пакеты), ценники и проч. – в современной традиции их часто отделяют от обычного мусора и относят к церковным предметам³. При этом бутылки из-под святой воды или освященного масла иногда промывают и выпивают слитую воду (либо же выливают ее в особое место), а саму бутылку высушивают, чтобы испарились даже невидимые глазу остатки освященной влаги. После этого саму бутылку либо уничтожают ритуализированным способом, либо выбрасывают, полагая, что она лишилась своего статуса.

Следующая группа объектов – моющие и чистящие средства. Вода, которой мыли пол и стены в храме, в которой стирали церковные одежды и ткани, и тем более которой протирали иконы и реликвии, получает высокий знаковый статус и не может быть вылита обычным способом. То же самое происходит с вениками, тряпками и другими средствами для уборки храма.

Наконец, особой утилизации подлежит широкий круг предметов, на которые нанесены либо религиозные изображения – иконы, храмы, кресты, либо священный текст – молитва, цитата из Священного Писания и т. п. Это церковная литература, от книг до журналов, различная полиграфическая продукция (календари, блокноты, наклейки и проч.), посуда, упаковка товаров, продаваемых в церковной лавке, и многое другое. К этой группе предметов могут относить и поминальные записки. Их статус определяется не только тем, что они включены в церковное обрядовое действие и находятся в алтаре, но и тем, что на них изображены кресты: «Так же как записки пишут за здравие, да, там сверху крестик – вот это вот записки потом все собирают и сжигают» (Инф. 2).

Каким бы способом предметы ни обрели благодать, способы их утилизации предполагают определенный набор практик, порой

---

³ Способы их утилизации иногда обсуждают на православных сайтах и форумах. См., к примеру: «Для меня неразрешимая трудность – вопрос: как обращаться с предметами, которые были в контакте со святыней, чтобы соблюсти достоинство святыни, при том, что обёртки, баночки, бутылочки, и др. не могут быть использованы в дальнейшем обиходе ни в бытовом, ни тем более – в сакральном». Пост пользователя Аника (Казхстан) на форуме сайта «Азбука веры». 19 августа 2018 г. URL: <https://azbyka.ru/forum/threads/osvjaschjonnnye-predmetry.21523> (дата посещения 07.12.2021).

довольно оригинальных. Многие из них известны в традиционной культуре, где они применяются к вещам, задействованным, к примеру, в похоронно-поминальной обрядности (как вода или полотенце, которые оставляют на 40 дней для покойника и т. п.) – такие объекты чаще всего сжигают, закапывают/выливают в «непопираемую землю» или сливают/опускают в воду. Аналоги этим практикам мы найдем в разных религиозных традициях (можно вспомнить еврейские *генизы*, хранилища для старых свитков Торы и других священных текстов). Представление об особом статусе сакральных предметов делает невозможной их утилизацию наравне с бытовыми отходами.

В Средние века практики ритуального сожжения и захоронения освященных предметов распространились и в православном, и в католическом мире. Иногда они оформлялись в виде свода правил, чаще практиковались в церковной среде без особой регламентации. В современной практике они сохраняют актуальность, причем в православных сообществах их передают из уст в уста, гораздо реже в виде кратких распечатанных инструкций, которые выдают покупателям в церковных лавках. Ни священники, ни служители, опрошенные нами в храмах и монастырях Москвы, Московской и Нижегородской областей, не смогли указать никакой текст, который регламентировал бы утилизацию освященных предметов.

У католических авторов апелляции к каноническим правилам, напротив, акцентированы – описывая способы утилизации освященных предметов, они ссылаются прежде всего на 1171 статью Кодекса канонического права 1983 г., которая гласит: “Sacred objects, which are designated for divine worship by dedication or blessing, are to be treated reverently and are not to be employed for profane or inappropriate use even if they are owned by private persons”. «Почтительная утилизация» (*respectful disposal*) церковных предметов предполагает, что они будут сожжены или захоронены. Как говорится в популярной сегодня инструкции, опубликованной на сайте Римско-Католической Епархии Сьюпириора (Висконсин, США), на которую ссылаются авторы ряда католических сайтов: “The proper disposal of votive candles and other devotionals, if they have been blessed, is to burn or to bury them, most preferably the former in the case of candles. Letting candles burn down entirely, or, if this presents a hazard should the glass candle holders break, burn them by themselves. It is not a sin to throw away blessed items, but out of proper respect, one should dispose of them in this way”. То же относится к неосвященным предметам, на которых изображено или написано что-либо, связанное с христианством, хотя, в отличие от церковных объектов, их можно выбросить, и в этом не будет греха: “If devotion-

als have not been blessed, such as some of the holy cards and such that come through the mail, those are simply pictures and can be thrown away. If you feel uncomfortable throwing them away, you can burn or bury them as well"⁴. Если речь идет о более значимых, литургических предметах, то правила утилизации становятся более строгими и приближаются к тем, что мы встречаем во многих российских церковных сообществах. Предметы, которые могут сгореть, подлежат сожжению. При этом пепел рекомендуют собирать и закапывать на церковной земле или на территории католического кладбища (аналогичным образом предписывают захоранивать пепел и несгоревшие остатки от сжигаемых церковных книг). Предметы, которые не горят, необходимо разобрать так, чтобы исключить возможность какого-либо профанного использования их самих или их частей, а потом захоронить фрагменты – там же, где хоронят пепел. Если же литургический объект сделан из металла и может быть переплавлен, прежде чем отправить его на плавильный завод, нужно разобрать или разрушить его таким образом, чтобы любая его опознаваемая часть не могла быть использована каким-либо способом и не было нарушено каноническое правило 1171 статьи⁵.

В российских православных монастырях и храмах в целом применялись аналогичные правила утилизации. Однако в постсоветский период, с масштабным развитием церковной инфраструктуры и индустрии, с быстрым распространением религиозных предметов и образов, здесь, вполне предсказуемо, возникло много интересных вариаций.

Для утилизации жидкостей – как освященных, так и использовавшихся для уборки храма – применяют несколько стратегий. Если на территории монастыря или рядом с храмом есть родник или рядом протекает река, естественным способом утилизации оказывается сливание жидкости в воду – при этом важно, чтобы вода была проточной, а не стоячей, как в озере или пруду. Как и в традиционных славянских культурах, текущая вода воспринимается как «чистое» место для совершения многих обрядовых практик и в этом плане противопоставляется стоячей. Если источника или реки рядом нет, нередко прибегают к другому способу, также хорошо известному в славянских традициях – сливают воду в «непопираемую» землю. Это вариация благочестивого захоронения

---

⁴ Disposal of Religious Items // Diocese of Superior, Wisconsin. URL: <https://catholicdos.org/disposal-of-religious-items> (дата посещения 07.12.2021).

⁵ Там же. Разные вариации этих правил повторяются на многих сайтах.

объекта – носителя благодати. В качестве «непопираемого» места нередко используют монастырские клумбы или резервуары естественного происхождения: «Есть место, это просто шахта. Воду святую выливают в нее, а не абы как. Получается, что она предается земле. То, что святое или освящено, должно быть предано земле» (Инф. 5).

Однако чаще всего для утилизации жидкостей используют специальный тип объектов – церковные ямы, колодцы, резервуары. Емкости бывают организованы по-разному и получают разные названия: «пещерка», «яма», «коробка», «бассейнчик». Такие объекты, вместе с «церковными ямами» и печами, о которых мы поговорим ниже, формируют особую храмовую инфраструктуру, связанную с ритуализированной утилизацией объектов.

Во многих монастырях юга Нижегородской области, где проходили наши экспедиции 2021 г., утилизируемую воду разделяют на два типа – ту, что применялась для уборки наоса, и ту, что использовали в алтаре. Предполагается, что вторая обладает более высоким статусом и ее недопустимо сливать даже в тот колодец, куда выливают воду из основного пространства храма. Соответственно, на территории монастыря создается два колодца – церковный и алтарный. В последний, как правило, сливают и воду, которую применяли для очистки икон и реликвий, воду, оставшуюся от крещения, и другие «высокостатусные» жидкости, если их необходимо утилизировать. Сами колодцы, как правило, не различаются по внешнему виду. Они могут выглядеть как обычные колодцы или закрытые ямы, часто с изображением креста, либо как деревянные постройки, напоминающие небольшие часовни – с куполами и крестами.

Что касается твердых предметов, то их, как правило, сжигают, и здесь возникает уже больше вариаций. Чаще всего для сожжения используют церковную печь – там жгут поминальные записки, обертки от освященных товаров, полиграфическую продукцию, а также тряпки и упаковки от чистящих средств, использовавшихся в храме. Кроме того, сжигать такие предметы могут на кострах, в ямах или в металлических ящиках на прихрамовой территории. Частным образом такие объекты рекомендуют сжигать на дачных участках или в лесу, закапывая пепел или используя его в огороде на грядках.

Как и в случаях с отдельной утилизацией воды из наоса и алтаря, в некоторых монастырях используют две отдельные печи, где сжигают предметы из храма и, отдельно, из его алтарной части. Иногда эти печи объединяются с ямами. К примеру, в Знаменском скиту (до недавнего времени относился к Серафимо-Дивеевскому монастырю) вместо двух печей используют две специально оборудо-

дованные ямы: сверху они закрываются железными крышками, а внутрь вмонтированы железные решетки. Предметы из церкви или из алтаря сжигают на этих решетках, а пепел, проваливаясь вниз, сразу же оказывается на дне ямы. По нашим полевым данным, эта традиция характерна для монастырей и монастырских скитов юга Нижегородской области, но неизвестна в монастырях находящегося рядом Муроме и в отдельных монастырях Владимирской области, где мы успели провести опросы. Это, как и многое другое (убранство советских икон определенных типов, популярные моленные образы и др.), определяется влиянием Серафимо-Дивеевской традиции.

Если для сожжения используют отдельную печь, то пепел из нее выгребают и захоранивают разными способами. Иногда его закапывают в «нехоженном» месте – на грядках, в огороде, под деревьями и проч. Однако эта практика вызывает у некоторых респондентов сомнение – любое «нехоженое» место все же не гарантирует, что по нему не пройдутся люди. Неудивительно, что зачастую для пепла сооружают специальную яму, оборудованную крышкой или люком, чтобы предотвратить его распыление. На юге Нижегородской области в случае, когда используются две печи, им часто соответствуют две отдельные ямы. Церковь или монастырь организуют два колодца для жидкостей, а также две печи и две ямы, которые используются для утилизации более и менее символически значимых предметов.

В больших городах все эти практики оказываются затруднительными. Далеко не у каждой церкви есть место для закапывания пепла и несгораемых предметов, да и само разведение огня часто не допускается в городском пространстве. Храмовым служащим приходится либо вывозить свой мусор в лес, чтобы сжечь и/или закопать его там, либо передавать его для утилизации в другую церковь, где имеется храмовая печь. Мелкие предметы в городских церквях могут закапывать, если территория позволяет организовать яму.

Еще один известный вариант утилизации таких предметов – принесение их в часовню, где они могут храниться долгое время (после чего их сжигают, топят или закапывают). Пакеты с церковными обертками, календарями, блокнотами, крестиками и проч. можно встретить в некоторых часовнях вместе со старыми иконами, которые традиционно приносят либо туда, либо в храмы.

Более редкий вариант утилизации – утопление, пускание по воде. Топят либо сами предметы, либо пепел, который остался после их сожжения. Самый необычный способ пускания церковного «мусора» по воде, который нам удалось зафиксировать, предвлялся цементированием предметов: «А батюшка вот что разбирал,

они в Тешу [название речки] че-то заливали чем-то, цементом или чем-то, и где-то поглубже бросали. [А почему так делали?] Святыня. <...> [Что было в цементе?] <...> Там много чего такого, все это убирали они аккуратненько. [Что надо утилизировать в воду?] Ну, старые там, чего-то, книги, я не знаю, железки там какие-то были... [Их нельзя было сжечь?] Да, да, заливали, и все, в Тешу глубоко...» (Инф. 4).

В современных храмах утилизировать многие вещи людям предлагают самостоятельно – вместо того, чтобы нести их в храм, избавляться от них следует дома, соблюдая определенные правила. Во многих церковных лавках покупателей информируют – чаще в устной форме, реже с помощью письменных инструкций – о том, что предметы с изображением святых образов, оберточные материалы от освященных предметов и т. п. нужно сжигать или захоранивать. Иногда вместо инструкции работники спрашивают, хочет ли покупатель сжечь обертку (ценник, веревочку...) самостоятельно или предпочитает, чтобы ее отрезали в лавке и сожгли в церковной печи. На православных форумах можно найти множество рассуждений о том, как именно люди утилизируют предметы в городских квартирах и загородных домах. В отличие от церковных хозяйств, здесь редко создают стационарные объекты – ямы, колодцы, ящики и проч. В качестве «непопираемой земли» в городе могут использовать цветочные горшки или клумбы. Но возрастающее количество таких предметов все чаще провоцирует разговоры о том, что нужно стараться не покупать их и тем самым воздействовать на производителей, чтобы они не изготавливали бытовые предметы со святыми образами и не провоцировали людей на их последующее осквернение при неверной утилизации: «Возможное сжечь – сжигаю, остатки закапываю в землю. Пластик промываю водой, воду сливаю в емкость, потом выливаю в ямку и закапываю. Что можно приношу в храм для сжигания в специальной печи для сжигания. Также сейчас надо смотреть, чтобы не приобрести какую-нибудь вещь с православной символикой в магазине, например изображения на упаковке хрюшек с одной стороны, а на другой – купола церкви»⁶.

Размышляя о существующих практиках утилизации «церковного мусора» и стараясь найти в них общую логику, носители традиции могут апеллировать к представлениям, актуальным, скорее, для эзотерических, магических традиций, которые широко пред-

---

⁶ Пост пользователя с ником «Алесеяка, православный христианин», от 01.09.2018. Околоцерковные суеверия (раздел форума) // Азбука веры. URL: <https://azbyka.ru/forum/threads/osvjaschjonnnye-predmety.21523/page-2> (дата посещения 07.12.2021).

ставлены в популярных современных изданиях. Так, одна наша собеседница утверждала, что суть разных видов утилизации церковных предметов заключается в том, чтобы «передать их стихии»: «То, что прикасается к святыне, потом как бы утилизировать просто в помойку нехорошо, поэтому называется “предавать стихии” <...> То есть четыре стихии, там, сжигают, там огонь, воздух получается. Или в землю – там, не там, где люди ходят, а, как говорят, непопираемое место, там – могилки, там, если просфорки испортились, то в могилку закапывают, по которой не ходят, или вот в проточную воду, в речку. То есть, ну, чтобы не просто там в помойку это шло» (Инф. 1).

Как видим, разнообразие практик утилизации определяется не только физическими особенностями предмета (твердое/жидкое, сжигаемое/несжигаемое), но и его статусом. Хотя все описанные объекты воспринимаются в традиции как наделенные благодатью, они могут восприниматься как неравнозначные – более значимые предполагают обособленное сожжение и захоронение. В монастырской традиции юга Нижегородской области это порождает различные практики разделения «святого мусора» и создание обособленных резервуаров. При этом оценка многих предметов, их аксиологическое маркирование и выстраивание их «посмертной судьбы» (от выбрасывания до ритуализированного захоронения) может варьироваться и служить предметом дискуссий. Это не система прописанных констант, а результат взаимодействия локальных микротрадиций и индивидуальных оценок. И духовенство, и работники церкви могут быть либо противниками излишне благоговейного отношения к «церковному мусору», либо его адептами. Оценки священников, служителей храма и прихожан нередко расходятся. Сами работники церкви могут спорить и сомневаться, когда речь идет о предметах, чей статус не устоялся. Благодаря этому традиции обращения с «сакральным мусором» не только формируются и экспансивно расширяются, но и меняются, находясь в динамичном состоянии.

Благодарности

Выражаю благодарность студентам факультета культурологии РГГУ – Софье Тюниной, Анастасии Завьяловой, Елене Климовой, Артему Кудозову, Милене Гаврицковой и Александру Морозову, которые участвовали в летней практике и в экспедициях 2021 г. и помогли в сборе материалов, описанных в этой статье.

Acknowledgements

I would like to express my gratitude to the students of the Faculty of Cultural Studies of the Russian State University for the Humanities – Sofia Tyunina, Anastasia Zavyalova, Elena Klimova, Artem Kudozov, Milena Gavritkova and Alexander Morozov, who participated in the summer practice and expeditions in 2021 and helped in collecting the materials described in this paper.

Список информантов

- Инф. 1 – жен., ок. 30 лет, работница храма, Высоко-Петровский монастырь, Москва, 2021 г.
 Инф. 2 – жен., ок. 40 лет, продавщица в церковной лавке, храм Воскресения Словущего на Успенском Вражке, Москва, 2021 г.
 Инф. 3 – жен., 1942 г.р., инокиня, Кутузовский скит Серафимо-Дивеевского монастыря, Кулебакский р-н, Нижегородская обл., 2021 г.
 Инф. 4 – жен., ок. 45 лет, работает в церковной лавке 11 лет, церковь Св. Троицы, с. Тёплово гор. округа Кулебаки, Нижегородская обл., 2021 г.
 Инф. 5 – жен., ок. 60 лет, работница храма, ц. Всемилоственного Спаса, Вороново, Москва (Новая Москва), 2021 г.

Литература

- Антонов 2018 – Антонов Д.И. Два «тела» иконы: общение с сакральным образом как апроприация силы // Вестник РГГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2018. № 7. С. 9–34.
 Антонов 2021 – Антонов Д.И. Апроприация силы: незримое «тело» святых в христианских традициях // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. № 3. С. 7–25.
 Байбурин 1981 – Байбурин А.К. Семиотический статус вещей и мифология // Материальная культура и мифология. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1981. С. 215–226.
 Лидов 2003 – Восточнохристианские реликвии / Ред.-сост. А.М. Лидов. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 656 с.
 Лидов 2006 – Реликвии в Византии и Древней Руси: письменные источники / Ред.-сост. А.М. Лидов. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 437 с.
 Hooper 2014 – Hooper S. Bodies, Artefacts and Images. A Cross-cultural Theory of Relics // Matter of Faith: An Interdisciplinary Study of Relics and Relic Veneration in the Medieval Period / Ed. by J. Robinson, L. de Beer, A. Harnden. London: The British Museum, 2014. P. 190–199.

References

- Antonov, D.I. (2018), "Two 'bodies' of the icon. Communication with the sacred image as an appropriation of power", *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Literary Theory. Cultural Studies. Oriental Studies" Series*, no. 7, pp. 9–34.
- Antonov, D.I. (2021), "Appropriation of power. The invisible 'body' of the shrine in Christian traditions", *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, no. 3, pp. 7–25.
- Baiburin, A.K. (1981), "The semiotic status of things and mythology", in *Material'naya kul'tura i mifologiya* [Material culture and mythology], Nauka, Leningradskoe otdelenie, Leningrad, USSR.
- Hooper, S. (2014), Bodies, Artefacts and Images. A Cross-cultural Theory of Relics, in Robinson, J., de Beer, L. and Harnden, A. (eds), *Matter of Faith: An Interdisciplinary Study of Relics and Relic Veneration in the Medieval Period*, The British Museum, London, UK, pp. 190–199.
- Lidov, A.M. (ed.) (2003), *Vostochnokhristianskie relikvii* [East-Christian relics], Progress-Traditsiya, Moscow, Russia.
- Lidov, A.M. (ed.) (2006), *Relikvii v Vizantii i Drevnei Rusi: pis'mennyye istochniki* [Relics in Byzantium and Old Rus'. Written sources], Progress-Traditsiya, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Дмитрий И. Антонов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; antonov-dmitriy@list.ru

Information about the author

Dmitriy I. Antonov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; antonov-dmitriy@list.ru

УДК 94(38)

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-2-44-60

О некоторых особенностях эллинистической цивилизации: полемиические заметки

Игорь Е. Суриков

*Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия;
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, isurikov@mail.ru*

Аннотация. Автор статьи писал ранее о предэллинизме в греческом мире IV в. до н. э. и в связи с этим излагал свое понимание эллинизма как такового. Высказанные тогда соображения вскоре получили в научной литературе отклик – в частности со стороны О.Л. Габелко и И.А. Ладынина. В данной статье автор отвечает оппонентам, развивая некоторые положения своей концепции. Эллинистическая цивилизация, если взять ее в сопоставлении с предшествующей ей полисной цивилизацией, охватившей периоды архаики и классики, по мнению автора, являет собой в ряде отношений регресс, который характеризуется оскудением творческого духа и утратой былых цивилизационных позиций. Уровень оригинальных культурных достижений полисной эпохи и эпохи эллинизма несоизмерим. Как показано в работе, эллинистическая цивилизация жила тем, что рефлексировала над культурным наследием более ранних времен: изучала его, подражала ему, спорила с ним. Те творения эллинизма, которые все же можно отнести к шедеврам, являются таковыми только в той мере, в какой они сохраняют в себе что-то от классических традиций. Если для греческой полисной цивилизации характерен интенсивный путь развития, то для эллинистической – экстенсивный.

Ключевые слова: Античная Греция, эллинизм, предэллинизм, цивилизация, Персия, полис, кризис

Для цитирования: Суриков И.Е. О некоторых особенностях эллинистической цивилизации: полемиические заметки // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 2. С. 44–60. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-2-44-60

On some peculiarities of the Hellenistic civilization. Polemical notes

Igor E. Surikov

Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;

isurikov@mail.ru

Abstract. The author of the paper wrote earlier about pre-Hellenism in the Greek world of the 4th century BC and expounded his understanding of Hellenism. His ideas soon received a response from colleagues – in particular, from O.L. Gabelko and I.A. Ladynin. In this paper, the author responds to his opponents by developing some nuances of his concept. The Hellenistic civilization, taken in comparison with the *polis* civilization that preceded it (the archaic and classical periods), according to the author, was in a number of respects a regression. It was characterized by the impoverishment of the creative spirit and the loss of former civilizational positions. The original cultural achievements of the *polis* and the Hellenistic eras were incommensurable. As shown in the paper, the Hellenistic civilization lived by reflecting on the cultural heritage of earlier epoch: studying it, imitating it, arguing with it. Those creations of Hellenism that can still be attributed to masterpieces are such only to the extent that they retain something of the Classical traditions. If the Greek *polis* civilization is characterized by an intensive development, the Hellenistic civilization can be characterized by an extensive one.

Keywords: Classic Greece, Hellenism, pre-Hellenism, civilization, Persia, *polis*, crisis

For citation: Surikov, I.E. (2022), “On some peculiarities of the Hellenistic civilization. Polemical notes”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 2, pp. 44–60, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-2-44-60

В свое время нам доводилось писать о предэллинизме в греческом мире IV в. до н. э. [Суриков 2014, с. 96–117; Суриков 2015, с. 19–68], и в связи с этим мы изложили свое понимание эллинизма как такового. Высказанные нами тогда соображения вскоре получили в литературе отклик – в частности со стороны О.Л. Габелко [Габелко 2018] и И.А. Ладынина [Ладынин 2018]. С большим интересом ознакомившись с их наблюдениями и доводами, мы убедились в том, что наши соответствующие тексты уже вызвали определенную дискуссию, в рамках которой нам теперь хотелось бы сказать еще несколько слов.

Мы продолжаем настаивать на том, что изучение эпохи эллинизма в отечественной историографии развивается очень бурными темпами, и ни один другой период древнегреческой истории ныне не привлекает в нашей стране интерес столь же большого количества специалистов. О.Л. Габелко считает, что мы здесь несколько преувеличиваем, и пишет: «...Отдельные секции по эллинистической истории стали неотъемлемой частью крупных регулярных конференций, как “Сергеевские чтения” в МГУ и “Жебелевские чтения” в СПбГУ, лишь за последние несколько лет, а тематические конференции по эллинистической тематике в России остаются редким явлением до сих пор» [Габелко 2018, с. 189, примеч. 66]. Это так, но таковые секции и конференции все же есть, и, более того, теперь они уже и вправду воспринимаются, по справедливому выражению самого О.Л. Габелко, как нечто *неотъемлемое* от нашей науки. А сможет ли кто-нибудь припомнить (или представить) секцию – или тем более целую конференцию, – которая называлась бы, скажем, «Проблемы архаического периода греческой истории»? На подобную конференцию участников вряд ли набралось бы в необходимом количестве: антиковедов, изучающих этот период, у нас единицы (особенно если говорить о крупных). А вот исследованием истории эллинизма занимается сегодня целая когорта замечательных российских ученых (ниже следующий список, имеющий чисто иллюстративный характер, заведомо неполон, и мы просим прощения у тех коллег, чьих имен в нем не окажется): О.Ю. Климов, С.Ю. Сапрыкин, С.К. Сизов, сам О.Л. Габелко, И.А. Ладынин, Ю.Н. Кузьмин, С.В. Смирнов, М.М. Холод, А.С. Балахванцев и др. Между прочим, в данном перечне – руководители антиковедческих подразделений двух сильнейших университетов страны – Московского и Санкт-Петербургского. А самое главное в том, что число специалистов по эллинизму в России растет едва ли не с каждым годом, число же специалистов по другим эпохам, напротив, уменьшается; если и далее сохранится такая же динамика, через пару поколений их может не остаться совсем.

Итак, российские исследования эллинизма скорее процветают. Кроме того, их яркой, характерной чертой является, причем уже издавна (как минимум, со времен знаменитой полемики А.Б. Рановича и К.К. Зельина), интерес именно к *теоретическим* вопросам, связанным с эллинистической цивилизацией. Поэтому новую дискуссию мы считаем очень уместной, а то, что один из ее участников (автор этих строк) специализируется, строго говоря, не на эллинизме, может быть, не так уж и плохо: взгляд «со стороны» порой бывает полезен.

Коль скоро мы уже коснулись статьи О.Л. Габелко, продолжим разговор о некоторых из ее основных положений. В тех местах, где оппонент демонстрирует слабые места нашей позиции, нам остается только поблагодарить и повиниться – *mea culpa, rصاصi*, – указав в свое оправдание на то, что абсолютно безупречных работ, видимо, не бывает. Так, коллега в целом резонно отмечает: «...И.Е. ставит знак равенства между понятиями “предэллинизм” и “протоэллинизм” и даже специально подчеркивает некоторую надуманность в проведении подобного различия. Между тем, разница между ними, на мой взгляд, все же существует» [Габелко 2018, с. 184].

Действительно, автор этих строк заявлял, «что никаких таких отличий (между понятиями предэллинизма и протоэллинизма. – *И. С.*) он при всем усилии не видит. Соответственно, в дальнейшем изложении эти два термина будут употребляться как взаимозаменяемые синонимы» [Суриков 2014, с. 96, примеч. 51]. Приходится честно признаться, что мы были тогда не правы, не до конца продумали тезис. Между морфемами «пред-» и «прото-» существует смысловое различие, хотя мы его понимаем не вполне так, как О.Л. Габелко. Приставка «пред-», как ясно из нее самой, обозначает что-то, имевшее место *перед* появлением релевантного феномена (поэтому в другой книге [Суриков 2012, с. 68] мы называем «предполисной эпохой» время *до* появления полисов, эпоху эгейских цивилизаций II тыс. до н. э.). А корень «прото-» (от др.-греч. *πρῶτος*, «первый») маркирует самую первую, начальную стадию формирования феномена (так, протополис – полис *in statu nascendi*, и время его существования приходится на «Темные века», XI–IX вв. до н. э.).

Если смотреть на проблему с данной точки зрения, предэллинизм – это то, что имело место в Греции непосредственно *ранее* наступления эллинизма, то есть как раз на протяжении большей части IV в. до н. э. А протоэллинизмом в таком случае, очевидно, следует именовать время, когда совершались первые шаги в становлении эллинистических социумов.

Итак, свои ошибки мы признавать не стыдимся. Впрочем, в ряде случаев погрешности приписаны нам в статье О.Л. Габелко по недоразумению. Приведем пример: к Македонии «И.Е. относится довольно-таки двойственно: с одной стороны, считает ее “внешним, приводящим фактором” для греческого мира, с другой – говорит о невозможности трактовать греко-македонские отношения как вариант “греко-варварского синтеза”, что вроде бы включает ее в упомянутый мир? Надо бы как-то определиться...» [Габелко 2018, с. 181, примеч. 8].

На самом деле противоречие здесь мнимое. Попробуем разъяснить свою позицию. Македонию никак нельзя называть варварским

государством, поскольку этнически македоняне (теперь об этом можно говорить уже определенно в результате исследования эпиграфических, ономастических, лингвистических данных, см. [Суриков 2015, с. 274–275] со ссылками на литературу) являлись эллинами, а не каким-то отдельным народом, и говорили на одном из диалектов древнегреческого языка, принадлежавшем к северной диалектной группе. Но, с другой стороны, полисные начала в их государстве совершенно не получили развития. Таким образом, в этнолингвистическом плане Македония была частью греческого мира, а вот в цивилизационном плане не являлась частью полисного мира, и эту сложную диалектику необходимо ощущать. Данную черту македоняне разделяли с обитателями некоторых других регионов Северной и Западной Греции – акарнанами, эпиротами и т. п. (характерно название одной из статей об Эпире – «совершенно не-аристотелевская вселенная» [Davies 2000]). Потому мы и назвали Македонию «внешним, привходящим фактором»: таковым она была по отношению к греческим полисам, а только они нас и интересовали в рамках работы, на которую откликнулся О.Л. Габелко.

Подчеркнем, речь идет именно о *полисах*, а не об одном полисе, афинском. Наш оппонент неоднократно предьявляет нам ту претензию, что мы говорим только об Афинах¹. Во-первых, это не вполне так. Достаточно посмотреть на оглавление к книге, применительно к которой прозвучала эта претензия, чтобы убедиться: она как раз получилась «наименее афинской» в нашей тетралогии о политиках Античной Греции. Среди ее героев – только один афинянин, Демосфен, а рядом с ним – спартанец Агесилай (в главе о нем, кстати, довольно подробно говорится о спартанском варианте предэллинизма), фиванец Эпаминонд, да еще македонянин Александр.

Во-вторых, наиболее активное обращение к афинским данным, увы, неизбежно, поскольку в силу известных причин источник-

---

¹ Например: «...Практически все явления раннеэллинистической истории иллюстрируются примерами из истории Афин» [Габелко 2018, с. 187]. Здесь О.Л. Габелко видит идеализацию нами афинской демократии. «Судя по всему, утрата Афинами гегемонии в Греции и в особенности девальвация демократии воспринимаются автором как несомненные свидетельства упадка...» [Габелко 2018, с. 187]. Не можем не отметить, что Афины не могли утратить гегемонию в Греции, поскольку никогда ею не обладали. В последней трети V в. до н. э. они боролись за эту гегемонию, пытаясь вырвать ее из рук Спарты, но борьба, как известно, кончилась для них поражением. Гегемония осталась за Спартой, в 371 г. до н. э. она перешла к Фивам, а с 362 г. до н. э. гегемона не было.

вого материала именно по афинскому полису неизмеримо больше, чем по любому другому древнегреческому государству. Мы обречены на преимущественную апелляцию к этому материалу, и, кстати, на нем с достаточно большой степенью детальности можно проследить процессы, происходившие в Элладе в целом.

Процессами же этими были, во-первых, кризис полиса (в силу чего сам период часто называют поздней классикой) и, во-вторых, создание предпосылок для появления новых форм социально-политической организации (пресловутый предэллинизм). Настоятельно подчеркиваем, что это именно *два* параллельно протекавших процесса. Кажется, О.Л. Габелко не учел в полной мере этот важный аспект наших построений. Он пишет, что для описания соответствующих явлений лучше было бы использовать не термин «предэллинизм», а термин «поздняя классика» [Габелко 2018, с. 186], но одно другого не исключает. Тут не ситуация «или – или», а ситуация «и – и». Основные компоненты кризиса полиса – главного содержания поздней классики мы описали во вводной главе предыдущей книги цикла о политиках [Суриков 2011, с. 9–66], а потом дошел черед и до предэллинизма.

О.Л. Габелко считает автора этих строк убежденным приверженцем концепции К.К. Зельина, принимающим ее «без каких-либо значимых оговорок» [Габелко 2018, с. 185]. Это сказано слишком сильно. Концепция Зельина просто представляется нам однозначно предпочтительной по сравнению со схоластической, вульгарно-марксистской концепцией А.Б. Рановича, которая, соответственно, и оказалась однодневкой. Скоро о ней, вероятно, и вовсе забудут, в то время как взгляды гениального (не побоимся этого слова) ученого К.К. Зельина и поныне актуальны и еще долго (возможно, всегда) будут учитываться самым серьезным образом. Только в этом смысле мы дали им высокую оценку, совершенно не означающую безоговорочное принятие нами всех нюансов этих взглядов.

Однако перейдем к наиболее принципиальным моментам расхождений между нами и нашим оппонентом. Для нас эллинистическая цивилизация, если взять ее в сопоставлении с предшествующей ей полисной цивилизацией, охватившей периоды архаики и классики, являет собой в ряде отношений регресс, характеризуется оскудением творческого духа, утратой былых цивилизационных позиций. О.Л. Габелко указывает, что, в сущности, так же считали А.И. Зайцев, Ю.В. Андреев [Габелко 2018, с. 182], и автору этих строк не стыдно быть единомышленником таких корифеев.

Что-то и вправду ущербное есть в эпохе, которую очень долго просто не замечали, которая лишь так поздно, в XIX в., была

«открыта» (Дройзенем) и получила название (неудачное, по нашему глубокому убеждению). О.Л. Габелко пишет об эллинизме: «...он кажется мне миром более ярким, динамичным и живым, нежели холодновато-прекрасная классическая Греция» [Габелко 2018, с. 190]. Не знаем, что есть такого особенно «холодноватого» в Аристофане или Геродоте (уж скорее Менандр и Полибий на их фоне «холодноваты»). Хрестоматийной стала формулировка Винкельмана «благородная простота и спокойное величие», высказанная им относительно древнегреческого искусства. Но парадокс в том, что великий немецкий искусствовед вывел эту формулу, наблюдая в основном эллинистические памятники скульптуры (такие, например, как «Лаокоон»). Шедевры высокой классики тогда еще толком не знали, фидиевым мраморам Парфенона только предстояло быть введенными в научный оборот.

Давайте называть вещи своими именами: уровень оригинальных культурных достижений полисной эпохи и эпохи эллинизма несоизмерим. Это не дело вкуса, а объективная данность. Поставим на одну чашу весов даже не Гомера, а Гесиода, на другую же – Аполлония Родосского, крупнейшего эллинистического эпика; на одну – даже не Архилоха с Пиндаром, а более скромных Феогнида или Алкмана, на другую – Каллимаха, крупнейшего эллинистического лирика; на одну – даже не Платона и Аристотеля, а, скажем, Парменида и Гераклита, на другую – Эпикура вкупе с Зеноном-стоиком; на одну – даже не Фидия, а Праксителя, на другую – авторов того же «Лаокоона»; на одну – даже не Демосфена, а Лисия, на другую – кого-нибудь из эллинистических риториков и даже всех их вместе взятых... И разница в масштабе сразу станет ясна. Если привести сравнение из мира спорта, перед нами две команды, одна из которых даже вторым (если не третьим) составом обыгрывает другую с сухим счетом.

Собственно, эллинистическая цивилизация жила тем, что рефлексировала над культурным наследием более ранних времен: изучала его, подражала ему, спорила с ним, – одним словом, всячески «пережевывала» его. Несравненно меньше стало оригинальности и, скажем прямо, хорошего вкуса. Те творения эллинизма, которые все же можно отнести к шедеврам, являются таковыми только в той мере, в какой они сохраняют в себе что-то от классики (от разных ее направлений: так, «Ника Самофракийская» восходит к традиции Скопаса, а «Афродита Мелосская» – к традиции Праксителя).

И главное – почему вообще нам и поныне интересна античность, почему мы признаем ее своей колыбелью? Не потому, разумеется, что в ней велась Пелопоннесская война, или установ-

ливалась гегемония Филиппа II, или очередной Антиох сменял на троне очередного Селевка... А потому, что были эти самые Гомеры и Платоны. И на их фоне, повторим, культура эллинизма проигрывает, выглядит скудной, – подчеркнем, в качественном отношении. Как раз в количественном плане памятников становится гораздо больше – именно потому, что цивилизация «пошла вширь», вступила с интенсивного пути развития на экстенсивный. Не случайно то обстоятельство, что эллинистическая литература (всех родов и жанров) так плохо сохранилась. Сами греки не слишком высоко ее ставили и, соответственно, не утруждались переписывать.

О.Л. Габелко пишет о цивилизации эллинизма: «На роль “колокольни”, с которой следует вести ее обозрение, куда лучше подходит, к примеру, Александрийский маяк, и с его высоты эллинизм наверняка покажется чем-то гораздо более значимым и содержательным, нежели просто “постклассика”» [Габелко 2018, с. 190]. Воистину, пресловутый маяк (или какой-нибудь другой объект эллинистического времени из «канона семи чудес света», да хоть Колосс Родосский) может служить зримым символом основных черт культуры эллинизма – гигантизма, помпезности, богатства. Закономерно в вышеупомянутый канон не включили афинский Парфенон. Он представляет собой высшее достижение античного зодчества, но он не громаден.

Понятно, что эллинское общество стало намного богаче после завоевания (и ограбления) Востока, и это позволило теперь практиковать подобные пышность и роскошь. Но порождает ли материальное процветание духовные взлеты? Цивилизационный опыт показывает, что это не так, что богатство как таковое – совершенно не обязательно предмет культурной гордости. Похоже, что связь-зависимость тут бывает даже противоположной. Можно ли считать, «...что Римская республика была “лучше” Римской империи?!» – ставит О.Л. Габелко вопрос, который наверняка кажется ему риторическим [Габелко 2018, с. 183]. А вот сами римляне риторическим его отнюдь не считали и давали на него однозначный ответ: «да, лучше». Одним из самых устойчивых топосов в литературе Рима времен Империи был следующий: в наши дни любой бедняк сочтет для себя зазорным жить в таких условиях, в каких жили в глубокую старину Цинциннат или Фабриций – сенаторы, консулы, первые мужи государства. Иными словами, благосостояние социума с тех пор многократно возросло. И что же, римские писатели оценивали этот факт положительно? Напротив, резко отрицательно, считая именно его корнем всяческих пороков. Кстати, эллинистических монархов богатство тоже довольно быстро развратило (см. ниже).

Как уже было вкратце сказано ранее, если для греческой полисной цивилизации характерен интенсивный путь развития, то для эллинистической – экстенсивный. А ведь только первый из них является залогом полномасштабной творческой яркости и оригинальности².

О.Л. Габелко указывает на характерное для эпохи эллинизма «резкое возрастание интереса к реальному и мифологическому прошлому греческих общин, что выражается в появлении и быстром расцвете жанра “местных хроник”, а также в поисках и обосновании легендарного родства между полисами и их основателями...» [Габелко 2018, с. 188–189]. Тонко и точно подмеченная черта, но о чем она свидетельствует? Несомненно, о ностальгии по былым «великим временам», которые потом так измельчали... О прошлом много думают, когда настоящее не радует, а от будущего не ждут ничего хорошего. Ностальгия эта началась в Греции в IV в. до н. э. – как раз в контексте нарастания тенденций предэллинизма.

По-настоящему оригинальным достижением полисной цивилизации является демократия, развившаяся в ряде эллинских государств. Она – один из тех феноменов, благодаря которым Элладу и называют «колыбелью Запада». А что осталось от этой демократии в эллинистический период? «Пустая оболочка», как пишем мы в другом месте [Суриков 2008, с. 304]. Само понятие демократии девальвировалось, теперь оно было всего лишь «практически синонимично политической независимости» [Габелко 2018, с. 187, примеч. 48], с чем, как видим, наш оппонент и сам соглашается, добавляя: «Однако, согласимся, для мира, в котором доминировали могучие монархии, и это совсем не мало!» [Габелко 2018, с. 187, примеч. 48].

Пресловутое доминирование монархий являлось, безусловно, ключевой особенностью политического ландшафта эллинизма. В отличие от полисов, являвших собой структуру в полной мере уникальную, это были банальнейшие царства, каких и до того, и после того хватало на Востоке. Фактически имела место рецепция восточной деспотии греками – результат прошедшего в социальной психологии процесса, который мы обозначаем формулировкой «от гражданина к подданному» и за которым признаем особо важную роль в складывании предпосылок эллинизма.

О.Л. Габелко и тут пытается внести коррективы: «...к эволюции статуса “от гражданина к подданному” грекам самых разных

² Римляне практически с самого начала пошли по экстенсивному пути. Не потому ли они, при всем к ним уважении, и не поднялись на такие высоты духа, как греки?

регионов и различных исторических периодов было не привыкать: им была знакома и тирания (как “старшая”, так и “младшая”), и власть персидских царей, и господство варварских династов» [Габелко 2018, с. 185]. Все это было, но в том-то и дело, что в полисный период подобные ситуации воспринимались как грубейшее отклонение от нормы, как то, чего быть не должно. Тиранов свергали, от чужеземного владычества пытались избавиться, в случае утраты политического суверенитета боролись за его восстановление. А вот во времена эллинизма греки послушно склонились перед новыми реалиями и уже не пытались что-то принципиально изменить, довольствуясь симулякрами, такими, как «дружба» эллинистических владык.

И.А. Ладынин солидарен с О.Л. Габелко в том, что мы преувеличиваем значение социально-психологических факторов для происходивших перемен. Вот его слова, противопоставленные «мнению И.Е. Сурикова о том, что в них (процессах IV в. до н. э. – *И. С.*) принципиальна трансформация самосознания эллинов, их отход от ощущения себя гражданами, осуществляющими суверенную власть в своем государстве. Это изменение, безусловно, знаменательно, однако кризисные явления в экономике и политике если не предопределяли его в точном смысле слова, то во всяком случае шли с ним рука об руку» [Ладынин 2018, с. 195–196].

Нам, конечно же, и в голову не приходило отрицать наличие кризисных элементов в той же экономике, но были ли они причиной или следствием? Понятно, что в стране, где на протяжении многих десятилетий господствовала марксистская идеология с характерным для нее представлением о «базисе» и «надстройке», возведенным в догму, ученые целого ряда поколений на стадии формирования своего мировоззрения, т. е. еще в вузе (если не раньше), впитывали от учителей априорное представление о том, что основа всего – экономические отношения, политическая сфера производна от нее, ну, а «культура» (то есть все, что связано с ментальностями) – это что-то и вовсе вторичное, следовательно, малозначимое; ее и в учебниках ставили на последнее место. Мы глубоко убеждены в превратности этой схемы, в том, что в действительности сознание определяет социальное бытие, а не наоборот. Вначале происходит «революция в умах», а потом уже в результате этого изменяются общественные условия.

Не можем не отреагировать на следующее суждение И.А. Ладынина (просим прощения за достаточно пространную цитату – она необходима): «Мы поспорили бы лишь с определением Суриковым этого процесса как эволюции самосознания эллинов в направлении “от гражданина к подданному”. Эта формулировка Штаерман

описывала процесс, происходивший в римском обществе, т. е. в очень большой, но все же одной гражданской общине, в которой ощущалась прямая связь граждан с формируемыми ими институтами. Эти связи в эпоху принципата и трансформировались в “подданство” – ощущение тоже прямой (по крайней мере, номинально) связи с единоличным правителем, в то время как столь же непосредственной связи граждан эллинистических полисов и монархов (как в Греции, так и на Востоке), как правило, не было» [Ладынин 2018, с. 196].

Совершенно верным представляется наблюдение об отсутствии прямой связи между гражданами полисов и монархами в эллинистическом мире: монархии в нем представляли собой внешние структуры, вдруг искусственно надстроенные над структурами традиционными, полисными. Иное дело – Рим: в нем действительно полисная республика органично, естественно переросла в монархию, и это перерастание свершилось так постепенно, что даже, в общем, не было замечено: Рим и в эпоху принципата воспринимался как полис. Приведем знаменательную формулировку из такого памятника этого времени, как «Откровение Иоанна Богослова» (под видом Вавилона аллегорически описывается Рим): ἡ πόλις ἡ μεγάλη ἡ ἔχουσα βασιλείαν ἐπὶ τῶν βασιλέων τῆς γῆς (Откр. 17:18). «Великий полис, царствующий над царями земными», – таким виделся императорский Рим с греческого Востока. И это господство полиса, полисной идеи над монархиями не могло не радовать эллинов.

Римляне действительно ощущали прямую связь с императором, но это-то как раз и являлось препятствием для складывания стопроцентной психологии подданного. В Риме государь был не господином, а отцом, *pater patriae*. И только с того момента, когда он становится господином (*dominus*), можно говорить о полностью оформившемся подданстве. А это происходит только в эпоху домината³.

Говоря о пресловутом греко-восточном синтезе, который часто считают главной, принципиальной чертой обществ эллинизма (а мы в этом усомнились, поскольку не видим такого синтеза в Греции и Македонии), И.А. Ладынин делает интерес-

³ Характерно, что античные греки не называли римского императора царем (*βασιλεύς*). Его титул передавался ими через *αὐτοκράτωρ*, а автократор – это, в общем-то, нормальная (хотя и экстраординарная) полисная магистратура. Император стал именоваться *ὁ βασιλεύς τῶν Ῥωμαίων* только в Византии, история которой представляла собой продлившуюся на тысячелетие историю домината.

ное наблюдение: «На наш взгляд, явлением синтеза, значимым для всех частей эллинистической ойкумены, независимо от того, присутствовало ли в них “физически” восточное начало, была сама эллинистическая монархия, в оформлении которой... восточная традиция сыграла исключительную роль» [Ладынин 2018, с. 197]. Мы бы даже заметили – настолько исключительную, что здесь более уместна не формулировка «синтез», а иная, выше уже приводившаяся нами формулировка – «рецепция восточной деспотии». Причем деспотии подчас в ее худшем воплощении: многие цари позднего эллинизма производят впечатление каких-то дегенератов, погрязших в чудовищных и бессмысленных жестокостях [Gotter 2013].

Подчеркнем, что речь здесь именно о *поздних* эллинистических монархах, и это характерно. Поражает, как мир эллинизма достаточно быстро (по историческим меркам) «измельчал», как произошла деградация от грандиозных, поражающих воображение фигур Александра и диадохов к таким вот ничтожествам, каких явили собой не столь уж и дальние потомки Селевка Никатора, Птолемея Сотера и др. Возможно, тут мы имеем дело с закономерным процессом, который в своем разворачивании, миновав пик, далее идет уже по нисходящей.

Если трактовать эллинистическую цивилизацию как часть античной греческой, то это будет ее «вечер», ее старость. Возможно, впрочем, и другое понимание, в рамках которого эллинистическая цивилизация является именно отдельной цивилизацией «в своем праве», третьей цивилизацией, созданной греками (после микенской и полисной). Если смотреть на вещи в таком ракурсе, многое в эллинизме будет видеться в ином свете. Но получится, что это – цивилизация с очень кратким расцветом (первая половина III в. до н. э.) и как-то неожиданно скоро наступившими (и надолго растянувшимися) мрачными сумерками.

Нам очень импонирует следующая формулировка И.А. Ладынина: «По-видимому, справедливо связывать закономерности развития эллинского мира с эволюцией полиса. В ее рамках на определенном этапе были закономерны кризис полиса, т. е. утрата им способности нести нагрузку независимого государства, а затем его преодоление, т. е. конституирование надполисных структур, которые приняли на себя эту нагрузку. Термин “эллинизм” фактически относится к тому варианту конституирования этих структур, который реально осуществился вследствие завоеваний и деятельности Александра Великого, при том, что сами эти события жестко детерминированы не были. Наступление эллинизма закономерно в том смысле, что в эволюции древне-

греческого общества был закономерен этап преодоления кризиса полиса, конкретно-исторической формой которого стала обозначаемая данным термином совокупность явлений; при этом предпочтительная реализация среди возможного спектра таких форм именно этой не была закономерна и предопределена» [Ладынин 2018, с. 200].

Как нам представляется, это – исключительно удачное, диалектическое решение знаменитой дилеммы в вопросе о том, что представлял собой эллинизм – «закономерный этап» (А.Б. Ранович) или «конкретно-историческое явление» (К.К. Зельин). Поскольку кризис полиса был объективной данностью и он однозначно воспринимался современниками событий как нечто весьма негативное, вполне закономерны были чаяния эллинов о его преодолении, а вот реализованы они потенциально могли быть разными путями, не только тем, который реально имел место⁴. Это именно то, что мы имели в виду, когда писали: «Не Филипп II – так кто-нибудь другой рано или поздно явился бы, чтобы удовлетворить, воплотить в жизнь эти чаяния» [Суриков 2015, с. 64].

При этом совершенно справедливо И.А. Ладынин указывает на то, что корни эллинизма все-таки следует искать в конечном счете в векторе эволюции полиса. Здесь мы с ним глубоко солидарны и не считаем, что прав О.Л. Габелко, когда он утверждает: «Мне кажется методологически не вполне верным стремление... объяснить наступление эллинизма через изменения, происходящие исключительно в самом полисе» [Габелко 2018, с. 182]. Он, конечно, имеет в виду, что эллинизм имел и восточные предпосылки. А вот нам по-прежнему неясно, в чем же такие предпосылки могли заключаться и какие принципиально новые, ранее неизвестные процессы, в перспективе «выводившие» на эллинизм, имели место в IV в. до н. э. на территории Ахеменидской державы. Для греческого мира наличие подобных процессов бесспорно, а вот применительно к Персии ничего безусловного привести не можем.

И действительно, что мы наблюдаем в великой империи Востока в этот период? Ослабление (в отдельные периоды) верховной власти, сепаратизм на периферии (ярко воплотившийся в знамени-

---

⁴ Может быть, не окажется совсем уж неуместной следующая историческая параллель: то, что Россия в конце XVII в. подошла к необходимости модернизации, является, видимо, объективной данностью, а вот тот конкретный путь модернизации, который избрал Петр I – путь предельно жесткий, с ломкой всех самобытных традиций (и породивший даже цивилизационный раскол в обществе), – не был, конечно, единственно возможным.

том «Великом восстании сатрапов»⁵)? Но такое бывало и прежде: после кончины практически каждого персидского царя его преемник вынужден был первые несколько лет правления потратить на усмирение окраинных мятежей, а потом его власть вновь укреплялась. Привлечение высокоstatusных греков к персидскому двору (как позже Александр привлекал персидских вельмож к своему)? Это тоже практиковалось и раньше – достаточно припомнить Гистия, Демарата или Фемистокла. Достаточно сильная эллинизация некоторых регионов Малой Азии (таких, как Кария, Ликия)? Она ведет начало не с IV в. до н. э., а с более ранних времен: уже Геродот, родившийся в 480 г. до н. э., был, судя по именам его отца и дяди, эллинизованным карийцем. К тому же эта эллинизация в дальнейшем осталась, в сущности, без серьезных последствий, как показал сам же О.Л. Габелко в другом месте [Габелко 2009]. Одним словом, государство Ахеменидов двигалось своим обычным путем, и ни на какой эллинизм этот путь не выводил, если бы не вмешательство греков во главе с Александром.

Не можем не остановиться еще вот на каком остроумном замечании И.А. Ладынина: «...термин “эллинизм” не сложился естественным образом... а был “авторским”, и его создатель вложил в него совершенно определенный смысл... При реинтерпретации такого термина можно изменять или расширять его сущностное наполнение; но полностью менять характер его употребления (в данном случае, перестать обозначать им исторический этап), и все же продолжать использовать, а не заменять чем-то новым не столь уж корректно» [Ладынин 2018, с. 194].

О чем, собственно, здесь идет речь? О том, что в отличие от названий других периодов древнегреческой истории название данного было искусственно придумано одним человеком (и придумано, повторим, во многих отношениях неудачно), вложившим в него «совершенно определенный смысл». Принимая это название, мы, если хотим быть последовательными, фактически вынуждены принимать и то понимание эллинизма, которое было у Дройзена. А коль скоро нам нужно выйти за рамки этого понимания на какой-то новый уровень, желательно бы заменить и название. Мы предложили термин «постклассика» [Суриков 2015, с. 356]; но он, конечно, никогда не будет принят нашими адептами эллинистической цивилизации.

---

⁵ Впрочем, справедливо отмечалось [Ruzicka 2006, pp. 234–235], что сатрапы в действительности вовсе не намеревались отделиться и стать независимыми государями. Они фрондировали с целью обеспечить себе более выгодные позиции в переговорах с царем.

Литература

- Габелко 2009 – *Габелко О.Л.* Еще раз о проблеме «предэллинизма» // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире / Под ред. О.Л. Габелко. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2009. С. 173–183.
- Габелко 2018 – *Габелко О.Л.* Полемиические заметки об исторических судьбах греческого полиса в эпоху эллинизма // ПЕНТΗΚΟΝΤΑΕΤΙΑ: Исследования по античной истории и культуре: Сборник, посвященный юбилею Игоря Евгеньевича Сурикова / Под ред. О.Л. Габелко, А.В. Махлаюка, А.А. Синицына. СПб.: Изд-во РХГА, 2018. С. 180–190.
- Ладынин 2018 – *Ладынин И.А.* Понятие эллинизма в советской и постсоветской историографии: стадильность и закономерность или историческая конкретность и случайность? // Диалог со временем. 2018. № 65. С. 185–206.
- Суриков 2008 – *Суриков И.Е.* Солнце Эллады: История афинской демократии. СПб.: СПбГУ, 2008. 360 с.
- Суриков 2011 – *Суриков И.Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи: Година междоусобиц. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2011. 328 с.
- Суриков 2012 – *Суриков И.Е.* Полис, логос, космос: мир глазами эллина: Категории древнегреческой культуры. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. 304 с.
- Суриков 2014 – *Суриков И.Е.* Некоторые проблемы боспорского политогенеза V–IV вв. до н. э. («взгляд из Эллады») // Древнейшие государства Восточной Европы: 2012 год: Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства / Под ред. А.В. Подосинова, О.Л. Габелко. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2014. С. 76–122.
- Суриков 2015 – *Суриков И.Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи: На пороге нового мира. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. 392 с.
- Davies 2000 – *Davies J.K.* A wholly non-Aristotelian Universe. The Molossians as ethnos, state, and monarchy // Alternatives to Athens. Varieties of political organization and community in Ancient Greece / Ed. by R. Brock, S. Hodkinson. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 234–258.
- Gotter 2013 – *Gotter U.* The Castrated King, or The everyday monstrosity of late Hellenistic Kingship // The Splendors and miseries of ruling alone. Encounters with monarchy from Archaic Greece to the Hellenistic Mediterranean / Ed. by N. Luraghi. Stuttgart: Steiner, 2013. P. 207–230.
- Ruzicka 2006 – *Ruzicka S.* The politics of Persian autocracy, 424–334 B.C. // Ancient tyranny / Ed. by S. Lewis. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2006. P. 224–237.

References

- Davies, J.K. (2000), "A wholly non-Aristotelian Universe. The Molossians as ethnoses, state, and monarchy", in Brock, R. and Hodkinson, S. (eds.), *Alternatives to Athens. Varieties of political organization and community in Ancient Greece*, Oxford University Press, Oxford, UK, pp. 234–258.
- Gabelko, O.L. (2009), "Once again on the 'pre-Hellenism' issue", in Gabelko, O.L. (ed.), *Politika, ideologiya, istoriopisanie v rimsko-ellinisticheskom mire* [Politics, ideology, and historiography in the Roman and Hellenistic world], Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, Kazan, Russia, pp. 173–183.
- Gabelko, O.L. (2018), "Polemical notes on historical fates of the Greek polis in the period of Hellenism", in Gabelko, O.L., Makhlayuk, A.V. and Sinitsyn, A.A. (eds.), *ПЕНТХОНТАЕТИА: Исследования по античной истории и культуре: Сборник, посвященный юбилею Игоря Евгеньевича Сурикова* [ПЕНТХОНТАЕТИА. Studies of Ancient history and culture. A collection of articles, devoted to Igor Evgen'evich Surikov's anniversary], Izdatel'stvo RKhGA, St. Petersburg, Russia, pp. 180–190.
- Gotter, U. (2013), "The Castrated King, or The everyday monstrosity of Late Hellenistic Kingship", in Luraghi, N. (ed.), *The splendors and miseries of ruling alone. Encounters with monarchy from Archaic Greece to the Hellenistic Mediterranean*, Steiner, Stuttgart, Germany, pp. 207–230.
- Ladynin, I.A. (2018), "The notion of Hellenism in Soviet and post-Soviet research. Stadiality and regularity or historical concreteness and random event?", *Dialog so vremenem*, no. 65, pp. 185–206.
- Ruzicka, S. (2006), "The politics of Persian autocracy, 424–334 B.C.", in Lewis, S. (ed.), *Ancient tyranny*, Edinburgh University Press, Edinburgh, UK, pp. 224–237.
- Surikov, I.E. (2008), *Solntse Ellady: Istoriya afinskoj demokratii* [The sun of Hellas. A history of the Athenian democracy], SPbGU, Saint-Petersburg, Russia.
- Surikov, I.E. (2011), *Antichnaya Gretsija: politiki v kontekste epokhi: Godina mezhdousobits* [Ancient Greece. Politicians in the context of the epoch. The time of internal strife], Russkii fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, Moscow, Russia.
- Surikov, I.E. (2012), *Polis, logos, kosmos: mir glazami ellina. Kategorii drevnegrecheskoj kul'tury* [Polis, logos, cosmos. The world through the Hellene's eyes. Categories of Ancient Greek culture], Russkii fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, Moscow, Russia.
- Surikov, I.E. (2014), "Some issues of Bosphoran state formation in 5th – 4th centuries B.C. ("a view from Hellas")", in Podosinov, A.V. and Gabelko, O.L. (eds.), *Drevnejschie gosudarstva Vostochnoy Evropy. 2012 god: Problemy ellinizma i obrazovaniya Bosporskogo tsarstva* [The earliest states of Eastern Europe. 2012. Issues of Hellenism and the emergence of the Bosphoran Kingdom], Russkii fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, Moscow, Russia, pp. 76–122.
- Surikov, I.E. (2015), *Antichnaya Gretsija: politiki v kontekste epokhi: Na poroge novogo mira* [Ancient Greece. Politicians in the context of the epoch. On the threshold of a new world], Russkii fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Игорь Е. Суриков, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр-т, д. 32а;

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; isurikov@mail.ru

Information about the author

Igor E. Surikov, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 32a, Leninskiy Av., Moscow, Russia, 119334;

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; isurikov@mail.ru

«Азь же того оубоѡвѡса»:
эмотивная лексика страха как характеристика князей
в «Повести временных лет»

Светлана А. Борисова
*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, sa-borisowa@yandex.ru*

Аннотация. Исследование терминов, обозначающих эмоции, – основа изучения представлений о человеческих переживаниях, бытовавших в прошлом. В силу особенностей древнерусской книжной культуры мы не можем найти в произведениях этого периода развернутые и детальные описания, связанные с переживаниями людей. Тем не менее указанные тексты содержат эмотивную лексику. Именно ее анализ особенно важен для понимания представлений об эмоциях людей, живших в средние века. Анализ эмотивной лексики страха в «Повести временных лет» показывает, что ее авторы не только и не столько стремились передать ощущение этого чувства своими персонажами, сколько выстраивали характеристики героев летописи с помощью эмотивов. В статье анализируются рассказы «Повести временных лет» о князьях, содержащие лексемы, которые обозначают страх. Особое внимание обращается на контекст употребления обнаруженных эмотивов. Результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что эмотивная лексика страха используется летописцем для нравственной характеристики князей. Сообщения об этой эмоции маркируют персонажей как злодеев и определяют их действия как несправедливые. Бесстрашие же рассматривается как позитивная характеристика того или иного князя. Следовательно, эмотивная лексика страха в летописном повествовании прежде всего играет символическую роль и является важным элементом оценки, которую книжник дает своим героям.

Ключевые слова: история эмоций, страх, эмотивная лексика, образы князей, Древняя Русь, Повесть временных лет

Для цитирования: Борисова С.А. «Азь же того оубоѡвѡса»: эмотивная лексика страха как характеристика князей в «Повести временных лет» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 2. С. 61–75. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-2-61-75

“I was for that reason overcome by fear”.
Emotive language of fear as characteristic of princes
in “The Tale of Bygone Years”

Svetlana A. Borisova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
sa-borisova@yandex.ru*

Abstract. The research of terms denoting emotions is the main approach for the study of notions about human feelings that existed in the past. Because of the peculiarities of the ancient Russian book culture, we cannot find thorough and detailed descriptions related to the experiences of people in the works of that period. However, those texts contain emotive vocabulary. Exactly its analysis is especially important for understanding the ideas about the emotions of the Middle Ages. The analysis of the emotive language of fear shows, however, that the authors of the Tale of Bygone Years not only and not so much sought to express the feeling of their characters' fear, but created the characteristics of the characters of the chronicle with the help of emotives. The article analyses the stories of the Tale of Bygone Years about the princes that contain lexemes of fear. Particular attention is paid to the usage contexts of the discovered emotives. The key result of the analysis presented that chroniclers used the emotive language of fear for the moral characterization of princes. The mention of this emotion marks the characters as villains and defines their actions as unrighteous. Fearlessness is as a positive characteristic of princes. Therefore, the emotive language of fear in the chronicle narrative primarily plays a symbolic role and becomes an important element of the evaluation that chroniclers give to their characters.

Keywords: history of emotions, fear, emotive language, images of prince, Ancient Russia, Tale of Bygone Years

For citation: Borisova, S.A. (2022), “I was for that reason overcome by fear”. Emotive language of fear as characteristic of princes in ‘The Tale of Bygone Years’, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 2, pp. 61–75, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-2-61-75

Категория эмоционального – это новая оптика, позволяющая глубже исследовать мировосприятие человека прошлого. При этом неважно, имеет ли выбранный для анализа источник ярко выраженную эмоциональную окраску. Как подчеркивает историк эмоций Б. Розенвейн, несмотря на то что «некоторые источники бесстрастны по тону и содержанию», «они так же

важны, как и откровенно эмоциональные тексты»¹ [Rosenwein 2010, p. 17].

К таким источникам можно отнести древнерусские памятники, в частности домонгольской эпохи². В силу особенностей древнерусской книжной культуры мы не можем найти в произведениях этого периода развернутые и детальные описания, связанные с переживаниями людей. Тем не менее указанные тексты содержат эмотивную лексику. Именно ее анализ особенно важен для понимания представлений об эмоциях людей, живших в средние века. Согласно наиболее актуальному подходу, выработанному в рамках истории эмоций, исследование эмоциональных терминов, “emotion words”, является базовым уровнем для изучения обозначенной проблематики [Rosenwein 2008, pp. 96–97; Rosenwein 2010, pp. 13–14].

По словам О.А. Левиной, «эмотивность текста художественного произведения направлена на то, чтобы вызвать эмоциональный отклик у читателя, и посредством этого восприятия обеспечить более глубокое понимание содержательно-фактуальной, содержательно-концептуальной и подтекстовой информации», заставить сопереживать повествованию [Левина 1999, с. 1]. При этом литературные образы персонажей состоят из «многообразия эмотивных смыслов», сходящихся вокруг «эмоциональной доминанты характера» героя [Бабенко, Казарин 2003, с. 141]. Можно ли говорить о чем-то подобном в случае с древнерусской литературой? Иными словами: какую роль обозначения эмоций играют в построении древнерусских произведений? Чем обусловлено появление эмотивной лексики в этих текстах?

В статье мы предлагаем рассмотреть один аспект этой обширной темы: роль эмотивной лексики в рассказах о князьях в «Повести временных лет» (ПВЛ). Среди всех героев летописи наиболее подробно описаны князья, поэтому на них пал наш выбор. Мы сосредоточимся на упоминаниях страха, поскольку это одно из базовых человеческих переживаний, и, несмотря на ограниченность эмотивной палитры ПВЛ, его обозначения нередко встречаются на страницах выбранного источника [Творогов 1984]. Мы будем

---

¹ “Some sources are unemotional in tone and content. These are as important as overtly emotional texts”. Лингвистика эмоций также подтверждает эту идею. По словам В.И. Шаховского, «в любом тексте можно выделить различные планы, по которым характеризуется текст: событийный, временной, образный, эмотивный» [Шаховский 2008, с. 185].

² Согласно наблюдениям Д.С. Лихачева, древнерусские авторы начинают обращаться к изображению человеческих переживаний в конце XIV – начале XV в. [Лихачев 1970, с. 72].

использовать слово «страх» в качестве обобщающего понятия для древнерусских лексем, с помощью которых описывается интересующая нас эмоция.

Следует учитывать, что мы имеем дело не с описанием «реальных» страхов князей, а с литературными образами. Предметом нашего изучения являются характеристики, которыми летописец наделяет героев ПВЛ. Эмотивы, обозначающие страх, встречаются в рассказах о восьми князьях: Владимире Святославиче, Ярославе Владимировиче, Олеге Святославиче, Давыде Игоревиче, Глебе Всеславиче, Владимире Всеволодовиче, Ростиславе Владимировиче, Васильке Ростиславиче. В большинстве случаев это глаголы боѣтис_A/оубоѣтис_A. Реже используются лексемы: оужаситис_A, оужась, не смѣти, блюстис_A, трасенье. Нас будет интересовать, как выстраиваются характеристики героев с точки зрения концепта страха и какое значение имеют слова, выражающие эту эмоцию, для построения летописного повествования.

Первый смысловый уровень упоминаний о страхе в рассказах о князьях заключается в следующем: герои боятся, что родственник причинит им вред или лишит жизни, боятся понести от него наказание³.

При этом в двух описаниях таких междоусобных столкновений сообщения о страхе играют специфическую роль – они оправдывают княжеские злодеяния. Так, летописец рассказывает, что после возвращения на Русь Владимир осаждает Киев, в котором находится Ярополк, и отправляет послов к его воеводе Блуду «съ лестью ꙗѡ . поприѣи ми аще оубью брата своего . имѣти тѣ хочю во ꙗѡ мѣсто . и многу честь возьмеш ѿ мене . не азъ бо почаль братю бити но ѡнъ . азъ же того оубоавьса . придохъ на нь»⁴ (здесь и далее курсив мой. – С. Б.). В речи Владимира страх становится оправданием агрессивного поведения князя по отношению к брату и дальнейшего убийства Ярополка.

³ Например: Владимир Святославич *оубоавьса* старшего брата: «слъшав же се Володимѣръ в Новѣгородѣ . ꙗко Ярополкъ оуби Сѡльга . *оубоавьса* бѣжа за море» (Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть временных лет. Стб. 75). Подобная реакция описывается у Ярослава Владимировича по отношению к отцу: «Ярославъ же пославъ за море . приведе Варагы боѣса ꙗѡ своего» (Там же. Стб. 130). Олег Святославич, сражаясь с войсками Мстислава Владимировича, «оузрѣ (...) стагъ Володимѣрь и *оубоавьса* (...) и *оубоавььса* побѣже» (Там же. Стб. 239–240) и т. д.

⁴ Там же. Стб. 76.

Подобным образом описывается и поведение Давыда Игоревича. Володарь Ростиславич требует от Давыда покаяния за то, что тот ослепил его брата, Василька Теробовльскаго. В ответ обвиняемый князь пытается обмануть Володаря, объясняя свое злодеяние страхом: «на Стѡполка нача извѣтъ имѣти . глѣ ци æ се створиль . [ци] ли в мое^м городѣ . æ са са^м боасель аще бѣша и мене сели . и створили такоже невола ми бѣло пристати в свѣтъ ходаче в руку»⁵.

Следует обратить внимание на контекст реакции *боаетиса/оубоаетиса* в анализируемых сообщениях о Владимире и Давыде. Волынский князь, оправдываясь в ослеплении Василька, «нача извѣтъ имѣти», а Владимир обращается к Блуду «съ лестью». Как установили А.С. Демин и А.А. Пауткин, упоминание о *лести* – важная деталь в характеристике персонажей летописи. *Лесть* является признаком отрицательного поведения и атрибутом «злодея»⁶ [Демин 2012, с. 110; Пауткин 2002, с. 164–165]. Значение этого слова вбирает в себя ряд близких друг другу понятий: обман, ложь, хитрость, коварство⁷. *Извѣтъ* – слово, семантически близкое *лести*: в анализируемом отрывке оно означает «обвинение; наговор»⁸. Таким образом, можно предположить, что в совокупности с указанием на обман эмотивы *боаетиса/оубоаетиса* характеризуют Владимира и Давыда как злодеев.

Сочетание упоминания о *лести* и страхе содержится и в характеристике Олега Святославича. Согласно летописному рассказу, он «с лестью»⁹ соглашается на мир с Мстиславом, но, вопреки этой договоренности, вероломно нападает на своего крестного сына в день его именин [Литвина, Успенский 2020, с. 159–161]. Летописец счел нужным упомянуть, что Олег «убоялся» во время сражения дважды, а также изобразить состояние ужаса, охватившее князя: «оузрѣ СОлегъ стагъ Володимеръ и оубоаса . оужась нападе на нь . и на вогъ юго»¹⁰, «оубоавьса побѣже (...) и вдолгъ

⁵ Там же. Стб. 267.

⁶ По словам А.А. Пауткина, «междоусобицы, открытая враждебность, приводившие к гибели противников, не делали князя злодеем. <...> Для этого нужны не просто жестокое противостояние или эгоистичность политики (таких фактов в летописи множество), а коварный заговор, борьба недостойными методами (“убити лестью”)» [Пауткин 2002, с. 164–165].

⁷ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М.: Русский язык, 1991. Т. 4. С. 449–450.

⁸ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М.: Русский язык, 1990. Т. 3. С. 489.

⁹ Лаврентьевская летопись... Стб. 238.

¹⁰ Там же. Стб. 239.

*Мстиславъ»*¹¹. Такое сообщение уникально для ПВЛ: древнерусские князья нередко бежали с поля боя, но еще ни о ком до этого книжник не писал, используя категорию страха. Кроме того, стоит обратить внимание на комментарий, который сопровождает рассказ о сражении Олега с Мстиславом: «но Бѣ вѣсть избавлати бл҃гочѣтвыае своаѣ ѿ лѣсти»¹². Эта несколько измененная цитата из Второго послания Петра («Вѣсть Гдѣ бл҃гочѣтвыаѣ ѿ напасти избавлати»¹³) имеет важное продолжение: «неправедники же въ днь судный мучимы бл҃юсти»¹⁴. Таким способом Олег характеризуется как грешник, которому воздастся на Страшном суде. Итак, образ черниговского князя имеет сразу несколько отрицательных характеристик, среди которых важное место занимают сообщения о страхе.

Упоминания о лести соотносятся не только с глаголами *боаетиса/оубоаетиса*. Летописец изображает переживания Давыда Игоревича перед тем, как тот захватил в плен Василька Тербовльского, описывая состояние ужаса и оцепенения волынского князя: «Дѣдъ же сѣдаше акы нѣмъ (...) а Дѣдъ с Василко^м сѣдоста. и нача Василко пѣти к Дѣдѣ . и не бѣ в Дѣдѣ гла^с ни послушанье . бѣ бо ужаслъса. и лѣсть имѣа въ срѣци»¹⁵. Важно и то, что князь не имеет видимых причин для своих переживаний. Можно сказать, так он сближается с грешниками, которые обращаются в бегство без повода и бегут, когда за ними никто не гонится¹⁶. Таким образом, ужас, *лѣсть* и отсутствие причин для эмоций характеризуют Давыда как злодея. Завершают портрет князя упоминания о его малодушии: «Дѣдъ нача поущати на вслѣпленье . аще ли сего не створишь а пустишь и . то ни тобѣ княжи[ти] ни мнѣ . Сѣполкъ же хоташе пустити и . но Дѣдъ не хоташе блюдиса юго»¹⁷.

Теперь обратимся к примерам, где в характеристике князей отсутствуют упоминания о *лести* и сообщается только о страхе героев. В 1116 г. Глеб Всеславич перестал подчиняться Владимиру

¹¹ Лаврентьевская летопись... Стб. 240.

¹² Там же. Стб. 239.

¹³ Острожская Библия. Острог, 1581. Л. 21 (2 Петр 2:9). Благодарим А.Г. Флорес за то, что обратила наше внимание на эту цитату.

¹⁴ Там же. Л. 21 (2 Петр 2:9).

¹⁵ Лаврентьевская летопись... Стб. 259.

¹⁶ Так, Святополк Окаянный после поражения в битве с Ярославом бежит, хотя «не бѣ никогоже вслѣдъ гонашаго»: злодей гоним «Бѣимъ гнѣвомъ» (Там же. Стб. 145). Подробнее о грешниках, бегущих без причины см.: [Данилевский 2019, с. 110–113].

¹⁷ Лаврентьевская летопись... Стб. 260.

Мономаху, за что тот осадил его город Минск. ПВЛ так описывает этот конфликт: «...и затвориса Глѣбъ въ градѣ Володимеръ же нача ставити истьбу . оу товара своего . противу граду . Глѣбови же оузрившю . *оужасеса срѣцмь и нача сѧ молити Глѣбъ Володимеру иша ѿ тебе послы*»¹⁸. На то, что Глеб характеризуется как грешник, помимо эмотива *оужасеса*, указывают дополнительные детали: он сжигает Слуцк «и не каешеться о семь . ни покарашеться . но болѣ противу Володимеру глаше оукараѧ и»¹⁹. Мономах же ведет себя с мятежным князем как праведник, «надѣася на Бѧ и на правду»²⁰, не хочет кровопролития во время Великого поста и заключает перемирие. Таким образом, выражение «оужасеса срѣцмь» может привносить в летописный конфликт дополнительные смыслы: обозначать Глеба как злодея и грешника.

Ярослав Владимирович – один из ключевых «положительных» образов ПВЛ. Однако летописец счел нужным упомянуть о страхе Ярослава перед отцом, и нам нужно разобраться, зачем книжник это сделал. В 1015 г. Ярослав перестает платить дань в Киев. Владимир хочет идти на сына с войском, на что, по словам летописца, «Ярославъ же пославъ за море . приведе Варягы боася ѿца своего»²¹. Отказ платить дань – это серьезный проступок, фактически означающий неподчинение Киеву и обособление от центра. На наш взгляд, специальное указание на страх Ярослава можно трактовать как укор своенравному князю от летописца.

Связь сообщений о страхе князей и их негативного поведения подтверждает еще один пример описания междоусобного конфликта – эпизод столкновения Ростислава Владимировича с его дядей Святославом: «Бѣжа Ростиславъ Тмутороканю снѣ Володимеръ внукъ Ярославль . Ростиславъ же ѿступи кромѣ изъ гра[да] *не оубоавьса юго . но не хота противу строеви своему вружъса взати*»²². Вся ситуация конструируется как такая, в которой герою было бы положено «убояться»: в ней есть угрожающий оппонент – дядя Ростислава Святослав, а действие, которое совершает тмутораканский князь, – бегство. Однако летописец считает нужным пояснить, что князь «ѿступи кромѣ изъ гра[да] *не оубоавьса юго*» (Святослава. – С. Б.). Истинная причина отступления – нежелание Ростислава сражаться с дядей: «не хота противу строеви своему

¹⁸ Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Л.: Тип. М.А. Александрова, 1908. Т. 2: Ипатьевская летопись. Стб. 283.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Лаврентьевская летопись... Стб. 130.

²² Там же. Стб. 163.

вружьѧ взати». Такое специальное проговаривание бесстрашия героя²³ может указывать на то, что летописец оценивал действия князя положительно: Ростислав подчиняется старшему родственнику и не хочет кровопролития.

Упоминание о страхе положительного героя встречается только в рассказе о замыслах злодея. По словам летописца, Олег Святославич, нарушив договоренность о перемирии, начинает наступление на Мстислава и «мнѧ ѿко [боѧ^с его]²⁴. Мстиславъ побѣгнетъ»²⁵. Однако эти планы не сбываются, а «оубоѧвьса побѣже» сам Олег. Мстислав, в свою очередь, как подчеркивает книжник, не хотел воевать с дядей и неоднократно предлагал перемирие.

Теперь проанализируем ситуации и лексемы, отличающиеся от уже рассмотренных. Согласно летописному рассказу, когда епископы обращаются к Владимиру Святославичу с просьбой казнить разбойников, «вн же ре^с имь боюса грѣха»²⁶. В Троице-Сергиевом сборнике конца XII – начала XIII в. эта мысль раскрывается полнее: «грѣха са бои оца моучению. ведоущаго та въ огнюноу рѣкоу»²⁷. Страх греха и посмертных мучений отличен по своей сути от эмоции, связанной с междоусобными конфликтами. Его можно назвать благим, поскольку он направляет Владимира к праведной жизни.

---

²³ Еще один бесстрашный герой ПВЛ – сын Ростислава, теребовльский князь Василько. Согласно рассказу летописца, Василько, находящийся в плену у Давыда и Святополка, ведет себя подчеркнуто отважно: «да бых в той сорочкѣ кровавѣ смерть прияль» (Там же. Стб. 261), «не боюса смрти» (Там же. Стб. 266). Его образ включает и ряд других значимых деталей. Василько уповает на Бога («надѣюся на Ба»: Там же. Стб. 265), даже когда отрок предупреждает его о грозящей опасности: «и помысливъ си прекрѣтиса рекъ . вола Гснѧ да буде^с» (Там же. Стб. 259). По словам А.А. Шайкина, такое предупреждение – это фольклорный мотив, который затем пришел в агиографию, а из нее – в летопись [Шайкин 2011, с. 212]. Василько ослепляет торчин – убийцей Глеба тоже становится торчин. Следовательно, мы можем сравнивать образ теребовльского князя с праведниками из маририев, бытовавших в Древней Руси. Изображение бесстрашия и храбрости героя – одно из оснований, на которых строится образ мученика в агиографии [Борисова 2021].

²⁴ «боѧ^с его» читается только Радзивилловском и Московско-академическом списках.

²⁵ Лаврентьевская летопись... Стб. 239.

²⁶ Там же. Стб. 127.

²⁷ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М.: Русский язык, 1988. Т. 1. С. 302.

Иным по смыслу на фоне проанализированных сообщений выглядит и описание реакции Владимира Мономаха на ослепление Василька: «Володимеръ же слышавъ аѡко аеть бы^с Василко и слѣплень оужасеса»²⁸. Князь оужасеса этому невероятному «злу», после чего «всплакавъ». Такая реакция с точки зрения концепта страха выглядит необычной. Чаще герои бегут, замирают, нападают, если речь идет об опасности, или падают ниц, если испытывают сакральный страх. Таким образом, здесь глаголом оужасеса описана другая эмоция. Понять ее смысл возможно, обратившись к данным старославянского языка: в X–XI вв. «оужасть – это изумление, трепет, испуг; чудо»; «оужась – потрясение, трепет, страх»; «оужаснжти са – изумиться, поразиться; испытать трепет, испугаться»²⁹. Таким образом, ужас Владимира следует понимать как шок и потрясение³⁰.

Функционирование глагола *не смѣти* не имеет в ПВЛ ярко выраженной смысловой специфики. В сообщениях о междоусобных конфликтах с помощью этой лексики характеризуется как отрицательный, так и положительный герой. Так, летописец рассказывает, что Давыд задумал захватить удел ослепленного им Василька, но столкнулся с войсками его брата Володаря: «и не смѣ Двѣ стати противу Василкову брату Володарю»³¹. После этого злодей Давыд бежал и затворился в Божеске.

Второй рассказ касается конфликта Ярослава Владимировича с его младшим братом Мстиславом. Ярослав потерпел поражение, но Мстислав решил не занимать Киев и, как пишет книжник, предложил разделить территорию на две части: «Сяди в своемъ Къиевѣ ты еси старѣишеи братъ . а мнѣ буди си сторона»³². После чего «не смаше Ярославъ ити в Къиевъ . дондеже смиристаса»³³. Он поставил в городе наместников и только на следующий год «совокупи воѡ многы . и приде Къиеву и створи миръ с братомъ своимъ . Мьстиславомъ <...> и начаста жити мирно . и в братолюбствѣ»³⁴. В данной ситуации, с точки зрения лествичной системы, правым оказывается Ярослав, однако по отношению к нему летописец использует лексику *не смѣти*.

²⁸ Лаврентьевская летопись... Стб. 262.

²⁹ Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М.: Русский язык, 1994. С. 730.

³⁰ Эмоции страха и удивления имеют общую биологическую основу, что, как видно, отразилось и в языке. Сильное удивление может перерасти в «изумленное оцепенение», сходное со страхом [Изард 2007, с. 57].

³¹ Лаврентьевская летопись... Стб. 252.

³² Там же. Стб. 149.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

Таким образом, в отличие от эмотивов *боаетисл/оубоаетисл* и слов с корнем «оужас-», мы не обнаружили дополнительных смыслов в употреблении глагола *не смѣти*. Возможно, это связано с тем, что эмотивность данной лексемы и, соответственно, ее связь с представлениями о страхе стоят под вопросом. *Не смѣти* означает «бояться, опасаться; иметь право что-либо сделать»³⁵. Однако Д.С. Лихачев в своем переводе ПВЛ предлагает иные варианты: «не решаться», «не осмеливаться», «не сметь» и «не посметь»³⁶. Не вполне понятно, действительно ли глагол *не смѣти* обозначает эмоцию.

Эта проблема видна особенно отчетливо, если обратиться к двум оставшимся эпизодам, связанным с образами князей. В указанных рассказах с помощью лексемы *не смѣти* описывается вооруженное противостояние. В одном случае – это Владимир Святославич и печенеги: «и ста Володимеръ на сеи сторонѣ . а Печенѣзи на внои . и не смаху си на вну страну . ни вни на сю страну»³⁷. В другом – Ярослав Владимирович и его брат Святополк: «Приде Ёрославъ и сташа противу . в поль Днѣпра . и не смаху ни си внѣхъ . ни вни сихъ начати»³⁸. Примечательно, что слово *не смѣти* характеризует обе стороны конфликта. Возникает вопрос: согласно логике летописного повествования, был ли страх причиной того, что противники не начинали битву? Отсутствие такого решения не обязательно может быть связано с интересующей нас эмоцией. В данном случае герои могли просто ждать благоприятного момента, чтобы начать сражение.

В ПВЛ есть еще одно любопытное свидетельство о связи страха и греха. В рассказе о битве на Альте сообщается, что Ярослав предрекает своему противнику, брату Святополку, Каинову участь: «Ёрославъ ста на мѣстѣ идеже оубиша Бориса . въздѣвъ руцѣ на нбо ре⁴ кровь брата моего вопеть к тобѣ Вл^чко . мсти ѿ крове праведнаго сего . ажеже мстиль яси крове Авелевы . положивъ на *Каинъ стенанье и трасенье*»³⁹. Нас интересует лексема *трасенье*, которая в анализируемом фрагменте означает «дрожь, содрогание»⁴⁰. Дрожь – один

³⁵ Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 2000. Вып. 25. С. 181–182.

³⁶ Повесть временных лет / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. СПб.: Наука, 2007. С. 192, 200, 203, 215, 219, 229, 241, 252.

³⁷ Лаврентьевская летопись... Стб. 122.

³⁸ Там же. Стб. 141.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., СПб.: Нестор-история, 2015. Вып. 30. С. 212.

из признаков страха⁴¹. Но имелась ли в виду эта эмоция в летописном отрывке?

Для ответа на этот вопрос следует обратиться к источнику рассматриваемого образа, который находится в Библии. После братоубийства Каин проклят Богом: «егда дѣлаеши землю, не приложи^f силы своа дати тебѣ, стена и *трасыса* будеши на земли»⁴². В Септуагинте фразе «стена и *трасыса*» соответствует выражение «*στένων καὶ τρέμων*»⁴³. Преваляющим в значениях слов «*τρόμος*, *τρομέω*» является компонент страха⁴⁴. Следовательно, в рассматриваемой системе образов Каин – Святополк речь идет именно об этой эмоции. Необъяснимая, потусторонняя дрожь преследует Святополка⁴⁵. Он бежит, никем не гонимый («не бѣ никогоже вслѣдъ гонящаго»⁴⁶), и гибнет в пустыне «межу Лахы и Чехы»⁴⁷.

В описаниях междоусобных конфликтов прослеживается четкая закономерность: отрицательный герой изображается боящимся

⁴¹ Синонимы глагола «бояться» – трепетать, дрожать, трястись (Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 60–61).

⁴² Острожская Библия. Л. 2об. (Быт. 4:12).

⁴³ Подробнее об истории этой фразы в греческом и еврейском текстах Библии см.: [Успенский 2000, с. 75].

⁴⁴ Τρομέω – 1. дрожать, трепетать. 2. бояться, страшиться (*Дворецкий И.Х.* Древнегреческо-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. Т. 2. С. 1649). Τρόμος – “trembling, quaking, quivering”. 1. from fear 2. from cold 3. of earthquakes. См.: *Liddell H.G., Scott R.* A Greek-English Lexicon. URL: http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.04.0057%3Aalphabetic+letter%3D*t%3Aentry+group%3D68%3Aentry%3Dtro%2Fmos1 (дата обращения 04.01.2021). Τρομέω – “tremble, quake, quiver, esp. from fear” (Ibid. URL: http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.04.0057%3Aalphabetic+letter%3D*t%3Aentry+group%3D68%3Aentry%3Dtro%2Fome%2Fw (дата обращения 04.01.2021)).

⁴⁵ Наказание страхом и гневом, подобное Каинову, будут получать и другие герои летописи. Так, князь Мстислав изгоняет от себя предателя – боярина Жирослава, «ажо же изгна Бѣ. Каина ѿ лица своего . рекы проклатъ ты . боуди стена и *трасыса* на земли . ажкоже раздвиже земля оуста своа прияти кровь брата твоего» (Ипатьевская летопись... Стб. 747). А выражение «трястись что Каин» впоследствии станет фразеологизмом, обозначающим страх [Калимуллина 2002, с. 187].

⁴⁶ Лаврентьевская летопись... Стб. 145.

⁴⁷ Подробный разбор развития системы образов этого летописного отрывка и их смыслов см.: [Данилевский 2019, с. 106–117].

своего противника. Можно сказать, что таким образом летописец дает оценку действиям персонажей⁴⁸. Для этого он использует лексемы *боаетиса/оубоаетиса*, слова с корнем «оужас-», глагол *блюстиса* и существительное *трасенье* (последние два слова встречаются по одному разу). Лишь в двух других ситуациях (боязнь греха и шок от совершенного другими героями злодеяния) употребление эмотивной лексики страха не характеризует князей отрицательно. Использование глагола *не смѣти* не связано с дополнительными смысловыми оттенками, возможно, потому что эта лексема не может быть однозначно отнесена к лексико-семантическому полю страха.

Прямые истоки проанализированных летописных образов обнаружить не удалось, однако само представление о том, что грешник испытывает страх, прослеживается в библейских источниках древнерусской книжной культуры. Например, в отрывке из Первого соборного послания апостола Иоанна говорится, что «Боѡи же са нѣ^с свершенъ в любви», «боѡзни нѣ^с в любви . но свершена любви вонъ измещеть боѡзнь»⁴⁹. Соответственно, недостаток веры и божественной любви у «боящегося» говорит о его греховности.

Упоминания о страхе в рассказах о князьях зачастую нужны не для того, чтобы изобразить переживания героев или вызвать эмоциональный отклик у читателя. Сообщения об этой эмоции в первую очередь играют символическую роль в летописном повествовании, расставляют акценты в нравственных портретах князей и являются важным элементом оценки, которую книжник дает тем, о ком он пишет. Упоминания о страхе становятся частью негативных характеристик героев и своеобразным «компасом», позволяющим читателю ориентироваться в пространстве смыслов «Повести временных лет».

---

⁴⁸ Кроме индивидуального, в ПВЛ говорится о групповом страхе. Такие упоминания тоже являются частью отрицательных характеристик персонажей. В летописи неоднократно сообщается о страхе врагов Руси – греков, торков, половцев (Лаврентьевская летопись... Стб. 30, 163, 278 и др.). О страхе древнерусских воинов в ПВЛ говорится всего два раза. В первом случае «Русь *оубоашаса зѡло* множества вои» в столкновении с Византией, но Святослав помог своему войску справиться с этим состоянием (Там же. Стб. 70). Преодоление страха – уже черта не грешника, а праведника. Например, в древнерусских переводных и оригинальных мартириях это важная характеристика святого [Борисова 2021]. Второй раз «оужась нападе» на воинов Олега Святославича (Лаврентьевская летопись... Стб. 239). Они участвуют в междоусобице, помогают грешнику и таким образом сами становятся грешниками.

⁴⁹ Лаврентьевская летопись... Стб. 203.

Литература

- Бабенко, Казарин 2003 – *Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В.* Лингвистический анализ художественного текста: теория и практика. М.: Флинта, Наука, 2003. 496 с.
- Борисова 2021 – *Борисова С.А.* «Съвьршеная любви вьнь измещеть страхъ»: как боялись древнерусские князья-мученики? // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 4. С. 50–64.
- Данилевский 2019 – *Данилевский И.Н.* Герменевтические основы изучения летописных текстов: Повесть временных лет. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2019. 448 с.
- Демин 2012 – *Демин А.С.* Изображение «зверскости» злодеев в древнерусской литературе // Развитие личности. 2012. № 4. С. 106–125.
- Изард 2007 – *Изард К.Э.* Психология эмоций. СПб.: Питер, 2007. 464 с.
- Калимуллина 2002 – *Калимуллина Л.А.* Эмотивы страха в русском литературном языке XVIII–XIX веков // Межкультурные коммуникации: Сб. науч. трудов / Отв. ред. А.А. Панова. Челябинск: Челябинский государственный ун-т, 2002. С. 183–193.
- Левина 1999 – *Левина О.А.* Репрезентация эмоциональных состояний персонажей в английском художественном тексте (языковые и когнитивные аспекты): Дис. ... канд. филол. наук. М.: Московский государственный лингвистический ун-т, 1999. 481 с.
- Литвина, Успенский 2020 – *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Династический мир домонгольской Руси. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2020. 430 с.
- Лихачев 1970 – *Лихачев Д.С.* Человек в литературе Древней Руси. М.: Наука, 1970. 178 с.
- Пауткин 2002 – *Пауткин А.А.* Беседы с летописцем: поэтика раннего русского летописания. М.: Изд-во МГУ, 2002. 286 с.
- Творогов 1984 – *Творогов О.В.* Лексический состав «Повести временных лет»: словоуказатели и частотный словарь. Киев: Наукова думка, 1984. 220 с.
- Успенский 2000 – *Успенский Б.А.* Борис и Глеб: восприятие истории в Древней Руси. М.: Языки русской культуры, 2000. 128 с.
- Шайкин 2011 – *Шайкин А.А.* Повесть временных лет: история и поэтика. М.: Русская панорама, 2011. 616 с.
- Шаховский 2008 – *Шаховский В.И.* Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
- Rosenwein 2008 – *Rosenwein B.H.* Emotion words // Le sujet des emotions au Moyen Age / Sous la direction de P. Nagy, D. Boquet. Paris: Beauchesne, 2008. P. 93–106.
- Rosenwein 2010 – *Rosenwein B.H.* Problems and methods in the history of emotions // Passions in context. 2010. No. 1. P. 1–32.

References

- Babenko, L.G. and Kazarin, Yu.V. (2003), *Lingvisticheskii analiz khudozhestvennogo teksta: teoriya i praktika* [Linguistic analysis of a literary text. Theory and practice], Flinta, Nauka, Moscow, Russia.
- Borisova, S.A. (2021), “ ‘Perfect love casts out fear’. How did Old Russian princes-martyrs fear?”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 4, pp. 50–64.
- Danilevskii, I.N. (2019), *Germenevicheskie osnovy izucheniya letopisnykh tekstov. Povest' vremennykh let* [Hermeneutical foundations of the study of chronicle texts. The Tale of Bygone Years], Izdatel'stvo Olega Abyshko, Saint Petersburg, Russia.
- Demin, A.S. (2012), “The depicting of the villains cruelty in Old Russian literature”, *Razvitie lichnosti*, no. 4, pp. 106–125.
- Izard, K.E. (2007), *Psikhologiya ehmitsii* [The psychology of emotions], Piter, Saint Petersburg, Russia.
- Kalimullina, L.A. (2002), “Emotives of fear in the Russian literary language of the 18th – 19th centuries”, in Panova, A.A. (ed.), *Mezhkul'turnye kommunikatsii: sbornik nauchnykh trudov* [Intercultural communication. Collection of scientific papers], Chelyabinskii gosudarstvennyi universitet, Chelyabinsk, Russia, pp. 183–193.
- Levina, O.A. (1999), *Representation of emotional states of characters in an English literary text (linguistic and cognitive aspects)*, Ph.D. Thesis (Philology), Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia.
- Likhachev, D.S. (1970), *Chelovek v literature Drevnei Rusi* [Man in the literature of Ancient Russia], Nauka, Moscow, Russia.
- Litvina, A.F. and Uspenskii, F.B. (2020), *Dinasticheskii mir domongol'skoi Rusi* [The dynastic world of Pre-Mongol Russia], Izdatel'stvo Olega Abyshko, Saint Petersburg, Russia.
- Pautkin, A.A. (2002), *Besedy s letopistsem: poehtika rannego russkogo letopisaniya* [The conversations with the chronicler. The poetics of the early Russian chronicle], Izdatel'stvo MGU, Moscow, Russia.
- Rosenwein, B.H. (2008), “Emotion words”, in Nagy, P. and Boquet, D. (ed.), *Le sujet des emotions au Moyen Age*, Beauchesne, Paris, France, pp. 93–106.
- Rosenwein, B.H. (2010), “Problems and methods in the history of emotions”, *Passions in context*, no. 1, pp. 1–32.
- Shaikin, A.A. (2011), *Povest' vremennykh let: istoriya i poehtika* [The Tale of Bygone Years. History and poetics], Russkaya panorama, Moscow, Russia.
- Shakhovskii, V.I. (2008), *Lingvisticheskaya teoriya ehmitsii* [Linguistic theory of emotions], Gnozis, Moscow, Russia.
- Tvorogov, O.V. (1984), *Leksicheskii sostav “Povesti vremennykh let”: slovoukazateli i chastotnyi slovník* [The lexical structure of “The Tale of Bygone Years”. Word pointers and frequency dictionary], Naukova dumka, Kyiv, USSR.
- Uspenskii, B.A. (2000), *Boris i Gleb: vospriyatie istorii v Drevnei Rusi* [Boris and Gleb. Perception of history in Ancient Russia], Yazyki russkoi kul'tury, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Светлана А. Борисова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; sa-borisowa@yandex.ru

Information about the author

Svetlana A. Borisova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; sa-borisowa@yandex.ru

Строительство и благоустройство городов
в культурной политике
правительства Анны Иоанновны

Ирина М. Чирскова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, im-chir@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена одному из аспектов культурной политики правительства Анны Иоанновны – строительству, благоустройству, совершенствованию инфраструктуры русских городов. Рассматриваются законодательная документация, посвященная разным аспектам этой проблематики: починке строений, отделке берегов рек, освещению улиц и проч. Помимо каменного и деревянного строительства, сооружения гидротехнических объектов, в сфере внимания автора оказываются и более частные правительственные распоряжения, касавшиеся «мер и ширины улиц», покрытия каменных домов железом и черепицей и т. д. Большинство законодательных документов 1730–1740-х гг. посвящены столицам, особенно Санкт-Петербургу. «Старая столица», Москва отстраивалась не столь активно, как Петербург, но и здесь велись работы по упорядочению и планированию застройки, проводились мероприятия по благоустройству, вводились новые для своего времени способы освещения и т. п. Власть не обходила вниманием и провинцию. На окраинах появлялись новые городки, которые выполняли функции не только крепостей, но и становились центрами взаимодействия с местным населением. Стремясь максимально сократить затраты казны, правительство перекладывало часть расходов на жителей, которые включались в административную и хозяйственную жизнь городов.

Ключевые слова: город, строительство, благоустройство, обыватели, фонари, план

Для цитирования: Чирскова И.М. Строительство и благоустройство городов в культурной политике правительства Анны Иоанновны // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 2. С. 76–90. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-2-76-90

Building and accomplishment of cities in the cultural policy of the government of Anna Ioannovna

Irina M. Chirskova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
im-chir@yandex.ru*

Abstract. The article is devoted to one of the aspects of the cultural policy of the government of Anna Ioannovna – the construction and accomplishment of the infrastructure of Russian cities. The author examines the legislative documentation devoted to various aspects of the issue, such as repair of buildings, decoration of river banks, street lighting, the construction of hydraulic engineering facilities and so on. In addition to stone and wooden construction, the construction of hydrotechnical facilities, the author also focuses on more private government orders, concerning “the measure and width of streets”, covering stone houses with iron and tiles, etc. Most of the legislative documents of the 1730s–1740s are devoted to the capitals, especially St. Petersburg. The “old capital”, Moscow was not being rebuilt as actively as St. Petersburg, but a lot of work was also carried out here (new lighting methods were introduced etc.) The authorities did not ignore the province. New towns appeared on the outskirts – they served not only as fortresses, but also became centers of interaction with the local population. In an effort to minimize the expenses of the treasury, the government shifted part of the costs to residents who were being included in the administrative and economic life of cities.

Keywords: city, building, accomplishment, improvement of public services, inhabitants, lanterns, plan

For citation: Chirskova, I.M. (2022), “Building and accomplishment of cities in the cultural policy of the government of Anna Ioannovna”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 2, pp. 76–90, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-2-76-90

Строительство, благоустройство, совершенствование инфраструктуры, безопасность городов занимали значительное место в законодательстве Анны Иоанновны. Прежде всего это касалось столиц.

Несмотря на то что старая столица строилась не так активно, как Петербург, но и здесь велись работы по упорядочению и планированию застройки, проводились мероприятия по благоустройству, вводились новые для своего времени способы освещения и проч.

В ноябре 1730 г. Сенат приказал Полицмейстерской канцелярии «смотреть накрепко», чтобы с 25 декабря «на Москве» «по большим улицам для зимних ночей» «поставить на столбах фонари стеклянные на расстоянии «10 сажен, все в одну меру линейно». «Для содержания в тех фонарях огня» и починки их передавали «обывателям». Вместо свечей предписали использовать «масло конопляное с фитилем», зажигать же фонари следовало по приказу императорского двора в полицию. Для этого «мастерства» от полиции определялись 10 человек «фурманщиков»¹, которые были распределены «к смотрению по улицам». Огонь должен был гореть «до полуночи». До изготовления столбов и фонарей жившие по большим улицам люди по приказу двора должны были «в окнах» ставить и зажигать свечи. При отсутствии на улице обывательского жилья фонари должны были зажигать на столбах. Полиция обязывалась наблюдать, чтобы «в окнах свечи ставлены были, смотря по окнам» по три и по четыре, а «в малых по две». Фонари предписывались «слюдяные или стеклянные», «а паюсных² и холстинных» их не применять, и «гореть тем свечам до окончания полуночи»³.

В марте 1731 г. именным указом было повелено «всей Москве большим и малым улицам сделать аккуратно план», которого не было, и дома строились «непорядочно». Деревянного же «строения никому не делать, а у кого зачато, тем о достройке онаго требовать указа» от Сената⁴. Эти мероприятия были направлены на окончательное прекращение хаотичной застройки города, а максимальное сокращение деревянных строений должно было уменьшить вероятность «пожарных случаев».

Видимо, проблема московского освещения оставалась актуальной в течение ряда лет. Так, в 1732 г. повторилось повеление об установке фонарей в зимние ночи и выделении сумм на содержание поставленных «против Государевых мест фонарей». Московский генерал-губернатор Г.П. Чернышев докладывал об установке фонарей «против обывательских ворот, и крылец, и под кровлями». Предлагал он поставить фонари и «за Земляным городом, где

---

¹ Представитель от города или нанятый городом человек, у которого есть большая телега или повозка для клади.

² Видимо, фонарь, обтянутый рыбьим пузырем или рыбьей пленкой.

³ Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 г. СПб.: печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. (Далее – ПСЗ). I. Т. VIII. № 5650 от 27 ноября 1730 г.

⁴ Там же. № 5714 от 14 марта 1731 г.

бывает знатный проезд» (в Тверской-Ямской за Яузой, в Воронцовской слободе), «чтоб ездить к Новоспасскому монастырю», за Серпуховскими и Калужскими воротами – к «Донскому монастырю», за Красными воротами, селом Покровским до Яузского моста и в Мещанской. Подчеркивал губернатор, что при установеке фонарей по «помянутому расстоянию» без «приделки из казны, и без тягости обывателям исправиться будет возможно». Следить за фонарями и «зажжением масла» должны были «обыватели по расчислению». Сенат приказал в Белом городе и Немецкой слободе фонари ставить «от пятнадцати до двадцати пяти сажень», в других местах – «по мнению Генерал-Губернатора». Надзор за столбами «против обывательских дворов» и зажжение «в фонарях огня» передавались под ответственность жителей. Фонари же против «государственных мест» содержались по-прежнему «из неокладных доходов Московской Губернии»⁵. Так достигалась и столь необходимая экономия государственных средств, повышалась и заинтересованность обывателей в улучшении состояния улиц, на которых они проживали.

В Москве и уезде планировались строение и починка «плоучих и сухопутных мостов и мельниц». «Лесные припасы» приказали покупать в Плесе, работникам не переплачивать, привлекать «добрых людей, кого пристойно, и сколько где человек надлежит» «без излишества ж», вести строгий учет, а сметы подавать в Сенат⁶. Особого внимания требовали починка и строительство мостов возле монастырей. В июне 1733 г. завязалась переписка по челобитным Никитского, Варсанофиевского и «Зачатейского» монастырей, чтобы «против тех монастырей каменные мосты по необходимой нужде наместить». Игуменьи просили сделать это «из казенных денег», так как у Никитского и Варсанофиевского монастырей «вотчин и никаких доходов» не было, а у «Зачатейского» «за убожеством» была только деревня из 30 дворов. Сенат приказал против монастырей, «за которыми деревень и никаких доходов, кроме жалованья, не имеется», мосты строить и чинить «из казенных денег». А «Зачатейскому» монастырю «строить самому», так как у него была деревня с крестьянами. Земельные же работы предписали выполнять так, чтобы монастырю впредь не было ни малого повреждения⁷. Заботясь о строении и благоустройстве, правительство во главу угла неизменно ставило проблему экономии государственных средств.

---

⁵ Там же. № 6162 от 23 августа 1732 г.

⁶ Там же. Т. IX. № 6422 от 29 мая 1733 г.

⁷ Там же. № 6439 от 14 июня 1733 г.

Главные мероприятия по планировке, строительству, благоустройству и починке проводились в Петербурге. Именно первой столице посвящены многочисленные именные и сенатские указы, касавшиеся застройки «пустующих мест», стимулировавшие заселение, содержание домов «в исправности», отделку берегов водных артерий города, предлагавшие противопожарные мероприятия и пр.

В апреле 1730 г. сенатский указ предписал, чтобы в Петербурге были укреплены берега «Невы реки и Мьи⁸ речки». Выявить «против чьих дворов» берега не укреплены и «мостов не намащено», составить смету, особенно на те места, где «самая нужда состоит», и подать ее в Сенат. Продолжать давать квартиры в Петербурге генералитету, штаб- и обер-офицерам, а имевшим «собственные свои дворы, тем квартир не давать». Речку Мью следовало очистить от засоров, чтобы был свободный проход судам, а «чистить каторжными невольники и колодниками, когда сколько возможность допустит». И отсылать их по требованию полиции «без медления» и давать им «кормовые деньги, как преж всего при таких работах было давано». Указом приказали публиковать, чтобы на речку «впредь сору и помёту не возили и не бросали», за чем должна была смотреть полиция. «Подъемные мосты и каналы», находившиеся в ведении Канцелярии от строений, было предписано по-прежнему «ведать и починкою содержать»⁹.

В Петербурге появились триумфальные ворота для въезда императрицы после коронации¹⁰.

Обыватели обязывались содержать свои дома «в исправности», «без дальняго впредь себе убытка». Если хозяев в Петербурге не было, они должны были «писать к людям своим, или кому те их дома приказаны», чтобы «исправляли без всякого замедления», и людей, «в тех домах имели в надлежащем довольстве», дабы «дома не пришли в вешнее разорение». «В набережной линии, следующей от дворца», дома и пристани должны были быть «починены и что надлежит вновь сделаны» к лету 1732 г. «без всяких отговорок», о чем приказали объявить «тех домов господам» или «служителям их» с подписками¹¹.

Законы говорили об «исправлении» строений в Петербурге, «отделании берегов» силами тех, «коим были разданы места». Летом 1732 г. правительство вновь озаботилось застройкой в Петербурге

⁸ Мья (*устар.*) – река Мойка.

⁹ ПСЗ I. Т. VIII. № 5539 от 20 апреля 1730 г.

¹⁰ Там же. № 5862 от 26 октября 1731 г.

¹¹ Там же. № 5956 от 11 февраля 1732 г.

мест, выданных под строительство. Сроки не соблюдались. Указ свидетельствовал, что «многие еще и строить ничего не начинали, и данные места лежат пусты, и берега не отделаны». В очередной раз обязали владельцев, «где бы они ни были», на «данных им местах» каменное или, «где надлежит деревянное строение» построить «без всякого продолжения». Те, кому «ниже Адмиралтейства по берегу Невы реки разданы места», обязывались «против своего места берег» отделать уже в 1732 г. «неотменно». Было приказано «собрать в Сенат ведомости», указ объявить «с запискою, и велеть подписаться с подтверждением» и дома строить «немедленно»¹².

В 1733 г. правительство распорядилось казенные здания строить и «исправлять в нужных, а потом и в прочих местах каторжными и наемными людьми». Издержки на материалы и выдачу «работным людям денег», «учиня смету», потребовали подать в Сенат. Особо отмечалась необходимость заботы о строениях, находившихся против домов императрицы. Предписывалось, «что надлежит починить и вновь построить». По линии «назначенные вновь от артиллерии» потребовали «мосты чинить и вновь строить» против дворов «обывателям самим»; «против пустых мест до заселения» «мостов из казны не строить». «Для стока воды» приказали «вырыть рвы» и из них «песок выносить на средину каторжными», видимо для того, чтобы сделать что-то подобное дороге, чтобы перемещаться на этом промежутке пространства¹³.

Для благоустройства Петербурга большое значение имела осушка болот. Так, в ноябре 1733 г. Б.Х. Миних представил свои соображения по осушке болот по Лиговскому каналу. Опытный царедворец указал, что по обе стороны канала «даже до Невского монастыря великия болота имеются», которые «бесплодны», но могут «малым трудом и работою высушены и плодоносны учинены быть могут». Правитель Петербурга подчеркивал, что на этом месте «много хороших садов, лугов, скотопаства и пашни для народной пользы в малые лета сделать будет можно». Вместо мостов, починка которых требовала денег, автор доклада предлагал сделать песчаную дорогу, на которую средств будет тратиться гораздо меньше. Ссылаясь на пользу проекта, Миних указал, что люди, «увидя из оною пользу», смогут понять, как «бесплодыя болота плодородною и хорошею землею делать». Работы предлагалось проводить зимою, что способствовало бы тому, чтобы «бедные люди в зимнее время пропитание получать» могли. Б.Х. Миних приводил и важнейший аргумент, что, если около резиденции императрицы «болота ума-

¹² Там же. № 6091 от 10 июня 1731 г.

¹³ Там же. Т. IX. № 6401 от 12 мая 1733 г.

лить и от того бы нездоровые пары миновались, а чистой и здоровой воздух учинен быть мог». При этом правитель города обещал болота «своим собственным иждивением высушить и оные плодородною землею учинить». Практичный немец перечислил необходимые условия для реализации своего проекта. Прежде всего земли, по его мнению, должны «показаны и отмежеваны», чтобы на них никто не мог претендовать. Он просил «предприятелю сего дела», то есть ему, отдать болота на шесть лет «без всяких поборов и налогов». По прошествии этого времени (отсчет шел с 1 января 1734 г.) десятая часть была оставлена «вечно» Миниху и его наследникам, и он мог бы землю «в наймы отдавать, продавать» и пр. Эта десятая часть от «всяких податей, яко квадратных денег и прочаго увоljena была». Также Б.Х. Миних просил «сосновые и еловые и прочия деревья» рубить «на каналы и на мосты», на «городьбу садов и лугов» употреблять. В качестве удобрения болот он просил разрешить брать лошадиный навоз «от Конной Гвардии и Артиллерии». Видимо, для оперативности работ Б.Х. Миних просил, чтобы «вольным людям и крестьянам» позволили «в окружных слободах квартиры иметь». «Для надзирания» за работами фельдмаршал предлагал определить двух кондукторов, двух унтер-офицеров и капрала, ему же – выдать аванс из «пошлинной суммы Ладожского канала 4000 рублей». Деньги в течение 1735–1736 гг. предлагал вычестить из его жалования и в «канальную казну возвратить». Императрица изъявила свое согласие на предложения Б.Х. Миниха и предложила, «учиня верный план с изъяснением», подать ей для апробации¹⁴.

Одним из главных гидротехнических сооружений аннинского царствования несомненно являлся Ладожский канал, управление строительством которого было поручено Б.Х. Миниху еще Петром I. Б.Х. Миних постоянно заботился о состоянии канала. Его сын вспоминал, что в 1728 г. отец «отправлял должность главнокомандующего в Санкт-Петербурге, а летом жил он большею частию при Ладожском канале и продолжал сию работу с крайним рачением». За это в 1731 г. ему был пожалован орден Св. Андрея. Эрнст Миних постоянно упоминал, что отец был «обременен до чрезвычайности» делами, будучи президентом военной коллегии, управлял «всею сухопутною силою», заседал в Кабинете, был инженерного корпуса «главный начальник и над всеми крепостями главный надзиратель», учредил Кадетский корпус, кирасирские полки и по-прежнему смотрел за Ладожским каналом, а также, что полиция в Петербурге «и в других городах состояла в его ведении». Он пользовался огромным доверием, и, по свидетельству сына,

¹⁴ ПСЗ I. Т. IX. № 6509 от 19 ноября 1733 г.

«ни единое дело мимо его рук не проходило»¹⁵. Заботясь о канале, Б.Х. Миних доносил властям о необходимости очистки дров и леса, сплаваемых по каналу. В ответ на его донесение было предписано в Петербурге «от Главной Полицмейстерской канцелярии публиковать», чтоб «всякого чина люди, которые леса и дрова в плотах поведут Ладожским каналом, с тех корку очищали, дабы тем канал не засаривался»¹⁶.

Подчеркивалась необходимость укрепления берегов петербургских рек и их очистки. Эту работу должна была выполнять Полицмейстерская канцелярия. Так, в 1736 г. Полицейской канцелярии поручалось «чищение речки Мьи и укрепление берегов» и «смотрение иметь», чтобы работа была проведена «без дальняго отлагательства и без излишняго казенного убытка». Приказали в Сенат подать «доношение с мнением» и «крепкое» «смотрение иметь», чтобы работа «без продолжения окончена быть могла»¹⁷.

Особой заботы продолжал требовать Ладожский канал. Б.Х. Миних в очередной раз докладывал, «что канал починкою содержать можно одною собираемою с судов и платов и с кабаков суммою». Но следует берега «диким камнем» «так укрепить, что вечно нерушимы будет». Фельдмаршал подчеркивал, что это «важное и нужное Государственное дело». Канал «в добром состоянии» содержать «к вечной Государственной пользе». Резолюция к указу гласила, что следует «зачать помалу обделывать камнем», но «на время укреплять деревом». В очередной раз подчеркивалась необходимость строгой экономии, чтобы в материалах и деньгах «ни малейшей передачи быть не могло», что в Сенат подтверждалось указом, а Миниху предписывалось «самому иметь крепкое смотрение» за всеми делами¹⁸.

Петербург активно застраивался в течение 1730-х гг. Постоянно появлялись документы о разрешении на строительство, об отводе мест под постройку определенных объектов, о строительстве каменных зданий, мощении улиц и проч. Так, в 1733 г. артиллерийским офицерам было разрешено строить дворы на Московской стороне. А уточнение «каким рангом, в каких линиях, и каменное строение, или деревянное строение делать надлежит» должно было

---

¹⁵ Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720–1760-е годы) / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. Е. Анисимова. Л.: Художественная литература, 1991. С. 39–40, 44, 87–89, 102, 108.

¹⁶ ПСЗ I. Т. IX. № 6688 от 7 февраля 1735 г.

¹⁷ Там же. № 6921 от 15 марта 1736 г.

¹⁸ Там же. Т. X. № 7223 от 12 апреля 1737 г.

быть определено по согласованию Канцелярии от Артиллерии и Фортификации с Полицмейстерской канцелярией. Их «общее мнение, и тому строению рисунки» должны были быть представлены высшим властям¹⁹.

В 1735 г. по «челобитью» петербургского купечества Анна Иоанновна указала «под строение Гостиного двора отвести земли», а Сенат приказал «купеческие лавки оставить на прежнем месте»²⁰.

В мае 1736 г. приказали напротив каменного Мытного двора, где были «наугольные обывательские деревянные домы», в течение лета «строить каменное строение». Делать это потребовали по опробованному чертежу²¹.

Тогда же на Адмиралтейском острове «из набережной линии» по Неве «из дворов, в которых имеется деревянное строение вынести вон от сего времени в 4 года, а вместо того, кому что потребно, строить каменное». Полиция должна была об этом «объявить обывателям с подпискою»²².

В 1737 г. архитектор Д. Трезини доносил о необходимых преобразованиях на Васильевском острове. Комитет министров согласился с необходимостью «в строении на Васильевском острове или в сделании по линии по обе стороны каменных мостов». Однако высказал затруднение против «порозжих мест на строение мостов, откуда денег взять». Было поручено Полицмейстерской канцелярии, «изыскав способы, представить со мнением на утверждение высшей власти»²³.

В июле 1737 г. «для основательного определения обо всем строении в Петербурге», «на всех островах, как об обывательском, так и о казенном» строении, кроме дворцов, учреждалась Комиссия от Строений под «надзиранием» императорского Кабинета. В нее входили барон Б.Х. фон Миних, сенаторы граф М. Головин, А.Л. Нарышкин, генерал-майор П.В. Измайлов, комиссар Ф.И. Саймонов, от артиллерии И. Унковский, архитектор Петр Еропкин, от фортификации майор Рух. Комиссия должна была начать с определения «в больших, средних и меньших домах какому быть строению, как по улицам, так и во дворах». Учитывались и противопожарные меры – необходимость следить за печами и трубами. Для каждого строения составлялся «особливой, твердой план и чертеж, дабы всяк впредь потому надежно строить и посту-

¹⁹ ПСЗ I. Т. IX. № 6308 от 11 января 1733 г.

²⁰ Там же. № 6815 от 30 сентября 1735 г.

²¹ Там же. № 6980 от 28 мая 1736 г.

²² Там же. № 6990 от 20 июня 1736 г.

²³ Там же. Т. X. № 7246 от 10 мая 1737 г.

пать мог». В них учитывались размеры строений, расстояния между ними, определялось, «где публично площадям быть». Делалось все, что могло «к лучшему, порядочному и безопасному строению служить». Комиссия должна была составить инструкцию для полиции, «по которой бы она впредь поступать имела». Из всех присутственных мест, «как возможно скорее», потребовали «ведомости и дела», могущие касаться Комиссии. Все материалы должны были быть представлены в императорский Кабинет²⁴.

Тогда же была дополнительно подтверждена необходимость совместных действий в Петербурге Комиссии от строений, полиции и генерал-лейтенанта Н.Ф. Головина²⁵, ведавшего строительством на Адмиралтейском острове. Поскольку были случаи сломки и нового строительства без согласования с Комиссией, предписывалась именно совместная работа во избежание «разных определений» и даже «конфузий», из-за чего в полезных делах могла «остановка приключиться». Поэтому повелели, чтобы столь важное дело «в одном месте исправлено было»²⁶. Через несколько дней полиции было предписано только совместно с Комиссией решать вопрос об «отводе мест» и строительстве, «дабы вместо лучшего порядка не сделалось наивящей конфузии и обывателям напрасного разорения»²⁷.

В октябре того же 1737 г. Комиссии о Строении было предоставлено право «собою точное определение чинить» «о постройке казенных зданий в Петербурге»²⁸, а императорский Кабинет разрешил Комиссии «самой учреждать порядок строения домов», не прося от Кабинета «повелительных указов»²⁹.

Специальные распоряжения касались «меры и ширины улиц», правил «строения зданий» в Петербурге, покрытия каменных домов железом и черепицей. Поводом к появлению указа о расширении улиц стали пожары в городе. Законодатели писали о том, что в городе все «застроено столь часто», что не только проезд, но и проход «был не без нужды». Все это создавало «не свободный покой обывателям», был «несвежий воздух от тесноты». Способствовало сие и пожарам, поэтому «для пространства и красоты города»,

---

²⁴ Там же. № 7323 от 10 июля 1737 г.

²⁵ Головин Николай Федорович (1695–1745). См.: Руководители Санкт-Петербурга / Под ред. А.Л. Бауман. СПб.: Издательский дом «Нева»; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С. 21–23.

²⁶ ПСЗ I. Т. X. № 7340 от 1 августа 1737 г.

²⁷ Там же. № 7348 от 16 августа 1737 г.

²⁸ Там же. № 7401 от 13 октября 1737 г.

²⁹ Там же. № 7412 от 23 октября 1737 г.

«пользы обывателей» предписали улицы и переулки сделать шире, а обывательские «дворы пространством прибавить». К документу прилагалась роспись по улицам³⁰.

Летом 1737 г. Анна Иоанновна приказала лейб-гвардии генерал-поручику от Бомбардир фон Зихейму «учинить верный план» всему Петербургу. Для этого должны были быть привлечены из Адмиралтейской Академии все учителя, мастера и подмастерья, а также ученики, «скольким будет необходимо», в его распоряжение передавались и «наличные астрелябиумы». Все они поступали в распоряжение фон Зихейма, а по окончании работ должны были вернуться в Адмиралтейство³¹.

Те же причины вызвали распоряжение «в Санктпетербурге все каменные дома покрывать железом и черепицею», а около палат «гзымзы³² и балконы делать из кирпича или камня, а деревянными не делать, и кровлям деревянным не быть». Уже имевшиеся повелели «перестроить» летом 1738 г.³³ Именно тогда вопрос был поднят вновь. Власти предписали «по набережной большой Невы реки и по задней линиям» («от двора князя Волоского до нового Зимнего Дома, по Немецкой улице»), «все палаты и службы» повелели «крыть черепицею, или железом; а балконы и гзымзы переделать, чтоб все были каменные» с «поспешанием» «летом неотложно», а Главной Полиции за исполнением «накрепко смотреть»³⁴.

Видимо, строительство дома в Петербурге обходилось недешево. Поэтому правительство разрешило «бедным дворянам» продавать данные им в Петербурге «для отстройки дворы»³⁵.

Уже в 1738 г. последовала целая серия указов, появившихся по докладу «Комиссии о С.-Петербургском строении». Так, в апреле рассматривался вопрос об отведении в разных частях города «мест под казенные и другие строения, под улицы, переулки, луга и эленги»³⁶. Решался вопрос о каналах, мостовых и пристанях, устройстве различных публичных зданий, гостиных, торговых дворов, трактира, аптеки, «анбаров» и проч.³⁷

³⁰ ПСЗ I. Т. IX. № 7061 от 18 сентября 1736 г.

³¹ Там же. Т. X. № 7322 от 9 июля 1737 г.

³² Гзымз (устар.) – карниз.

³³ ПСЗ I. Т. X. № 7540 от 16 марта 1738 г.

³⁴ Там же. № 7607 от 23 июня 1738 г.

³⁵ Там же. Т. IX. № 6463 от 9 августа 1733 г.

³⁶ Эллинг – помещение для строительства и ремонта судов. В 1740 г. билетов в Комиссию было «не дано».

³⁷ ПСЗ I. Т. X. № 7563 от 20 апреля 1738 г.

Тогда же были утверждены правила, долженствовавшие соблюдаться при строении в Петербурге домов, казарм, съезжих дворов, питейных заведений, торговых бань и проч.³⁸

В октябре 1738 г. императрица объявила Сенату, что берега Невы, Мойки, Фонтанки и других рек по ее указам должны были укреплять «сваями из собственного своего имени и содержать» сами обыватели. Полиция же должна была за этим следить. Однако речка Мойка оказалась «так засорена, что и судовой ход был пресечен». Ее вычистили «казенным коштом», на что было «издержано денег близ 30 000 рублей», «некоторую часть» которых предполагалось «со временем с обывателей собрать, которые по той речке свои дома имеют» по пропорции. Против казенных же строений это предполагалось делать «на казенный счет». В связи с чем императрица приказала объявить обывателям, чтобы с момента указа они «берега той речки починкою содержали, и улицы камнем мостили от своего иждивения, не требуя впредь из казны вспоможения». На том же основании, «как о набережных домах при большой реке Неве определено»³⁹.

В мае того же года были выделены места «под деревянное строение на Васильевском и Санктпетербургом островах и на Выборгской стороне». В 1739 г. определили порядок отстройки Охтинской слободы⁴⁰. Между Фонтанкой и Мойкой обустроивались «Переведенская и Новая» слободы по «именному изустному» распоряжению императрицы «ветхие дворы в Переведенских слободах назначены от утеснения в сломку» как «опасные от пожарного случая». Здесь места под застройку по-прежнему выделялись адмиралтейским и морским служителям, остальные получали участки в Новой слободе⁴¹. На Выборгской стороне, по согласованию с Комиссией, определялось, сколько «у Гошпиталей подлежит какого строения пристроить». Ветхие же деревянные амбары на Малой Невке предлагали сдавать «из умеренного найма», а при обветшании «сломать» и разрешить строить новые. Вместо канала предлагалось «сделать улицу и площадь харчевую»⁴².

В Петербурге продолжалась раздача «порожных мест под дворы», обязательно «с добрым порядком, заселяя прежде по знатым улицам и в пристойных местах». Полиция обязывалась «иметь крайнее смотрение, дабы как в строении, так и в раздаче

---

³⁸ Там же. № 7564 от 20 апреля 1738 г.

³⁹ Там же. № 7680 от 31 октября 1738 г.

⁴⁰ Там же. № 7572 от 2 мая 1738 г.; № 7796 от 2 мая 1739 г.

⁴¹ Там же. № 7873 от 2 августа 1739 г.

⁴² Там же. № 7874 от 20 августа 1739 г.

мест исполнено было по силе» указов, «где какому строению быть определено». Обустроивалась и «Московская часть», получали «наименования» улицы и площади⁴³. Между Фонтанкой и Мойкой застройка велась также по плану, соблюдались противопожарные предосторожности. Анна Иоанновна, благодаря своей привязанности к И.Э. Бирону, полюбила верховую езду и заботилась о лошадях. Она распорядилась «для близости и опасности конюшённому двору» рядом «никакому строению не быть, а обсадить оное [пространство] деревьями». Реформаторскую французскую деревянную «кирку» «впредь по обветшании оной для лучшего предохранения от пожарного случая», предписали «поставить им каменную»⁴⁴.

Для одного из элитных полков, Измайловского, императрица повелела «вместо казарм, построить слободы». Строительство следовало «начать со всяким поспешанием» «за Фонтанкою, позади обывательских дворов», в местах «к возке лесов и ради воды» удобных⁴⁵.

Рабочие руки в столице очень ценились. Императрица укоряла работных людей, которые нанимались «за дорогую плату» «для легкостей в работах» продавать «по улицам лимоны и померанцы и другие такие, також и садовые овощи и съестные и прочие тому подобные припасы». Взрослым мужчинам было запрещено заниматься легким трудом, дозволялось это только «женщинам и мальчикам». Кто «пойманы будут, таким учиня наказанье кошками и освобождая, отослать к работам», нужным городу⁴⁶.

В 1740 г. «Архитекторам, кондукторам и Архитектурным и Инженерным ученикам для свободного через реки перевозу» по поручению Комиссии «для исправления по их должностям дел» давать от Комиссии «вместо билетов» наличные деньги. Поскольку в 1740 г. билетов в Комиссию было «не дано», а многие «жительства имеют на разных островах и почасту», от Комиссии «посылаются для освидетельствования и измерения потребных мест и снятия оных планов же на все острова». Чтобы им «от платежа повсядневно за перевоз денег, не принять убытков», Архитекторам и кондукторам выдавать по 3 руб., а ученикам – по 2⁴⁷.

Благоустроивалась и империя в целом. По ходатайству купечества Тулы, Ярославля и «Гжатской пристани» правительство раз-

⁴³ ПСЗ I. Т. X. № 7875 от 20 августа 1739 г.

⁴⁴ Там же. № 7969 от 12 декабря 1739 г.

⁴⁵ Там же. Т. XI. № 8092 от 2 мая 1740 г.

⁴⁶ Там же. Т. X. 7825 от 30 мая 1739 г.

⁴⁷ Там же. Т. XI. № 8146 от 23 июня 1740 г.

решило строить в городах «для содержания постоя особые дворы», чтобы военные не размещались в жилых покоях хозяев⁴⁸.

По представлению провинциальной канцелярии Уфы «для опасности от пожарного случая» «особливо для старых дел на архиву» во всех губерниях и провинциях «и в приписных знатных городах» создавались специальные помещения со «сводами и каменными полами, для хранения старых дел и денежной казны». Они строились «от деревянного строения не в близости» «с затворы и двери и решетки железными». Приказали «к тем строениям определить из офицеров или из дворян, которому верят», а местным властям смотреть, «дабы то строение было сделано» и казне «без излишества». Это были первые местные архивы и банки⁴⁹. В этой связи следует отметить, что именно при Анне Иоанновне в январе 1733 г., в связи с обвинением князей Мещерских в ростовщичестве, в России были заложены основы банковского дела.

По предложению Б.Х. Миниха из «Малой России» были отправлены «для починки» укреплений Украинской линии 15 000 человек, «чтоб оную от набегов в безопасности содержать». Во время Русско-турецкой войны особенно опасались «набегов турецких». Предлагалось «учредить крепкие форпосты» и поставить «маяки», «дабы в случае неприятельского подъезда их «зажечь» и уведомить пограничных обывателей, чтобы «каждый на свой пост прибыл и к своей обороне и отпору в готовности был»⁵⁰.

Тайный советник В.Н. Татищев докладывал о необходимости укрепления «по Яику» «для пресечения бунтов от Башкирских набегов на Русския жилища Киргиз-Кайсаков, и сим с Калмыками и беспокойства в России чинить». Он констатировал, что «от Яицкаго Гурьева городка имеется великое разстояние пусто, и для воровства Калмыкам и Кайсакам препятствия никакого нет». На основании этого доклада было принято решение о строительстве «городка на Яике, и о населении онаго войсками»⁵¹.

Особой заботой властей были мосты и перевозы, плохое состояние которых затрудняло передвижение по стране, перевозку грузов и корреспонденции. В местах, где они находились «на откупках», откупщики обязывались их чинить и «впредь содержать в исправности и в починке без всякого опущения». Для мостов и перевозов, содержавшихся государством, потребовали составить опись, что и где чинить, «без дальняго казенного убытку и народ-

---

⁴⁸ Там же. Т. IX. № 6360 от 21 марта 1733 г.

⁴⁹ Там же. № 6875 от 27 января 1736 г.

⁵⁰ Там же. № 6973 от 23 мая 1736 г.

⁵¹ Там же. Т. X. № 7735 от 21 января 1739 г.

ной тягости». Мосты через реки и ручьи в селах и деревнях, находившиеся «в худом состоянии», предлагалось «тех сел жителей» «строить и починивать принудить немедленно»⁵².

Намечалось строительство города «при устье реки Ор» для «подданных Башкирцов и пришедших вновь в подданство Киркис-Кайсакского и Каракалпакского народа». Собирались работники «для строения», город снабжался «гарнизонам, артиллерийскими орудиями и припасами». Отправленный «для постройки города при Устье реки Ор» статский советник Иван Кириллов получил инструкцию «по устройству и населению сего города и по сношениям с окрестными народами». Город не только благоустраивался и заселялся, но и должен был стать своеобразным центром культурно-политического взаимодействия с окрестными народами⁵³.

В культурной политике Анны Иоанновны проблемы планировки, строительства, благоустройства городов, починки строений, отделки берегов рек, освещения улиц и проч. занимали значительное место. Правительство стремилось максимально сократить затраты казны, переложить часть хозяйственных и материальных функций на обывателей, включив их в работу по обеспечению нормального функционирования городской инфраструктуры. Власть не обходила вниманием и провинцию. На окраинах появлялись новые городки, которые выполняли функции не только крепостей, но и становились центрами взаимодействия с местным населением.

Информация об авторе

Ирина М. Чирскова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; im-chir@yandex.ru

Information about the author

Irina M. Chirskova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; im-chir@yandex.ru

---

⁵² ПСЗ I. Т. IX. № 6536 от 21 января 1736 г.

⁵³ Там же. № 6571 от 01 мая 1734 г.; № 6576 от 18 мая 1734 г.

«Новое искусство» и культура XX в.

УДК 791.229.2

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-2-91-107

«Гнев богов»: рутинное и фантастическое в документальном фильме Йона Густафссона (2006 г.)

Александра В. Тарасова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, alexs.tarasova@gmail.com*

Аннотация. Статья нацелена на исследование эффекта фантастического в документальном фильме: возможен ли он, и какие обстоятельства способны повлиять на его появление. Этот вопрос исследуется в контексте «фикционального» мира, само наличие и особенности которого служат признаком принадлежности к жанру фантастического. В статье кратко рассматривается понятие «фикционального мира» и специфика взаимодействия с ним аудитории. Основным объектом анализа является документальный фильм исландского режиссера Йона Густафссона «Гнев богов», заявленный как «фильм о съемках в экстремальных условиях». Он был смонтирован из фрагментов видеохроники, снятой во время съемок «Беовульфа и Гренделя» (2005 г.), поставленных режиссером Стурлой Гуннарссоном по мотивам средневековой эпической поэмы. Процесс съемок в Исландии осенью 2004 г. оказался чрезвычайно сложным, и статья прослеживает, как участники группы описывают происходящее с ними в выражениях, формирующих дискурс «языческого» или дискурс «чудесного» вообще. В сочетании с особенностями монтажа это сообщает фильму право рассматриваться в качестве повествования, в котором фантастическое становится неотъемлемой составляющей сюжета. Воображаемая же Исландия приобретает черты, свойственные фикциональному миру фантастического произведения.

Ключевые слова: фантастическое, кино, фикциональный мир, документальный фильм, неоязычество, Беовульф

Для цитирования: Тарасова А.В. «Гнев богов»: рутинное и фантастическое в документальном фильме Йона Густафссона (2006 г.) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 2. С. 91–107. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-2-91-107

© Тарасова А.В., 2022

“Wrath of the Gods”.
Routine and fantastic in the documentary film
by Jon Gustafsson (2006)

Aleksandra V. Tarasova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
aleks.tarasova@gmail.com*

Abstract. The article is aimed at studying the effect of the *fantastic* in a documentary: if it is possible, and what circumstances can influence its appearance. That issue is investigated in the context of the “fictional world”, the very presence and features of which serve as a sign of belonging to the genre of the fantastic. The article briefly examines the concept of “fictional world” and the specifics of the audience’s interaction with it. The main object of the analysis is the documentary “Wrath of the Gods” by the Icelandic director Jon Gustafsson, which is declared as “a documentary about filmmaking in extreme conditions”. It was edited from fragments of video footage shot during the filming of “Beowulf & Grendel” (2005), directed by Sturla Gunnarsson and based on a medieval epic poem. The filming process in Iceland in the fall of 2004 proved to be extremely difficult, and the article traces how the group members describe what is happening to them in expressions that form the discourse of the “pagan” or the discourse of the “miraculous” in general. In combination with the peculiarities of editing, this gives the film the right to be considered as a narrative, in which the fantastic becomes an integral part of the plot. The imaginary Iceland acquires the features characteristic of the fictional world of a fantastic story.

Keywords: fantastic, cinema, fictional world, documentary, neo-paganism, Beowulf

For citation: Tarasova, A.V. (2022), “Wrath of the Gods”. Routine and fantastic in the documentary film by Jon Gustafsson (2006), *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 2, pp. 91–107, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-2-91-107

Когда авторы анонсов кинофильмов и сериалов маркируют то или иное произведение как «фэнтези», «мистику», «научную фантастику» или просто «фантастику», выбор жанра, как правило, довольно приблизителен и опирается на чисто формальные признаки. Поиск же точных, обоснованных критериев, которые позволили бы уверенно отделить даже не фэнтези от научной фантастики, а хотя бы произведение «фантастическое» от «реалистического», продолжают уже много десятилетий.

Одним из направлений в изучении фантастического является исследование особенностей построения тех миров, в которых разочаривается действие произведения. Среди проблем, с которыми исследователю вымышленных миров приходится иметь дело, первой оказывается проблема выделения фантастического фикционального мира среди фикциональных миров вообще – поскольку мир любого произведения является в той или иной мере вымышленным: «если каждый художественный текст описывает мир возможный, отличающийся в некоторых отношениях от действительности, то фантастическое повествование изображает возможные миры, отличающиеся структурно» [Bertetti 2017, p. 53]. Но такие отличия могут как посягать на наши представления о возможном и невозможном, нарушая физические законы нашего мира (как в случае с фэнтези или сказкой), так и не посягать и не нарушать (что достаточно типично для научной фантастики). Так что разница между «просто» отличием и отличием структурным становится трудноуловимой.

Отделить мир сказки, мифа или фэнтези от мира научной фантастики тоже не так легко. В случае с литературным текстом сам способ повествования становится ориентиром: «Там, где миф претендует на объяснение сущности явлений раз и навсегда, научная фантастика сперва ставит их как проблемы, а затем исследует, куда они ведут; она рассматривает статичную идентичность мифа как иллюзию, обычно как обман, в лучшем случае – лишь как временную реализацию потенциально безграничных случайностей» [Suvin 2014]. Но зрителю фильма или сериала сложнее отметить для себя подобные особенности, а ориентация на внешние приметы зависит, как правило, от предыдущего зрительского и бытового опыта: «Ведьма, несомненно, является частью иконографии сказки, в то время как такие машины и устройства, как, например, в “Звездном пути”, выглядят *технически*; визуально они представляют собой экстраполяции инструментов, которые мы используем в повседневной жизни» [Spiegel 2008, p. 372]. Таким образом, и здесь необходимым элементом для конструирования фикционального мира оказывается «действительность» или «нулевой мир» – *Zero World* [Suvin 2014], в сопоставлении с которым осмысливается мир вымышленный.

Незримое, но постоянное присутствие «действительности» у границ вымышленного мира позволяет, в частности, воспринять его как достоверный или недостоверный. Но при этом «правдоподобие не может быть главной, а тем более – единственной целью создателей вымышленных миров. На деле правдоподобие в вымышленных мирах используется как реквизит, который нас

притягивает, соблазняет, убеждает погрузиться в мир, но погружение – это только одна сторона игры» [Pavel 2010, p. 107]. Гораздо большую важность имеют наблюдения за способами перенесения аудитории в фикциональный мир и за дистанцией между ним и реальностью. Это уже затрагивает сам механизм восприятия вымышленного повествования и воображения, которое вовлечено в процесс взаимодействия с произведением.

Основным условием и тут является отчетливое понимание аудиторией того факта, что представленный ей мир – ненастоящий. Но при чтении или просмотре фильма особенности сюжета и сам способ монтажа либо организации текстового нарратива задействуют и более сложные модели восприятия. К. Уолтон рассуждает о присущей человеческому сознанию способности видеть границы между различными «кластерами» воображаемого: можно одновременно и видеть фиолетового слона, который мерещится персонажу фильма, и понимать, что во внутренней реальности фильма этого слона нет; можно представлять себе, что на фотографии запечатлен безголовый человек, стоящий посреди улицы, и осознавать, что его голова просто обрезана краем кадра [Walton 2013, pp. 14, 16, 21]. Точно так же воображение в сочетании со способностью делать наблюдения и выводить из них закономерности позволяет определить, что внутри вымышленного мира (как бы противоречив он ни был и как бы сильно не отличался от мира «нашего») требуется понимать как «правду», а что – как «ложь» [Chasid 2021].

Тем не менее принимающая сторона, зритель или читатель, не всегда находится в позиции, позволяющей уверенно определить, каковы внутренние правила вымышленного мира. Автор же может и намеренно дезориентировать аудиторию, достигая эффекта фантастического именно таким путем: так поступает Джордж Лукас в своем раннем (1971 г.) фантастическом фильме “ТНХ 1138”, некоторые эпизоды которого смонтированы таким образом, чтобы было неясно, как они соотносятся с остальной историей [Spiegel 2008, p. 380]. Наконец, иногда обстоятельства или степень подготовки аудитории таковы, что понять, имеет ли она дело с вымышленным сюжетом, затруднительно. «Можно включить телевизор и наткнуться на повествование, изображающее боевую сцену начала XX в. Без какого-то дополнительного контекста будет невозможно сказать, художественный фильм это или историческая реконструкция» [Weisberg 2016, p. 467].

Итак, взаимоотношения между аудиторией художественного произведения, ее собственной действительностью и фикциональным миром весьма непросты. Но в произведении, имеющем статус документального, теоретически вероятен и еще более сложный

вариант, когда персонажи – реальные люди, безусловно принадлежащие нашему миру, одновременно являются и акантами сюжета, созданного в результате съемки и монтажа документального материала. Возможно ли обнаружить в документальном фильме эффект фантастического и те сложные механизмы отношения с действительностью, которые позволяют отнести художественные фильмы и книги к жанру фантастики?

Ответ на этот вопрос мы предполагаем найти в документальном фильме 2006 г. под названием «Гнев богов», обратившись для этого к идее «критического» конструирования миров, предложенной С. Экманом. Этот подход подразумевает особое внимание «к медиуму, внутри которого создается мир, а не на стратегиях и методах автора или на процессах, посредством которых читатель их пересмысливает», всестороннее изучение сконструированного мира как единого целого и помещение его «в более широкий контекст жанровых условностей и теоретических дискурсов» [Ekman 2019, p. 119].

* * *

«Гнев богов» – так называется документальный фильм о съемках фильма художественного, «Беовульфа и Гренделя»¹, одной из многих киноинтерпретаций средневековой англосаксонской эпической поэмы, повествующей о герое, сражающемся с чудовищами и драконом. Поставленный канадским режиссером исландского происхождения Стурлой Гуннарссоном по сценарию Эндрю Рея Берзиньса, этот фильм представляет собой попытку условно-«реалистической» трактовки первой половины поэмы. В фильме нет компьютерной графики (чудовищный Грендель здесь становится человекообразным троллем, облик которого создается с помощью обычного и пластического грима); пиршественный зал, который конунг Хродгар выстроил для своих дружинников – Олений чертог или Хеорот – выглядит как примитивного вида большой сарай с прибитыми над входом оленьими рогами; персонажи в разговорах избегают высокого стиля, изъясняясь в основном короткими фразами в низком речевом стиле. Премьера «Беовульфа и Гренделя» состоялась в сентябре 2005 г. на международном кинофестивале в Торонто и прошла с успехом, но прокат у картины был очень скром-

---

¹ “Beowulf & Grendel”. Канада, Великобритания, Исландия, США, Австралия, 2005. Режиссер Стурла Гуннарссон, автор сценария Эндрю Рэй Берзиньс, в главных ролях: Джерард Батлер, Стеллан Скарсгард, Сара Полли, Ингвар Сигурдссон. Официальный сайт фильма – <http://www.beowulfandgrendel.com/>

ный, а реакция аудитории на него – в основном прохладной, хотя у фильма были и поклонники². Судьба документального «Гнева богов» стала существенно более благоприятной – у этого проекта довольно внушительный список наград³, и критика встретила его одобрительно и даже восторженно. Он был выпущен на DVD, также его можно было посмотреть с помощью официального сайта wrathofgods.com⁴.

Как извещает надпись в самом начале «Гнева богов», весной 2004 г. Йон Густафссон нанялся для участия в съемках «Беовульфа и Гренделя» в скромном статусе «гаутского⁵ воина #2». С собой у него была видеокамера, с помощью которой он собирался запечатлеть ход съемок для домашнего архива. Но заканчивается эта как будто тривиальная надпись следующим образом: «Вскоре даже самые убежденные скептики среди нас стали задумываться, не разозлили ли мы не тех богов». Неожиданная и абсурдная, эта фраза требует пояснений, и развернутым пояснением к ней становится весь фильм. Но насколько исчерпывающий характер носит это пояснение?

На первый взгляд, в самом формате «Гнева богов» нет ничего необычного: фрагменты из видеохроники, расположение которых примерно соотносится с хронологией съемок, перемежаются фрагментами записанных позже интервью с режиссером Стурлой Гуннарссоном, продюсером Полом Стивенсом, ассистентом режиссера Венди Орд и другими членами группы, время от времени звучит закадровый комментарий Рассказчика⁶. Этот фильм мог бы стать

---

² Автор сценария Эндрю Рей Берзиньс в 2006 г. был номинирован на премию канадской Гильдии сценаристов. Было у фильма еще несколько номинаций, но из разряда «технических», а единственным победителем оказался специалист по гриму Ник Дадмен.

³ См. перечень призов и фестивалей, в которых проект принял участие, на сайте <https://wrathofgods.com/festivals-awards/>

⁴ На сайте также размещено множество дополнительных материалов, среди которых – Dialogue list, полная расшифровка всех реплик на английском языке (а также немецком, испанском и польском). Этот раздел сайта был использован для цитирования в настоящей статье, в скобках будут указаны минуты и секунды – так, как они отмечены в разделе на сайте: <https://wrathofgods.com/dialogue-list/>

⁵ Одним из спутников Беовульфа, который со своей дружиной прибывает из земли гаутов во владения данов – на помощь их правителю-конунгу Хродгару, который вот уже 12 лет не может положить конец нападениям чудовища по имени Грендель на своих людей.

⁶ В текстовой расшифровке реплик на сайте он указан как Narrator.

одним из многочисленных «фильмов о фильме», которые в 2000-е гг. нередко включали в число дополнительных материалов на лицензионном DVD с «основной» кинокартиной⁷. Исполнитель роли Беовульфа в костюмерной и Гренделя – в гримерной; конунг Хродгар в полном облачении и гриме, но с пластиковым стаканчиком в руке (а на заднем плане – еще один персонаж с сигаретой); Джерард Батлер отрабатывает боевую сцену без грима, будучи одетым в спортивный костюм и с палкой вместо меча; корабль гаутов опускают в воду с помощью подъемного крана, а над бегущим по равнине троллем летит вертолет – все это относится к категории забавных, но достаточно обычных «рабочих моментов». Но все же слишком многое вступает в противоречие с этим ощущением «обычного».

Если следовать за повествованием, то его сквозная сюжетная линия начинается довольно оптимистически: в июле 2004 г. десант съемочной группы прибывает в Исландию для окончательного отбора локаций. Стоит прекрасная погода, исландские пейзажи великолепны, короткие летние ночи сулят много дневного света для съемок под открытым небом. Но затем перед съемочной группой одно за другим начинают возникать препятствия. Из-за перебоев с финансированием подготовка к съемкам затянулась, так что первая сцена была снята только 6 сентября, а впереди участников съемок ожидали ливни, ураганный ветер («это была самая ветреная осень за 60 лет»; 52:00) и снегопад, съемочная техника ломалась, автомобили попадали в аварии, намеченный для съемок живописный пляж из черного вулканического песка оказался полностью смыт в течение одной штормовой ночи, спокойная вода, по которой должны были плыть в маленькой лодке несколько персонажей, в одночасье превратилась в бурный поток, в построенном для съемок Хеороте чуть не начался пожар, и все это увенчалось извержением вулкана неподалеку. Но фильм все же был отснят, причем завершились съемки буквально накануне наступления полноценной исландской зимы.

Рассказ Йона Густафссона обо всех этих и многих других превратностях выстроен в основном линейно, но отдельные эпизоды смонтированы таким образом, чтобы выделить мотив, помещающий сложную, но все же рутинную работу съемочной группы в иной контекст. Контекст, в который вписана и тема «богов».

---

⁷ Хотя есть и более ранний пример такого рода «фильма о фильме», который добился самостоятельного признания – упомянутые в «Гневе богов» «Затерянные в Ла Манче» (2002) о съемках «Человека, который убил Дон Кихота» Терри Гиллиама.

Композитором съемочной группы стал Хильмар Орн Хильмарссон⁸, глава местного объединения адептов Асатру – культурно-религиозного движения, которое в «Гневе богов» позиционируется как «Древняя скандинавская религия»⁹ (17:15). По инициативе режиссера он провел для съемочной группы обряд благословения, сразу после которого Стурла Гуннсарссон споткнулся и упал (Йон Густаффсон запечатлел этот момент), что было истолковано присутствовавшими при обряде адептами Асатру как доброе предзнаменование¹⁰. И следующая сразу же за этим реплика Джерарда Батлера дает понять, что впоследствии участники съемок в шутку приписывали свои неприятности неверно исполненному обряду (18:10).

Если принять эту точку зрения, то обряд – принятый боже-ствами-адресатами неблагосклонно или проведенный с ошибками – и превращается в основную причину всех неурядиц. Однако фильм довольно подробно рассказывает о случае, который произошел еще до него, и при этом преподносит его как нечто явно не вполне объяснимое. Для первого съемочного дня была выбрана сцена, в которой Беовульф со спутниками подплывают на корабле к берегам Дании. Корабль – достоверная реплика настоящего судна

---

⁸ Из статьи Т. Ганнелла следует, что Хильмар Орн Хильмарссон (который стал для автора одним из основных источников сведений об обрядах Асатру) является не только официальным главой движения, но и идеологом, принимающим участие в разработке и уточнении ритуальной и символической сторон. А поскольку на фотоиллюстрациях к статье именно он запечатлен за исполнением обрядов, тем самым он выступает здесь и как своего рода «лицо Асатру» [Gunnell 2015].

⁹ В современной Исландии Асатру – движение многочисленное и влиятельное, но называть его не только «древним», но даже «старым» проблематично – его история отсчитывается от 1972 г., когда вокруг фермера-поэта Свейнбьёрна Бейтейнссона образовался кружок энтузиастов, изучающих исландские традиционные обычаи, музыку, литературу, фольклор в контексте религиозных практик. А название «Асатру» (буквально – «Вера в богов-Асов») это объединение получило несколько позже, в процессе официальной регистрации, хотя «большинство членов группы не столько “верили” и “поклонялись” древним богам, сколько дорожили ими, как символами древнего наследия, духовных ценностей, идеалов и обычаев, которые они надеялись сохранить...» [Strmiska 2000, p. 113].

¹⁰ После этого рассказчик сообщает, что спустя два часа и сам Хильмар Орн Хильмарссон упал, сломав при этом два ребра. Причем в реплике подчеркивается, что и сам обряд был языческим (Pagan), и композитор обозначен словами Pagan priest.

викингов – в Исландии нашелся, и его заблаговременно арендовали у владельца. По словам Стурлы Гуннарссона, для него эта сцена с кораблем имела особое значение – если получится привезти его, спустить на воду и отснять нужные сцены, то и съемки в целом завершатся успешно («Знаете, как будто если мы сможем сделать это, то сможем все» 15:43)¹¹. Но корабль нужно было заблаговременно готовить к плаванию (владелец же, которому перевели плату с большим опозданием, делать этого не стал), а путь к выбранной для съемок ледяной лагуне лежал через узкий мост, по которому корабль пройти не мог. Последний отрезок пути было решено проделать по воде, минуя мост, но выяснилось, что разохшийся корабль сильно течет, и его поторопились вытащить на сушу, чтобы он не затонул («У нас корабль с течью. Это метафора фильма», – заявляет по этому поводу Венди Орд; 16:29). Спас положение капитан корабля – ночью, никого не предупредив, он погрузил его на трейлер и, не с первой попытки, но сумел провезти его по узкому мосту (так что с обеих сторон между бортами судна и боковинами моста оставалось меньше дюйма).

С одной стороны, рационально объяснить внезапное расширение моста вполне возможно – его первоначальные замеры могли быть чуть неточными, и Рассказчик упоминает о том, что капитан сперва придумал особый способ установки корабля на трейлере, а потом уже решил проверить свои расчеты. С другой стороны – люди, ответственные за организацию этой съемки, были твердо убеждены в том, что провезти корабль по мосту невозможно¹², так что выбор между естественными и сверхъестественными причинами того, что мост внезапно расширился, а имеющий символическое значение корабль – прибыл к месту назначения, остается неопределенным.

Реплик, в которых так или иначе затрагивается тема вмешательства нечеловеческих сил, в «Гневе богов» много. Сложно сказать, доминировала ли она на съемках над иными вариантами объяснения происходящего, но в фильме из подобного рода высказываний собран полноценный дискурс чудесного:

---

¹¹ И автор сценария перед началом съемки признается Йону Густафссону в том, что хотел бы проснуться два дня спустя – настолько успех всего предприятия зависит от этого корабля (19:04).

¹² Разговор об этом завязывается уже на «планёрке», которая демонстрируется в самом начале «Гнева богов», а в реальной хронологии съемок относилась к середине лета. Затем это утверждение повторяется при подготовке к съемкам в лагуне, так что фильм Йона Густафссона заранее готовит зрителей к сюрпризу.

«Не считая корабля с течью, первый день прошел идеально. Возможно, **боги** все-таки были на нашей стороне» (Рассказчик, 23:37).

«**Один** напился и разнес дом» (Стурла Гуннарссон, 29:37).

«Казалось, что фильм преследует невезение. Фактически люди начали думать, что в фильме пробрался **тролль**, который прокликает его» (Венди Орд, 33:51).

«**Один** дает, и **Один** забирает. Хотя я не думаю, что **Один** разговаривает с денежными богами» (Стурла Гуннарссон, 55:35).

«Тот факт, что мы здесь, тот факт, что мы находимся на этой стадии, тот факт, что мы почти закончили, – это просто **чудо**. Это **чудо**» (Пол Стивенс, 01:00).

«Итак, **Один** был с нами. Благословение Хильмара сработало» (Стурла Гуннарссон 01:05).

Примечательно, что высказываний христианского толка, по крайней мере в явном виде, нет. Исключение составляет, пожалуй, реплика Дэниэла Паркера, который занимался гримом: «Дьявол явно проявляет огромный интерес к этому фильму, и он играет с нами» (01:02:08). И ему же принадлежит рассуждение, в котором постигшие группу испытания объясняются с сугубо рациональных позиций: все это было предсказуемо, поскольку сложный исландский климат хорошо известен, для съемок к тому же выбрали местность, которая славится сильным ветром, сам выбор Исландии обрек их на трудности с логистикой, наймом рабочих и массовки, а тем самым – на дополнительные финансовые расходы. Съемки в Шотландии, по его мнению, были бы гораздо проще и дешевле – тем более, что никаких причин снимать именно в Исландии не было (40:18). Но и Паркер произносит фразу о викингском проклятии, которым обернулось благословение (01:01:42).

Таким образом, и в процитированных репликах, и в фильме в целом заметно преобладание условно-языческого мотива. Его символом становится имя Одина, но рядом с ним возникают и анонимный тролль, и некие денежные божества. Впрочем, и этот мотив не получает полноценного развития. До какой степени упоминания Одина были игрой, до какой степени участники группы действительно готовы были поверить в разгневанных богов – это вопросы, не имеющие ответа. Некоторую ясность мог бы внести комментарий Хильмара Орна Хильмарссона, официального представителя неоязыческого движения, но в «Гневе богов» он на эту тему не высказывается.

В «Беовульфе и Гренделе» Хродгар и его люди изначально – язычники, на которых направлены усилия заезжего миссионера Брендана, но в итоге и язычество, и христианство оказываются бес-

сильны перед чудовищами (мать Гренделя убивает и верховного жреца, и святого отца), перед третьей силой. На съемках подобную третью силу представляла собой исландская природа¹³ – или же сама Исландия. «...На съемках этого фильма с нами могло случиться много трагического, и знаете, я не должен бы даже произносить это, поскольку Исландия сделала меня суеверным, так что будем надеяться, что никакой трагедии с нами не случится», – говорит Стурла Гуннарссон, настаивая на действенности языческого обряда (56:00). Джерард Батлер же, описывая исландскую природу, говорит, что это «очень молодая земля» и что здесь «под ногами ощущается бурлящая энергия» (36:47), а один из участников группы замечает, что Стурла Гуннарссон выглядит среди исландских ландшафтов столь естественно, что «становится их частью» (02:30) – и в обоих случаях произносятся слова, которые можно отнести как к поэтическим фигурам речи, так и к все той же области странного и/или чудесного.

Вербальный дискурс дополняется и подчеркивается визуальным, визуальный же – в значительной мере создается за счет монтажа. Уже упомянутый корабль заметную часть отведенного ему экранного времени проводит в подвешенном состоянии, причем технику, которая его спускает или поднимает, видно не всегда – и корабль оказывается парящим над водой. А в одной из сцен над судном появляется неяркая, но отчетливо заметная радуга. В другом эпизоде можно видеть всадников, которые сперва скачут вдоль штормового моря, а затем заводят коней в морскую пену, в то время как волны вздымаются над головами людей. Голос Венди Орд в это время рассказывает, что делалось это с целью отучить коней шарахаться от волн и пены, и всадники, придумавшие этот способ дрессировки, были пьяны с самого утра, но, поскольку других всадников не было, приходилось работать с этими (32:15) – однако эти пояснения делают сцену еще более абсурдной. Съемки эпизода, для которого приготовили муляж жертвенной овцы, отложили из-за плохой погоды – и после этого в кадр несколько раз попадают то люди, перетаскивающие с места на место безжизненное тело овцы, то само это тело, случайно оказавшееся на заднем плане во время очередного импровизированного интервью кого-то из группы – и эти перемещения мертвой овцы никак не комментируются.

Возникают и параллели между «Гневом богов» и «Беовульфом и Гренделем»: сама идея языческого обряда могла появиться

---

¹³ “Forces of nature!” – восклицает в фильме сам Йон Густафссон (31:10).

у Стурлы Гуннарссона под влиянием сценария – в «Беовульфе и Гренделе» есть сцена благословения Хродгара, его жены и только что построенного Хеорота, и в фильм Йона Густафссона включен фрагмент этой сцены (54:39). Но в сценарии, как и в первоисточнике, будущее Хродгара оказывается далеко не благополучным: Грендель принимается убивать его людей. Судьба съемочной группы была, разумеется, менее драматичной, но все же схожей: за обрядом, призванным обеспечить успех, последовали неудачи и испытания.

Сам Хеорот-декорация тоже начинает отчасти уподобляться Хеороту¹⁴ из основного фильма (и даже, скорее, Хеороту из первоисточника). Зал построили таким образом, чтобы он мог работать и как съемочный павильон, чтобы все сцены внутри пиршественного зала можно было там и снимать. Постройка получилась очень прочной: Пол Стивенс после ночного урагана рассказывает, что у отеля по соседству сорвало крышу, в то время как их зал остался невредимым. А во время очередного крайне ветреного дня они с режиссером обсуждают возможность съемок в Хеороте: внутри будет безопасно, но надо перевести туда людей, а ветер так силен, что сам путь будет очень рискованным¹⁵. В «Церковной истории народа англов» Беды Достопочтенного человеческая жизнь сравнивается с кратким временем, на которое попадает в такой зал пролетевший сквозь него воробей – внутри тепло и весело, но снаружи бушуют зимние бури и льют дожди¹⁶. И съемочный зал уподобляется этому образу и в чисто практическом смысле, и в символическом. Становится зал и местом собраний – в «Гнев богов» вошла речь Стурлы Гуннарссона, произнесенная перед съемочной группой под его кровлей (он знакомил людей с текущим состоянием финансов; 59:12). Наконец, выше уже упоминался начавшийся, но быстро потушенный пожар – перед самым началом съемок многолюдной сцены в пиршественном зале загорелся проложенный под полом кабель (53:36). Один из плотников вовремя заметил дым, и потенциальную катастрофу удалось предотвратить, но в англо-саксонской поэме Хеороту предстоит

¹⁴ Участники съемок не употребляют этого названия, предпочитая ему Mead Hall.

¹⁵ В дискуссии между ними ставит точку камень, разбивающий окно машины Стивенса.

¹⁶ *Venerabilis Baedae. Historia ecclesiastica gentis Anglorum*, II.XIII (см. *Venerabilis Baedae. Historia ecclesiastica gentis Anglorum; Historia abbatum; Epistola ad Ecgberctum; una cum Historia Abbatum auctore anonimo. Oxonii: Ex Typographeo Clarendoniano, 1896. P. 112*).

погибнуть в пожаре¹⁷. Наконец, сама решимость режиссера и его соратников продолжать съемки, несмотря на, казалось бы, безнадежные обстоятельства, вызывает ассоциации с идеей «северного мужества» у Толкина: «...в северной традиции идея непреклонной воли занимает центральное место» [Толкин 2008, с. 32], так что герой, зная, что обречен, продолжает действовать.

Монтаж придает особый оттенок словам автора сценария Эндрю Рэй Берзиньса о том, что во время съемок они пережили невероятные (unbelievable) трудности, не было разве что извержения вулкана (01:00:28): поскольку сразу вслед за этим (01:00:49) сообщается о начале извержения, они сразу становятся пророческими (хотя могли быть произнесены и после этого события). И в подобном контексте фраза Рассказчика «Когда мы наблюдали за тем, как Стеллан вызывает тролля на бой...» (45:02) производит впечатление намеренного смешения реальности съемок и внутренней реальности «Беовульфа и Гренделя» – в бой с чудовищем как будто жаждал вступить не конунг Хродгар, а актер Стеллан Скарсгард. Дополнительный смысловой уровень приобретает и выраженная на исландском языке уверенность актера Ингвара Сигурдссона в том, что местную погоду нужно воспринимать в позитивном ключе, как вызов, как друга («Если во время съемок фильма вы воспринимаете погоду в Исландии как врага, значит, вы уже проиграли»; 41:10) – ведь произносит эти слова исполнитель роли Гренделя. И даже сцена погони вертолета за всадниками и троллем становится не только забавным эпизодом со съемок, но свидетельством причудливого смешения двух реальностей и двух эпох.

* * *

Пытаясь отделить сложившийся на съемках «дискурс чудесного» от авторского повествования «Гнева богов», можно предположить, что участники съемочной группы реагировали на обстоятельства, которые выходили далеко за рамки общих представлений о том, какой должна быть их обычная рутинная работа. Это усугублялось тем, что для большинства из них Исландия была почти незнакомой, хотя и привлекательной для них страной, что

---

¹⁷ Дом возвышался
Рогами увенчанный;
Недолговечный,
Он будет предан
Пламени ярому

Цит. в пер. В. Тихомирова по изд.: Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М.: Художественная литература, 1975. С. 33.

и прекрасные ландшафты, и климат, и язык, на котором разговаривали между собой местные жители, – все это подчеркивало их собственную чуждость окружающему пространству.

Если применить к ситуации «кластеры» воображаемого у Уолтона, то специфика положения режиссера, автора сценария, продюсера, актеров «Беовульфа и Гренделя» состояла в том, что они сами находились в одном из «кластеров». Не имея возможности увидеть всю картину со стороны, они не могли и обозначить грань, которая отделяла их от «действительности», во-первых, фикциональный мир снимаемого ими фильма, а во-вторых – воображаемую ими Исландию. Избыточность обрушившихся испытаний требовала рационального объяснения, специфика положения побуждала принять любую относительно логичную версию подобного объяснения. И все испытания (среди которых были далеко не только связанные с силами природы) парадоксальным образом были рационализированы посредством включения себя в условно-«языческую» модель мира, или, точнее, стихийно сложившуюся модель мира, в которой было место и богам из скандинавского пантеона, и «денежным богам», и Исландии как месту, где перестают действовать привычные правила.

Вероятно, во время пребывания съемочной группы в Исландии подобного рода реплики могли отпускаться в полушутливом тоне и, возможно, даже теряться за множеством других фраз. Но когда участники группы сами превратились в персонажей документального фильма Йона Густафссона, «кластеры» фикциональности распределились таким образом, что аудитория оказалась в позиции из рассуждений Уолтона. Зритель может одновременно и наблюдать, как окрестности съемочного лагеря превращаются в некую аномальную зону, и осознавать, что отснятый материал и записанные высказывания могли быть смонтированы именно таким образом, чтобы создать подобное впечатление.

«Гнев богов» мог бы выйти в виде псевдодокументального фильма, игрового «мокьюментари», рассказывающего о съемочной группе, приехавшей в незнакомую труднодоступную местность и ставшей там объектом издевательств со стороны таинственных нечеловеческих сил, не слишком доброжелательных, но все-таки и не враждебных, раз обошлось без трагедий. И сам режиссер, приехавший на землю предков, вполне мог бы стать главным героем такой истории. С другой стороны, это мог бы быть и просто документальный фильм о съемках в экстремальных условиях (как он и позиционируется на своем официальном сайте). Но проект Йона Густафссона превратился в нечто третье, в повествование, собранное из фрагментов задокументированной реальности и трансфор-

мирующее ее в почти полноценный фикциональный мир. Фактически «Гнев богов» – это два отдельных сюжета, сросшиеся друг с другом так, что полностью отделить один нарратив от другого невозможно.

С другой же стороны, предназначение отдельных элементов «фантастического» кино заключается, помимо прочего, и в том, чтобы «обратить зрительское внимание вовне, направить его на то, чему, может быть, суждено сыграть главную роль в этой драме поиска *иного* – на само кино» [Самутина 2006, с. 77]. «Гнев богов» предельно обнажает саму природу киносъема, проблематизирует ее, показывая, что процесс создания фильма не менее, если не более, соответствует представлениям о «нереальном» и «чудесном», чем готовый продукт. Неслучайно среди замыкающих «Гнев богов» реплик – рассуждения Пола Стивенса о том, что все усилия и перенесенные испытания были направлены на одну цель – рассказать историю, ведь люди рассказывали друг другу истории еще до того, как были изобретены деньги, и будут рассказывать истории и впредь (01:10:05). «Думаю, мы здесь именно поэтому – чтобы пересказывать эту историю у походного костра» (01:10:22).

Литература

- Самутина 2006 – *Самутина Н.* Фантастическое кино и проблема *иного*: сборник статей // Фантастическое кино: Эпизод первый. М.: НЛЮ, 2006. С. 66–78.
- Толкин 2008 – *Толкин Дж.Р.Р.* «Беовульф»: Чудовища и критики // Чудовища и критики. М.: АСТ, 2008. С. 13–72.
- Bertetti 2017 – *Bertetti P.* Building science-fiction worlds // World building. Transmedia, fans, industries / Ed. by M. Boni. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2017. P. 47–61.
- Chasid 2021 – *Chasid A.* Not by imaginings alone. On how imaginary worlds are established // Journal of the American Philosophical association. 2021. Vol. 7. Issue 2, Summer. P. 195–212. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/journal-of-the-american-philosophical-association/article/not-by-imaginings-alone-on-how-imaginary-worlds-are-established/2A73D03678C2678E53D295C69D592BF9> (дата обращения 14.12.2021).
- Ekman 2019 – *Ekman S.* Vitruvius, critics, and the architecture of worlds. Extranarrative material and critical world-building // *Fafnir – Nordic journal of science fiction and fantasy research*. 2019. Vol. 6. Issue 1. P. 118–131.
- Gunnell 2015 – *Gunnell T.* The background and nature of the annual and occasional rituals of the *Ásatrúarfélag* in Iceland / Ed. by T. Minniyakhmetova, K. Velkoborská // *The Ritual Year 10. Magic in rituals and rituals in magic*. Innsbruck, Tartu, 2015. P. 28–40.

- Pavel 2010 – *Pavel T.* Immersion and distance in fictional worlds // *Itinéraires*. 2010. Vol. 1. P. 99–109. URL: <https://journals.openedition.org/itineraires/2096> (дата обращения 12.12.2021).
- Spiegel 2008 – *Spiegel S.* Things made strange. On the concept of “estrangement” in science fiction theory // *Science Fiction Studies*. 2008, Vol. 35. No. 3. P. 369–385.
- Strmiska 2000 – *Strmiska M.* Ásatrú in Iceland. The rebirth of Nordic Paganism? // *Nova Religio. The journal of alternative and emergent religions*. 2000. Vol. 4. No. 1. P. 106–132.
- Suvin 2014 – *Suvin D.* Estrangement and cognition // *Strange Horizons*. 2014. 24 Nov. URL: <http://strangehorizons.com/non-fiction/articles/estrangement-and-cognition/> (дата обращения 14.12.2021).
- Walton 2013 – *Walton K.L.* Fictionality and imagination reconsidered // *From fictionalism to realism* / Ed. by C. Barbero, M. Ferraris, A. Voltolini. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2013. P. 9–26.
- Weisberg 2016 – *Weisberg D.S.* How fictional worlds are created // *Philosophy Compass*. 2016. Vol. 11. Issue 8. P. 462–470.

References

- Bertetti, P. (2017), “Building science-fiction worlds”, in Boni, M. (ed.), *World building. Transmedia, fans, industries*, Amsterdam University Press, Amsterdam, The Netherlands, pp. 47–61.
- Chasid, A. (2021), “Not by imaginings alone. On how imaginary worlds are established”, *Journal of the American Philosophical association*, vol. 7, issue 2, pp. 195–212, available at: <https://www.cambridge.org/core/journals/journal-of-the-american-philosophical-association/article/not-by-imaginings-alone-on-how-imaginary-worlds-are-established/2A73D03678C2678E53D295C69D592BF9> (Accessed 14 Dec. 2021).
- Ekman, S. (2019), “Vitruvius, critics, and the architecture of worlds. Extra-narrative material and critical world-building”, *Fafnir – Nordic journal of science fiction and fantasy research*, vol. 6, issue 1, pp. 118–131.
- Gunnell, T. (2015), “The background and nature of the annual and occasional rituals of the Ásatrúarfélag in Iceland”, in Minniyakhmetova, T. and Velkoborská, K. (eds.), *The Ritual Year 10. Magic in rituals and rituals in magic*, Innsbruck, Austria, Tartu, Estonia, pp. 28–40.
- Pavel, T. (2010), “Immersion and distance in fictional worlds”, *Itinéraires*, vol. 1, pp. 99–109, available at: <https://journals.openedition.org/itineraires/2096> (Accessed 12 Dec. 2021).
- Samutina, N. (2006), “Science fiction cinema and the problem of *otherness*”, in *Fantasticheskoye kino: Epizod pervyy* [Science fiction cinema. Episode 1], NLO, Moscow, Russia, pp. 66–78.

- Spiegel, S. (2008), "Things made strange. On the concept of 'estrangement' in science fiction theory", *Science Fiction Studies*, vol. 35, no. 3, pp. 369–385.
- Strmiska, M. (2000), "Ásatrú in Iceland. The rebirth of Nordic Paganism?", *Nova Religio: The journal of alternative and emergent religions*, vol. 4, no. 1, pp. 106–132.
- Suvin, D (2014), "Estrangement and cognition", *Strange Horizons*, 24 Nov., available at: <http://strangehorizons.com/non-fiction/articles/estrangement-and-cognition/> (Accessed 14 Dec. 2021).
- Tolkien, J.R.R. (2008), "Beowulf. The monsters and the critics", *Chudovischa i kritiki* [The monsters and the critics], AST, Moscow, Russia, pp. 13–72.
- Walton, K.L. (2013), "Fictionality and imagination reconsidered", in Barbero, C. and Ferraris, M. and Voltolini, A. (eds.), *From fictionalism to realism*, Cambridge, Cambridge Scholars Publishing, pp. 9–26.
- Weisberg, D.S. (2016), "How fictional worlds are created", *Philosophy Compass*, vol. 11, issue 8, pp. 462–470.

Информация об авторе

Александра В. Тарасова, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; aleks.tarasova@gmail.com

Information about the author

Aleksandra V. Tarasova, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; aleks.tarasova@gmail.com

«Сердечность встреч»:
эмоциональный режим оттепели
в комментариях
к правительственным фотографиям

Екатерина И. Викулина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, vikulina.rsuh@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается эмоциональный режим оттепели, который находил свое выражение как в журнальных фотографиях этого периода, так и в комментариях к ним. Установка эпохи на искренность реализовывала себя в снимках через экспрессивность жеста, через непосредственность поведенческих реакций. Сопровождающий текст пояснял и усиливал визуальный материал, нередко дублируя смысл изображения, но в то же время сообщал снимку дополнительные коннотации. Эмоциональные высказывания носили, с одной стороны, описательный характер, а с другой – предписывающий, предлагая советским гражданам модель для подражания и правила чувствования. В журнальных публикациях устанавливались эмоциональные нормы, указывались необходимые способы реагирования на те или иные политические события. В статье выделяются три модуса, которые задает текст для нужной интерпретации снимков – «субъектный», «миметический» и «регулирующий». Данное исследование базируется на комментариях, подписях и других текстовых сообщениях, сопровождавших правительственные фотографии в таких всесоюзных журналах, как «Огонек», «Советское фото», «Советский Союз» и др. Внимание уделяется формату публикаций, сопоставлению текста и изображения, их месту в периодическом издании.

Ключевые слова: оттепель, фотография, периодика, эмоциональный режим, репрезентация власти, политический дискурс

Для цитирования: Викулина Е.И. «Сердечность встреч»: эмоциональный режим оттепели в комментариях к правительственным фотографиям // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 2. С. 108–124. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-2-108-124

“Heartfelt meetings”.
Emotional regime of the *ottepel’* (‘thaw’) period
in comments to government photos

Ekaterina I. Vikulina

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
vikulina.rsuh@gmail.com*

Abstract. The article considers an emotional regime of the *ottepel’* (‘thaw’) period, which found its expression both in magazine photographs of the time and in the comments to them. The era was oriented at sincerity that realized itself in photographs through the affection of a gesture, through an emphasis on the immediacy of emotional reactions. The accompanying text clarified and strengthened a visual part of a publication, often duplicating a meaning of an image, but at the same time added new connotations to a photograph. On the one hand the emotional statements were descriptive, but on the other hand they were prescriptive, offering the Soviet citizens a model to follow. Magazine publications established emotional norms and indicated necessary ways of responding to certain political events. The paper identifies three modes for the desired interpretation of images – ‘subjective’, ‘mimetic’ and ‘regulatory’. The research is based on comments and other text messages that accompanied government photographs in such popular Soviet magazines as *Ogonyok*, *Soviet Photo*, *Soviet Union*, etc. It focuses on the format of publications, comparing texts and images.

Key words: thaw, photography, periodicals, emotional regime, power representation, political discourse

For citation: Vikulina, E.I. (2022), “Heartfelt meetings”. Emotional regime of the *ottepel’* (‘thaw’) period in comments to government photos, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 2, pp. 108–124, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-2-108-124

Правительственные фотографии и комментарии к ним являются собой превосходные источники для изучения политического курса, культурной ориентации общества, его ценностей и норм, в том числе и эмоционального режима. Данная статья фокусируется именно на текстовом сопровождении¹, которое транскрибирует визуальную информацию и сопровождает ее нужными для идеологической интерпретации акцентами.

---

¹ Об эмоциональном репертуаре в снимках оттепели см.: [Викулина 2019].

Ролан Барт высказывал гипотезу, что политическая коннотация заключена именно в тексте, фотография не способна повлиять на политический выбор: «Ни одна фотография никогда никого не убедила и не разубедила (зато она умеет “подтверждать”), поскольку политическое сознание, видимо, не существует вне логоса: политика как раз и делает возможным все языки» [Барт 2003, с. 390]. Текст паразитирует на образе, рационализирует его, сообщает ему нужную коннотацию.

Посредством комментариев к снимкам можно выделить вербальные средства, которые, среди прочего, формируют и поддерживают эмоциональный режим оттепели. По мысли Уильяма Редди, видного американского историка и антрополога, эмоциональный режим – набор нормативных эмоций и официальных ритуалов, практик и эмотивов – является необходимой основой любого стабильного политического режима [Reddy 2001, pp. 155, 29]. Эмоциональный порядок сообщества принимает форму идеалов, к которым нужно стремиться, и стратегий, направляющих индивидуальные усилия [Reddy 2001, pp. 62, 124]. Эмоциональные высказывания (эмотивы), по аналогии с речевыми актами, являются констативами, имеют описательный характер, но в то же время являются перформативами, поскольку содержат эффекты самоисследования и самоизменения, они что-то делают с миром [Reddy 2001, p. 111]. Например, описание тех или иных эмоций является в то же время их интенсификацией, которая ведет к ослаблению или модификации других чувств [Плампер 2018, с. 409]. Эмоциональный режим – ансамбль предписанных эмотивов вместе со связанными с ними ритуалами и другими символическими практиками, вроде публичной декларации любви к родине, присяги в армии и т. д. [Плампер 2018, с. 419]. Редди описывает спектр эмоциональных режимов, на краю которого находятся «строгие режимы», регулирующие нормативность эмоциональных выражений, чей эталон формируется посредством церемоний и официальных художественных произведений. В случае несоответствия и нарушения норм следует наказание. На другом краю спектра – режимы, которые используют строгую эмоциональную дисциплину только в определенных учреждениях (армия, школа, духовенство) или только в определенное время года, или на определенных этапах жизненного цикла [Reddy 2001, p. 125].

Теорию Редди продолжила этноисторик Моник Шеер, которая ввела понятие «эмоциональных практик». Их она определила как «манипуляции тела и ума с целью либо вызвать чувства там, где их нет, либо сфокусировать диффузное возбуждение и придать ему понятную форму, либо уже возникшие эмоции изменить или

устранить» [Плампер 2018, с. 433]. По мнению Шеер, у эмоций всегда есть телесный аспект, пусть он даже насквозь пронизан культурой и историей. В связи с этим важно внимание к языку, оперирующему телесными категориями, и к следам любых форм телесного чувствования: «...заставил кровь вскипеть в жилах», «биться в истерике», «дрожь в голосе» и т. д. [Плампер 2018, 439].

В случае журнальных снимков и комментариев к ним мы имеем дело с предписаниями эмоциональных реакций, с указаниями на необходимый способ реагирования на те или иные политические события, на правила выражения чувств. Журнальная пресса являлась рупором эмоциональных норм, наглядно транслируя их посредством изображения лидера, но также и вербальных высказываний, которые имели побуждающий характер и задавали пример для соответствия. При этом язык этих комментариев описывает возникшие эмоции, часто апеллируя к телесным образам.

В качестве примера рассмотрим несколько журнальных статей о зарубежных поездках Н.С. Хрущева, выделив три основных топоса этих публикаций: а) «сердечность встреч»; б) «свой среди своих» и в) «горячий / холодный».

а) «Сердечность встреч»

«Мы за мир, за дружбу, за улыбки милой, за сердечность встреч», – эта строчка из песни, написанной в 1957 г. и ставшей гимном VI Международного фестиваля молодежи и студентов в Москве, может послужить квинтэссенцией журналистского нарратива в годы оттепели [Викулина 2012].

«Сердечность», «задушевность», «страстность» – такими эпитетами журналисты подписывали фотографии и характеризовали происходящее в кадре общение. В свою очередь, эмоциональность в кадре проявлялась через жесты и мимику, которые становятся более экспрессивными в хрущевский период.

Для власти в период оттепели было важно телесное подтверждение декларируемых идей. Объятие и поцелуй становятся одним из способов их манифестации, через них изображаются и забота о населении страны, и помощь угнетенным народам Африки, и благодарность правительства за выполненное задание. Таким образом, на снимках этого времени поцелуй и объятие приобретают значение политического акта. Их смысл меняется от контекста, в зависимости от того, происходит ли действие во время официального собрания, при встрече с героями страны или с представителями той или иной группы.

На фотографиях Хрущев и окружение скрепляли договора и подтверждали свое дружелюбие многочисленными объятиями

и поцелуями. Им вторила эпоха. Никита Сергеевич прижимал к груди первых космонавтов – Юрия Гагарина и Германа Титова («Отечские объятия»), те в свою очередь кидались в объятия друг друга («Звездные братья»), а также родных и близких («Радость встречи»). Примечательно, что названия снимков отсылали к родственным связям – этим подчеркивалась теплота отношений, но в то же время указывалась их иерархия.

Так, например, объятия и поцелуи руководителя страны объявляются «отеческими»². Под фотографией «Отечские объятия», где он целует космонавта Титова³, приведено высказывание Хрущева: «Позвольте мне еще раз *крепко обнять и расцеловать* Вас, как верного, славного *сына* нашей Родины, нашей ленинской партии» [здесь и далее курсив мой. – Е. В.]. Или в другом случае: «Никита Сергеевич Хрущев, *по-отечески*, душевно встретивший Юрия Гагарина на аэродроме, *в трехкратном русском поцелуе выразил всю полноту любви и уважения* народа и партии к человеку, совершившему небывалый подвиг. *Волнующие мгновения* встречи Н.С. Хрущева с Юрием Гагариным запечатлели многие фотомастера»⁴. Таким образом, объятия, изображенные на снимках, дублируются в названиях и подписях, становятся нормой для визуального и словесного выражения.

Характерна фраза, сказанная Юрием Гагариным перед полетом, в заключение своего заявления для печати и радио: «Как бы мне хотелось вас всех *обнять*, знакомых и незнакомых, далеких и близких!»⁵. Объятия Гагарина после его приземления происходили с такой страстностью, что наносили даже увечья, как в случае с академиком В. Париным, поцарапавшим щеку о жесткий шлем⁶.

Для оттепельной власти становится важен эмоциональный контакт и жест прикосновения, она распахивает свои объятия миру. Подобную сенсуализацию оттепельной власти можно рассматривать в качестве демонстрации семейственного принципа

² За исключением товарищей по партии, которых Н.С. Хрущев целует «по-братски»: «В путь, товарищи! До свиданья, – говорит Никита Сергеевич, крепко, по-братски обнимая и трехкратно целуя каждого из окружающих его товарищей – руководящих деятелей Коммунистической партии и Советского государства» (Лицом к лицу с Америкой: Рассказ о поездке Н.С. Хрущева в США. М., 1960. С. 46–47).

³ *Сметанин В.* Отечественские объятия [Фото] // Советское фото. 1961. № 9. С. 2–3.

⁴ *Рябчиков Е.* Образ героя // Советское фото. 1961. № 7. С. 5.

⁵ *Гагарин Ю.* Слово перед стартом // Советский Союз. 1961. № 6. С. 16.

⁶ Земля: Взгляд из космоса // Там же. С. 29.

социальных отношений. Кроме того, здесь можно также усмотреть модус искренности, его повышенный градус в сравнении с холодной сдержанностью сталинского канона. Наконец, посредством объятий и поцелуев мы имеем дело с политической манифестацией единения, с неразделимостью власти и народа, которая выражается в физическом акте. При этом народ как таковой предстает в качестве субъекта действия, наделяется сердцем и кидается в объятия советскому лидеру.

В текстах постоянно делается акцент на сердечности и душевности происходящей встречи: «После торжественной и *сердечной* церемонии встречи Н.С. Хрущев, Р. Прасад и Дж. Неру в открытой машине отправляются в город. *Приветственные* возгласы переливаются от края до края. Казалось, на эту загородную дорогу, на эти улицы и площади вся Индия принесла *сердечную любовь и поклон* посланцу великого народа-друга, человеку с *большим и открытым сердцем*»⁷. На сопровождающих этот текст снимках показан Н.С. Хрущев, беседующий с Неру, проезд премьера в открытой машине по улицам Дели, ликующие жители индийской столицы.

Впрочем, описание всенародной любви встречается и в репортажах из других поездок главы советского государства. Например, в очерке о визите Н.С. Хрущева и советской делегации в Албанию приводятся слова Первого секретаря ЦК Албанской партии труда Энвера Ходжи: «Сегодня албанский народ встречает вас с *распростертыми объятиями, с раскрытым сердцем, с чувством огромной радости*»⁸.

Толпы встречающих людей, приветствующих и протягивающих для пожатия руки, многочисленные репортеры с камерами – вот визуальный ряд материалов о поездках советского правительства. Снимки людской массы монтируются на журнальной полосе со снимками премьера, приветствующего народ. Советского главу сопровождает кортеж из правительственных машин, сам он едет в открытом автомобиле, откуда машет американцам. В другом случае Хрущев изображается в центре толпы и держит на руках ребенка, пожимает руки, общается с собравшимися: «Глава Советского правительства нашел ключ к *сердцам* американцев. Чем дольше длилась поездка, тем *горячее* становился прием, оказываемый ему простыми людьми Америки»⁹.

⁷ Драчинский Н. Дорога цветов // Огонек. 1960. № 8. С. 1.

⁸ Новиков А. Албания встречает советских друзей [Фото] // Огонек. 1959. № 23. С. 1.

⁹ [Автор снимка не указан, предположительно Анатолий Гаранин] // Советский Союз. 1959. № 11. С. 26.

«Сердечные приветствия, дружеские рукопожатия, душевные беседы. Это можно наблюдать в любой деревне, на остановках в пути, в квартирах – всюду, где появлялся Н.С. Хрущев», – пишет «Советский Союз» о визите главы государства в Австрию¹⁰. «Франция раскрывает свое сердце», – еще один подзаголовок в журнале «Советский Союз»¹¹. «Советское фото» сообщает о том, что французы приветствовали Никиту Сергеевича «восторженно, с искренней сердечностью»¹².

«Советский Союз» описывал накал любви и дружбы между СССР и Францией следующими текстами: «Полиция не справилась с напором огромной дружелюбной толпы, цепь была прорвана, и автомобиль Н.С. Хрущева оказался в бурлящем водовороте человеческих тел. Однако ничего опасного не произошло, только помяли машину»¹³. В тексте акцентировалась также мимика советского премьера: «У Верденского монумента победы Н.С. Хрущева встретили девочка в облике Марианны, олицетворяющая Францию, и мальчик в казачьей одежде, который должен был олицетворять Россию. Когда Никита Сергеевич спросил, чего бы она хотела, та ответила по-русски: “Чтобы детям не угрожала война”. На лице советского премьера дрогнули от волнения мускулы. Он поднял ребенка на руки и пообещал сделать все, чтобы дети жили в мире и даже не знали слово “война”». Снимки в номере иллюстрировали «потепление» франко-советских отношений: торжественный кортеж по улицам Бордо, народные толпы на улицах Парижа, встречи в верхах, счастливого Хрущева с подаренными ему початками кукурузы.

«Огонек» свидетельствовал: «На улице Никита Сергеевич беседовал с детьми, торопящимися в школу, с прохожими, заглянул в магазин. Но когда он вышел из ворот посольства на следующее утро, то уже не мог сдвинуться с места. Огромная толпа кино- и фоторепортеров, радиокомментаторов с микрофонами, журналистов сплошь загрохотала улицу»¹⁴. На сопровождающих этот текст фотографиях Хрущев приобнимает детей, размахивает шляпой, эмоционально жестикулирует¹⁵.

¹⁰ СССР – Австрия: Дружбе расти и крепнуть // Советский Союз. 1960. № 8. С. 54.

¹¹ Визит дружбы и мира / Н. Грибачев, В. Володкин, В. Соболев; Агентство «Ассошиэйтед Пресс». Снимки, посвященные визиту Н.С. Хрущева во Францию [Фото] // Там же. № 5. С. 4–5.

¹² Советское фото. 1960. № 5. С. 5.

¹³ Грибачев Н. Визит во Францию // Советский Союз. 1960. № 5. С. 30.

¹⁴ Драчтинский Н. Париж, Берлин, Москва // Огонек. 1960. № 22. С. 2.

¹⁵ Драчтинский Н., журнал «Фрайе Вельт» [Фото] // Там же. С. 1–3.

Народную страсть, колеблющуюся в интервалах между любовью и дружбой, характеризует также этот фрагмент: «Дружить – было лейтмотивом всех встреч во Франции. Дружить – настойчиво слышится сейчас на наших предприятиях и колхозах. Дружить – звучит в сотнях писем, идущих сейчас в адреса советских газет. И, ощущая эту обоюдную тягу двух великих народов друг к другу, невольно вспоминаешь плакат знаменитого французского художника Жака Эффеля, который во время визита мы видели повсюду. На нем были изображены целующимися девочка в традиционном костюме Марианны и мальчик в русской рубашке. Теперь можно понять успех этого скромного плаката. Художнику удалось в шуточной форме выразить то, о чем думают, о чем мечтают французский и советский народы»¹⁶. На соседних фотографиях Хрущев машет букетом, а французский народ в ответ ему – флагами и зонтиками, девочки в Дижоне дарят Хрущеву и супруге букеты цветов, советский лидер встречается с рабочими автомобильного завода и Морисом Торезом.

Через метафоры языка народ описывается как единый организм, который имеет сердце, может обнимать, пожимать руки, улыбаться. Это указывает на антропоцентричную модель мира, где тело и его части рассматриваются как первичная основа его концептуализации.

История знает примеры, когда общество воспринималось как единый организм, члены которого представляли различные социальные группы, что находило отражение в отдельных жестах [Гудков, Ковшова 2007, с. 117]. Эпоха оттепели чувствительна к телесной метафорике и прибегает к соматическим фразеологизмам, чтобы направить читателя журналов к нужной интерпретации происходящих событий. Напомним, что сам фразеологизм строится на метафоре, предполагающей сопоставление несопоставимого, выражает представление об устройстве мира и отношение к обозначаемому¹⁷. Образный компонент фразеологизма порождает культурную коннотацию и начинает играть роль культурного знака, выполняет функцию символа, эталона, стереотипа [Гудков, Ковшова 2007, с. 92].

---

¹⁶ Полевой Б. 11 дней, которые останутся в истории // Там же. № 15. С. 29.

¹⁷ «Сквозь призму образа, данного в буквальном прочтении фразеологизма, говорящий/слушающий видят, осознают и оценивают происходящее в действительности. <...> Само появление тропа как основы внутренней формы фразеологизма обусловлено сложившимися в культуре архетипическими противопоставлениями, мифологическими представлениями об устройстве мира и т. п.» [Гудков, Ковшова 2007, с. 101].

б) *Образ Хрущева: «Свой среди своих»*

Власть обладает способностью к мимикрии, она отражает надежды и чаяния масс, узнающих себя в советском лидере. Это подчеркивается в повторяющихся жестах Хрущева и народа в журнальных фотографиях, но вместе с тем это акцентируется в сопровождающих текст снимках. Радость ликующей толпы, улыбки людей – это отраженный свет, реакция на сияющее лицо советского лидера. Фотокорреспонденты В. Володкин и С. Смирнов вспоминают фотосъемку в Марселе: «Французы увидели улыбку нашего премьера, и на их лицах зацвели улыбки...»¹⁸ Таким образом утверждается правильность эмоционального выражения, которое подхватывается окружением. Лидер выступает как эталон для подражания, он транслирует поведенческие нормы, но в то же время является воплощением массы, которая узнает себя в нем.

Борис Полевой пишет: «Вся Франция *улыбается*. Люди, выстроившиеся на перекрестках дорог, вдоль улиц, *с просветленными лицами и добрыми улыбками* встречают московского гостя»¹⁹. Автор подчеркивает, что несмотря на свое высокое положение, Н.С. Хрущев – «*простой, сердечный, улыбающийся людям человек*»²⁰. На сопровождающих снимках мы видим Хрущева, держащего маленького марсельца, а также толпу парижан, приветствующую главу Советского государства.

Фотографии, сделанные во время визита Н.С. Хрущева во Францию, отличаются большой эмоциональностью жеста. Они монтируются на полосе со снимками размахивающих руками французов, которые отвечают такой же страстностью, повторяя приветственный жест премьера.

Борис Полевой пишет о сердечном контакте Хрущева с народом Франции, который принимает его как «своего»: «И еще одно, по-моему, убедительное в условиях Франции свидетельство успеха. Бордоский винодел сказал, что Никита Сергеевич очень похож на бордосца. Мэр города Марселя заявил в своей официальной речи, что его гость – настоящий марседец. А в Дижоне Никита Сергеевич опять услышал, что он похож на дижонца!»²¹. В статье приводится цитата из французской газеты: «Летая со скоростью 800 километров и разъезжая со скоростью 140 километров в час, “господин К.” продолжает очаровывать французов»²².

¹⁸ Советское фото. 1960. № 5. С. 6.

¹⁹ Полевой Б. Маршрутами дружбы // Огонек. 1960. № 14. С. 1.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

«Юг Франции встретил Никиту Хрущева как “своего”, с истинно французским гостеприимством, *веселым, простым и непосредственным*. И сам гость среди этих *теплых* знаков внимания, видимо, не раз чувствовал себя, как у нас говорят, “*французом среди французов*”. <...>

Так, в Марселе Хрущев пел вместе с приглашенными “Марсельезу”, “Песню похода” и, поддержанный общим хором, запевал русскую песню волжских бурлаков. До этого он воздал должное традиционной “буйябэс” – рыбному супу с ароматными травами Прованса и сухому вину, которое дарят людям холмы Кассиса. <...>

В промышленном городе Тарб Никиту Хрущева *горячо* встретило рабочее население. Когда он вышел из аэровокзала, толпа, поняв, что издалека не разглядишь хорошенько гостя, опрокинула установленные полицией барьеры. Хрущев с *выражением большой сердечности на лице, подняв над головой соединенные в приветствии руки*, двинулся навстречу толпе, которую полицейским удалось кое-как задержать в двадцати метрах от него. Он *по-отечески наклонился и обнял* двух ребятишек, одетых в беарнские костюмы и выбежавших приветствовать его. <...>

Советскому гостю поднесли белоснежного барашка, сыр из Осси, корзины, наполненные початками кукурузы, бутылку бакского ликера “Изарра”. *Никита Сергеевич взял барашка на руки и опустил на мгновение лицо в его нежное руно* (согласно версии журнала «Советский Союз», он взял его на руки и нежно погладил²³. – Е. В.). *Раздался восторженный визг* детей, но *еще в большем восторге* были фотографы и кинооператоры. – Я люблю животных, – сказал Хрущев юношам и девушкам По. – Я доверяю этого ягненка вам, кормите его хорошо. Я буду справляться о нем. Давайте дадим ему имя “Мир”! Назавтра утром, перед тем как покинуть По, Хрущев совершил не предусмотренную программой прогулку по городу. Встречавшимся на пути детям он дарил новейшую советскую игрушку – маленький “лунник”».

В тексте делается акцент на простоту советского премьера, на его открытость, искренность, душевность, сердечность. Фиксируются его эмоциональные реакции, жесты. Подчеркивается естественное поведение советского руководителя: «На трибуне у микрофона Н.С. Хрущев. *Простым, непринужденным движением* он вешает шляпу на столбик трибуны, и *по лицам заметно, что этот простой жест пришелся по душе* американцам»²⁴. Неоднократно упомина-

²³ Советский Союз. 1960. № 5. С. 29.

²⁴ Лицом к лицу с Америкой: Рассказ о поездке Н.С. Хрущева в США. С. 55.

ется его свойский образ и манера себя держать: «Симпатичный человек! Простой и веселый! Настоящий француз!». Тексты служат комментариями к фотографиям и во многом их дублируют, описывая их. Статья иллюстрирована снимками Никиты Сергеевича, где он стоит с расprostертыми руками в Вердене, обнимает барашка в По, чокается бокалом вина в Бордо, приветствует толпу с балкона в Париже, встречается с бывшим пилотом авиаполка «Нормандия – Неман» в Истре. Приветственные жесты руководителя повторяются людской массой, усиливая их эффект.

в) Горячо / холодно

Идеология проявлялась имплицитно в широком использовании метафор. Так, в ленинское время доминирующей метафорой был «путь» («по пути к коммунизму», «ленинско-сталинским путем»), к концу 1920-х годов – «фронт» и «атака» [Брукс 2005, с. 233]. Для языка сталинской эпохи была характерна природная символика. В литературе этого времени описания природы и погоды соответствуют развитию сюжета и даны так, чтобы читателю была очевидна двуплановость этих фрагментов [Басовская 2004, с. 84]. Авторы используют общеизвестные символы (осень – увядание, весна – возрождение, ветер и выюга – неудержимая сила), употребляют экспрессивные слова («горестный», «властно», «нескончаемо», «бушевать», «разверзнуться»), а также местоимения и наречия («весь», «всякий», «каждый», «всюду», «езде»), что соответствует идеологическим установкам и «претендует на исчерпывающее объяснение природы и общества» [Басовская 2004, с. 85]. Подобная литература, в свою очередь, приучала «к штампованной, десемантизированной речи, и это не могло не сказаться на языковом сознании народа» [Басовская 2004, с. 86].

Само название хрущевского периода, оттепели, имеет культурные параллели и корни как на Западе, так и в России. К этой природной метафоре в свое время прибегали многие авторы, в том числе Фридрих Ницше в книге «Так говорил Заратустра», Дмитрий Мережковский в лекции «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы», а также Федор Тютчев в стихотворении «14-е декабря 1925 года» [Магомедова 2008, с. 80–82]. У двух последних оттепель обозначает перемены в русской общественной и политической жизни. В свою очередь распространение получила и метафора «подмораживания» России, подразумевавшая уничтожение последствий либеральных реформ Александра II [Магомедова 2008, с. 82]. Илья Эренбург был знаком с историей употребления этого слова и использовал его сознательно.

В хрущевский период природные метафоры становятся нормой описания политических отношений, чей спектр укладывался журналистами по температурной шкале «тепло–холодно». Так, война была «холодной», международный климат усилиями советского премьера «теплел», а советского лидера всюду ожидал «горячий прием». Погода становится способом рассказать о дипломатических встречах.

«Над Вашингтоном ясное небо» – подзаголовок в статье о визите Н.С. Хрущева в Америку²⁵.

Нарастающий успех Хрущева во Франции сравнивается со «снежным комом, сорвавшимся в оттепельную пору с горного склона»²⁶.

В своем обращении к французам Н.С. Хрущев говорит о том, что «военные бури и грозы», «бушевавшие» над Европой, затронули оба народа – СССР и Франции²⁷.

Показательна речь, которую произнес Н.С. Хрущев на митинге трудящихся Москвы. В ней он поделился своими впечатлениями о визите в Америку. В частности, он так рассказывал о настроениях, предшествовавших поездке: «Они создавали такие *атмосферные условия, которые не согрели меня, хотя температура в США значительно выше, чем в Москве. Они хотели меня встретить холодным душем*. Особенно я был огорчен, когда в самолете, следуя из Москвы в Вашингтон, прочитал выступление вице-президента Никсона, приуроченное к моему приезду. Он избрал себе аудиторию, которую, казалось бы, никак нельзя заподозрить в какой-либо воинственности. Это была ассоциация зубных врачей. (*Оживление в зале.*) Однако господин Никсон произнес речь далеко не лекарственного значения. (*Смех в зале.*) Он к *зубной боли добавил, так сказать, холода*. Можно подумать, что он испугался, как бы действительно не наступило *потепление, как бы действительно “холодная война” не кончилась*. <...> Вы, очевидно, читали в газетах, как нас встречали в столице США, какую речь произнес президент. Я повторяться не буду, *это была теплая встреча*»²⁸. Далее силы, олицетворяющие «холодные» отношения, уподобляются злым духам, чертям, безумцам, «червячищам»: «Люди *пожимали мне руки, и я им отвечал тем же, и они аплодировали и улыбались*,

²⁵ Иванов Б. Мир шагает за океан // Огонек. 1959. № 39. С. 2.

²⁶ Полевой Б. Маршрутами дружбы // Огонек. 1960. № 14. С. 1.

²⁷ Хрущев Н.С. Народы хотят мира, и мы должны оправдать их ожидания // Советский Союз. 1960. № 5. С. 11.

²⁸ Хрущев Н.С. Речь на митинге трудящихся Москвы 28 сентября 1959 года // Советский Союз. 1959. № 11. С. 49.

улыбались так же, как вы, москвичи, улыбаетесь, встречая гостей, радуясь гостям и делая все, чтобы гости чувствовали себя так, как это бывает при хорошем приеме гостей. Когда мы приехали в Сан-Франциско, ярко светило солнце, был чудный, по-нашему летний день. Климат замечательного города был совершенно иным, лучи солнца обогрели нас, но еще теплее нам было от сердечной, непринужденной встречи. <...> Встречались нам и злые и хмурые американские лица. Было очень много хорошего, но нельзя забывать и плохое. Этот червячок, вернее, червячище, еще жив и может проявить свою жизненность в дальнейшем. <...> В Америке есть силы, которые действуют против нас, против ослабления напряженности, за сохранение “холодной войны”. Закрывать глаза на это значило бы проявить слабость в борьбе против этих злых сил, злых духов. Нет, их надо обнажить, их надо показать, их надо публично высечь, их надо поджарить, как чертей, на сковородке (Смех в зале, продолжительные аплодисменты.) <...> Но не будем сидеть сложа руки и ожидать рассвета, ожидать, куда будет склоняться стрелка международных отношений. Но и со своей стороны будем делать все, чтобы стрелка барометра шла не на бурю и даже не на попеременно, а показывала бы на ясно (Продолжительные аплодисменты.) <...> Народы должны надеть на этих безумцев смирительные рубашки. Мы верим в то, что государственный ум, человеческий разум победят (Аплодисменты). Говоря прекрасными словами Пушкина: Да здравствует разум! Да скроется тьма! (Продолжительные аплодисменты)»²⁹.

Журнал «Советский Союз» придерживается похожей стилистики: «Не секрет, что есть еще черви-короеды, пытающиеся подточить растущее дерево мира. <...> Уходят в прошлое времена, когда сквозняки “холодной войны” свободно разгуливали по планете. Теперь, особенно после поездки главы советского правительства в США, все решительнее побеждает теплый ветер миролюбия, стрелка барометра международной погоды движется в направлении от “бури” и “ненастья” к “ясно”. Вероятно, еще на одно отделение к “ясно” подвинется стрелка после намеченной на вторую половину марта 1960 года поездки Н.С. Хрущева во Францию»³⁰.

«Франция тепло, даже горячо приняла высокого советского гостя и еще больше поверила ему. Если к этому прибавить общественное мнение Франции, сердечными манифестациями высказавшееся в поддержку визита и франко-советской дружбы, то станет

²⁹ Хрущев Н.С. Речь на митинге трудящихся Москвы 28 сентября 1959 года. С. 50–52.

³⁰ Труд и мир близнецы // Советский Союз. 1959. № 12. С. 2.

совершенно ясно, что *политический климат в Европе значительно потеплел*»³¹.

Помимо использования сравнений политики с природой, в журналах можно встретить описание прямого воздействия на погоду представителей советской власти. Явление советского премьера обладает фактически магическим воздействием на окружающую действительность: «*Утро было хмурым, моросил дождь*. По дороге на аэродром мы встретили длинный черный лимузин: в Париж торопился канцлер Аденауэр. Но вот *тучи рассеялись, брызнуло веселое майское солнце*, – как раз тогда, когда на бетонной дорожке аэродрома приземлился советский самолет.

– Даже погода ведет себя символично, – заметил по этому поводу корреспондент одной французской газеты»³². На снимке рядом с текстом изображен Н.С. Хрущев в окружении людей, треплющий по щеке мальчика.

С похожим сопоставлением мы встречаемся и на страницах «Советского Союза»: «Утро Парижа было таким *весенним, солнечным, ярким* – не ощущалось даже обычной для города дымки, – что кто-то заметил: “Похоже, что *на небе франко-советских отношений нет ни одного облачка*”. Оптимисты не только украшают жизнь, они сила, которая ее переделывает»³³. На соседнем снимке – встреча в верхах, Хрущев жмет руку де Голлю. Жесты, телесные соприкосновения должны были трактоваться зрителем в соответствии с эпитетами в тексте, сообщавшими нужный градус эмоций для прочтения снимка. Определенные словесные штампы могли также переводиться на визуальный язык, дублируя сказанное в статье.

Тексты пронизаны бинарными оппозициями, в которых действующие политические силы наделены противоположными характеристиками. Через метафоры тепла и холода, света и тьмы, различных погодных условий характеризуются международные отношения, дается ключ к их категоризации. Подобные выражения задействуют физиологические реакции, апеллируют к телесной памяти, настраивая эмоциональное восприятие читателя в русле идеологической повестки.

Приведенные выше примеры представляют три различных телесных модуса, которые задает текст для нужной интерпретации снимков.

---

³¹ Грибачев Н. Визит во Францию // Советский Союз. 1960. № 5. С. 30.

³² Драчинский Н. Совещание в верхах сорвано правительством США. С. 1.

³³ Грибачев Н. Визит во Францию. С. 7.

Один из них можно обозначить как «субъектный», где через использование телесных метафор народ предстает как единый организм, как нечто целое, сливающееся в эмоциональном порыве с советским лидером. Народ как субъект наделен сердцем, он распаивает свои объятия и т. д. Читатель, в свою очередь, должен был себя идентифицировать как часть этого коллективного тела и примерить на себя описываемые чувства. На этом уровне также подчеркивается политическое единение, которое себя проявляет посредством физического акта – объятия или поцелуя.

Другой модус – «миметический», демонстрирующий функцию отражения. Н.С. Хрущев здесь уподобляется человеку из приветствующей его толпы, становится похожим на него. Народ, в свою очередь, отвечает ему тем же: жесты советского премьера тиражируются людской массой. Важную роль здесь играют эмоции участников коммуникации, которые отзеркаливают друг друга и убеждают аудиторию в правильности происходящего.

В третьем случае текст сообщает определенный «температурный» режим, регулируя эмоциональность читателя/зрителя, настраивая ее на определенный «градус». Метафоричная образность текста, колеблющаяся по шкале «горячо–холодно», выстраивает своего рода сенсорный фильтр, который определяет восприятие новости и ее героев. Этот модус в связи с его функцией можно назвать «регулирующим».

Сопровождающий текст интенсифицирует эмоции, что еще более усиливается визуальным рядом, который фокусируется на жестах и мимике людей. Слово и изображение умножают эмоциональное воздействие друг друга, но в то же время привносят в общее поле интерпретации свои коннотативные смыслы.

Оттепель меняет экспрессивность фона, на котором разворачивается репрезентация власти. Эпоха предпочитает тактильность, заполняя фотографическую плоскость народными толпами и политическими объятиями, и повышает градус демонстрируемых в кадре чувств. Сопровождающий снимки текст дает ключ к нужному прочтению изображения, регулирует степень и оттенок эмоционального жеста, создает рамки для интерпретации событий.

Литература

- Барт 2003 – *Барт Р.* Фотографическое сообщение // Барт Р. Система моды: Статьи по семиотике культуры. М.: Изд-во им. Сабашиковых, 2003. С. 205–211.
- Басовская 2004 – *Басовская Е.Н.* Тоталитарный пейзаж: из наблюдений над языком сталинской эпохи // Проектное мышление сталинской эпохи. М.: РГГУ, 2004. С. 80–87.

- Брукс 2005 – Брукс Д. «Людей, которые не читают газет, надо морально убивать на месте» // Советская власть и медиа: Сб. статей / Под ред. Х. Гюнтера, С. Хэнсен. СПб.: Академический проект, 2005. С. 228–241.
- Викулина 2012 – Викулина Е.И. Репрезентация тела в советской фотографии оттепели: Дис. ... канд. культурологии. М., 2012. 347 с.
- Викулина 2019 – Викулина Е.И. «Чем они озабочены? Почему они улыбаются?»: эмоциональный репертуар в журнальной фотографии «оттепели» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 5. С. 129–147.
- Гудков, Ковшова 2007 – Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры: Материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007. 288 с.
- Магомедова 2008 – Магомедова Д.М. О генезисе литературно-политической метафоры «оттепели» // Социокультурный феномен шестидесятых: Сб. статей. М.: РГГУ, 2008. С. 79–83.
- Плампер 2018 – Плампер Я. История эмоций. М.: НЛО, 2018. 561 с.
- Reddy 2001 – Reddy W.M. The navigation of feeling. A framework for the history of emotions. N.Y.: Cambridge University Press, 2001. 380 p.

References

- Barthes, R. (2003), “The photographic message”, in Barthes, R. *The Fashion System. Articles about the Semiotics of Culture* [Sistema mody. Stat'i po semiotike kul'tur], Izdatel'stvo im. Sabashnikovykh, Moscow, Russia, pp. 205–211.
- Basovskaya, E.N. (2004), “Totalitarian landscape. From observations of the language of the Stalin era”, in Odesskii, M.P. (ed.), *Proektnoe myshlenie stalinskoi epokhi* [The design thinking of the Stalin period], RGGU, Moscow, Russia, pp. 80–87.
- Brooks, J. (2006), “People who do not read newspapers should be morally killed on the spot”, in Günther, H. and Hänsgen, S. (eds.), *Sovetskaya vlast' i media* [Soviet power and the media], Akademicheskii proekt, Saint Petersburg, Russia, pp. 228–41.
- Gudkov, D.B. and Kovshova, M.L. (2007), *Telesnyi kod russkoi kul'tury. Materialy k slovaryu*. [The body code of Russian culture. Materials for the dictionary], Gnozis, Moscow, Russia.
- Magomedova, D.M. (2008), “On the genesis of the literary and political metaphor of the ‘thaw’”, in Tyupa, V.I. and Fedunina, O.V. (eds.), *Sotsiokul'turnyi fenomen shestidesyatykh* [Social and cultural phenomenon of the sixties], RGGU, Moscow.
- Plamper, J. (2018), *Istoriya emotsii* [The History of Emotions], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Reddy, W.M. (2001), *The Navigation of Feeling. A Framework for the History of Emotions*, Cambridge University Press, New York, USA.
- Vikulina, E. (2012). “Representation of the body in Soviet Photography of the Thaw”, Ph.D. Thesis, Cultural Studies, RGGU, Moscow, Russia.

Vikulina, E.I. (2019), "What are they worried about? Why are they smiling? 'Emotional repertoire in magazines' photography of the 'ottepel' ", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 5, pp. 129–147.

Информация об авторе

Екатерина И. Викулина, кандидат культурологии, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; vikulina.rsuh@gmail.com

Information about the author

Ekaterina I. Vikulina, Cand. of Sci. (Cultural Studies), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; vikulina.rsuh@gmail.com

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
А.А. Леонтьева

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Подписано в печать 15.02.2022.

Формат $60 \times 90^{1/16}$.

Уч.-изд. л. 6,9. Усл. печ. л. 7,9.

Тираж 1050 экз. Заказ № 1396

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru